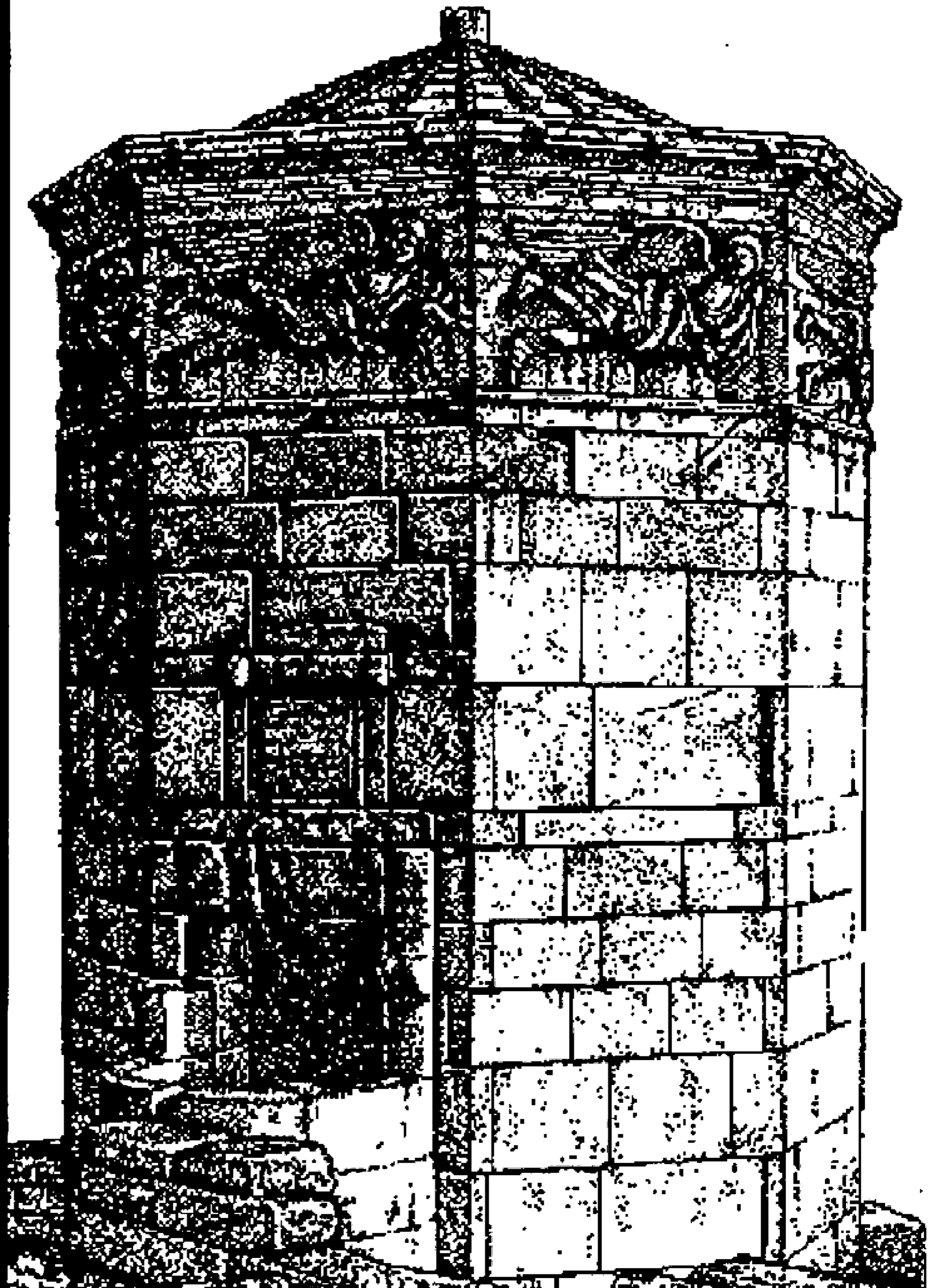

Альманах

Выпуск 1

РЕДАКТОР ИСТОРИИ

Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Учебно-методическое объединение по общим проблемам педагогического образования
Научно-методический совет по истории

Министерство образования и культуры Австрии
Образовательные программы сотрудничества *KulturKontakt*

Европейская постоянно действующая конференция ассоциаций преподавателей истории
EUROCLIO

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Альманах

Выпуск 1

Издательство Центра "ВОЗРОЖДЕНИЕ"
Вена - Санкт-Петербург - Псков
1997

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ. Альманах. Выпуск 1.

Вена – Санкт–Петербург – Псков: Центр “ВОЗРОЖДЕНИЕ”. 1997. 286 с.

Рекомендовано к изданию Учебно – методическим объединением по общим проблемам педагогического образования (РГПУ) Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации.

Издание осуществлено при финансовой поддержке **KulturKontakt** (образовательные программы сотрудничества Министерства образования и культуры Австрии)

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *В. Н. Гарбузов*

Рецензент

доктор исторических наук, профессор *Ю. В. Егоров*

Редакционная коллегия:

Й. Ван дер Лееув–Роорд (Нидерланды)

В. Н. Гарбузов, ответственный редактор (Россия)

К. Доннермайр (Австрия)

М. С. Ерохина (Россия)

М. Маргинтер (Австрия)

В. К. Фураев (Россия)

Х. Штроцка (Австрия)

А. Я. Юдовская (Россия)

А. В. Юрасов, зам. ответственного редактора (Россия)

Первый выпуск альманаха «Метаморфозы истории» включает в себя статьи и учебные материалы, предназначенные прежде всего учителям школ, гимназий, лицеев и классов с углубленным изучением гуманитарных дисциплин, а также студентам исторических факультетов педагогических институтов и университетов. Издание охватывает значительный круг проблем, по которым сегодня ведутся дискуссии и споры: не только в специальных публикациях, но и на страницах газет и журналов, адресованных широкому читателю.

ISBN -5-900834-06-9

© **KulturKontakt**, 1997

© Центр “ВОЗРОЖДЕНИЕ”, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

М. Маргинтер. Образовательные программы сотрудничества *KulturKontakt* (Австрия) 7

Предисловие 9

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

А. Я. Юдовская. Учебник нового поколения как средство формирования исторического сознания и мышления учащихся 14

ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

М. С. Ерохина. Цивилизации прошлого: учебный материал и методические рекомендации к урокам 30

С. М. Жестоканов. К вопросу о типологии древних цивилизаций 42

М. Ю. Брандт, А. В. Куликов. Цивилизация средневековой Европы: материалы к изучению темы в курсе "Человек и общество" 58

Н. А. Королева. "Эпоха пробуждения Азии": к вопросу о модернизации и вестернизации традиционного общества 72

О. Ю. Пленков. Индустриальная цивилизация XX века: особенности эволюции и динамики 93

И. Е. Никандрова. У истоков евразийской концепции российской цивилизации 107

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Юрасов. К истории Немецкого – Шведского гостиного двора в Пскове в XVII веке 119

П ЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В. Н. Гарбузов. Консерватизм: ценности, идеи, политика 136

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. Т. Юнгблюд. Ф. Д. Рузвельт и У. Черчилль:
два лидера в одной войне 163

О. В. Попова. Сопротивление фашистскому
оккупационному режиму на территории СССР
(проблемы историографии) 173

"Круглый стол": Вторая мировая война
и ее воздействие на историю XX века 185

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

В. Е. Логинов. Роль личности в истории:
анализ философских концепций 197

М. С. Ерохина. Историческая личность:
современная методика изучения 209

М. В. Орлов. Мемуары принцессы Виктории Луизы
как исторический источник 214

В. Н. Гарбузов. Президент Рональд Рейган
и система кабинетного правления 222

ИСТОРИЯ СРЕДИ НАС

Т. В. Алентьева. "Живая история" в США 246

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Т. Маркова. Культура постмодернизма
и русские диссиденты 256

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

Й. Ван дер Лееув-Роорд. История России в зарубежных
учебниках 261

Х. Штроцка. Русская история в австрийской учебной
литературе 267

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

Т. Б. Пасман. Пропедевтический курс истории: назначение,
содержание, особенности методики 272

М. Маргинтер, В. Н. Гарбузов. "Современные подходы
в преподавании истории". Международный семинар
в Пскове (15–17 апреля 1996 г.) 280

Сведения об авторах 283

METAMORPHOSES IN HISTORY

CONTENTS

<i>M. Marginter.</i> Educational Programmes of the <i>KulturKontakt</i> Cooperation of Austria	7
Introduction	9
HISTORY PROGRAMMES IN SECONDARY SCHOOLS	
<i>A. Ya. Yudovskaya.</i> Textbook for the New Generation as a Means for the Formation of Historical Consciousness and Thought Development of School Children	14
HISTORY OF WORLD CIVILIZATIONS	
<i>M. S. Yerokhina.</i> Civilizations of the Past: study material and methodological recommendations for classes	30
<i>S. M. Zhestokanov.</i> On the Question of the Typology of the Ancient Civilizations	42
<i>M. Yu. Brandt, A. V. Kulikov.</i> The Civilization of Medieval Europe: thematic materials for the course "The Individual and Society"	58
<i>N. A. Korolyova.</i> "The Awakening of Asia": on the question of the modernization and westernization of traditional society	72
<i>O. Yu. Plenkov.</i> The Industrial Civilization of the XX century: particulars concerning its evolution and dynamics	93
<i>I. Ye. Nikandrova.</i> Sources of the Evrazist concept of Russian Civilization	107
ECONOMIC HISTORY	
<i>A. V. Yurasov.</i> On the History of German – Swedish visiting court in Pskov in the XVIIth century	119

POLITICAL HISTORY	
<i>V. N. Garbouzov. Conservatism: values, ideas and politics</i>	136
THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR	
<i>V. T. Yungblyud. F. D. Roosevelt and W. Churchill: Two Leaders in one War</i>	163
<i>O. V. Popova. Resistance against the Fascist forces occupying Soviet Territory (problems of Historiography)</i>	173
"Panel Discussion": The Second World War and its Effect on the History of the XXth Century	185
THE INDIVIDUAL IN HISTORY	
<i>V. Ye. Loginov. The Role of the Individual in History: an Analysis of Philosophical Concepts</i>	197
<i>M. S. Yerokhina. Historical Personality: Modern Methodology for Learning</i>	209
<i>M. V. Orlov. The Memoirs of Princess Victoria Louise as a Historical Resource</i>	214
<i>V. N. Garbouzov. President Ronald Reagan and the System of Cabinet Government</i>	222
HISTORY AMONG US	
<i>T. V. Alentyeva. Living History in the U. S. A.</i>	246
THE WORLD CULTURE HISTORY	
<i>M. T. Markova. The Culture of Postmodernism and the Russian Dissidents</i>	256
THE STUDY OF RUSSIAN HISTORY IN FOREIGN COUNTRIES	
<i>J. Van der Leew-Roord. The History of Russia in Foreign Texts</i>	261
<i>H. Strozka. Russian History in Austrian Textbook Literature</i>	267
PROBLEMS RELATED TO THE TEACHING OF HISTORY	
<i>T. B. Pisman. Propaedeutic Course of History: Intent, Content, Features concerning its methodology</i>	272
<i>M. Marginter, V. N. Garbouzov. "Modern Approaches in the Teaching of History". International Seminar in Pskov. April 15 – 17, 1996</i>	280
Information about the Authors	283

Образовательные программы сотрудничества *KulturKontakt* (Австрия)

 образовательные программы сотрудничества **KulturKontakt** были созданы Министерством образования и культуры Австрии как центр сотрудничества Австрийской Республики со странами Центральной и Восточной Европы в сфере образования и культуры.

В 1994 г. по российско – голландской инициативе на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена был открыт Международный центр образовательных инноваций (МЦОИ), в котором **KulturKontakt** стал одним из партнеров и начал активно сотрудничать с северо – западным регионом России и, в частности, с Санкт – Петербургом.

В мероприятиях, проводимых на базе МЦОИ, участвуют Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации, Комитет по образованию г. Санкт – Петербурга, Министерство образования Ленинградской области, а также педагогические университеты и институты Северо – Запада России.

В организуемых МЦОИ семинарах, рабочих группах и конференциях принимают участие учителя школ, преподаватели педагогических вузов и представители органов управления системой образования различного уровня.

Российско – австрийские проекты в сфере образования охватывают такие проблемы как преподавание истории и граждановедения, управление школой, обучение немецкому языку и истории Австрии, вопросы профессионального образования и др. При поддержке программы Европейского Союза ТАСИС – РСР **KulturKontakt** стал инициатором российско – голландско – австрийского проекта по созданию обучающих фирм в десяти экспериментальных школах Санкт – Петербурга.

В апреле 1986 г., в рамках сотрудничества с Международным центром образовательных инноваций **KulturKontakt** совместно с историческим факультетом Псковского государственного педагогического института организовал учебный семинар для учителей г. Пскова по теме "Современные подходы в преподавании истории". В ходе этого семинара прошло много оживленных и интересных дискуссий, а его российские участники очень плодотворно работали вместе со своими австрийскими и голландскими коллегами.

При финансовой поддержке **KulturKontakt** издан и этот – первый – выпуск нового альманаха "МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ", который посвящен самым разным проблемам исторической науки и исторического образования в России и за рубежом. Надеюсь, что в дальнейшем, в следующих выпусках этого издания найдут свое место публикации учителей и ученых, будут представлены новые и интересные работы как российских, так и зарубежных авторов.

Мария Маргинтер,
координатор образовательных программ
сотрудничества **KulturKontakt** в Санкт – Петербурге

Educational Programmes of the *Kulturkontakt* cooperation of Austria

The educational programmes of *Kulturkontakt* were created by the Austrian Ministry of Education and Culture as a centre for joint projects in education and culture between Austria and the countries of Central and Eastern Europe. In 1994, as a result of a Russian – Dutch initiative, an International Centre for Innovations in Education (ICIE) was opened at the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. It was here that *Kulturkontakt* became one of the partners and actively began to cooperate with the northwestern region of Russia, and in particular, with the city of St. Petersburg. Representatives of the Ministry of Comprehensive and Vocational Education of the Russian Federation, the St. Petersburg Education Committee, the Ministry of Education in the Leningrad Region and Teachers' Training Universities and Institutes of the northwestern region of Russia all take part in the events sponsored by the ICIE.

At the seminars, work groups and conferences organized by the International Centre for Innovations in Education, the participants are comprised of school teachers, instructors from pedagogical institutes and representatives of the education administrations responsible for the various levels.

The Russian – Austrian educational projects deal with problems related to the teaching of history and civics, how schools are run, the German Language and the history of Austria, questions concerning professional training and other related issues. Through the support of the programme of the European Union known as TACIS – PCP, *Kulturkontakt* became the initiator of a Russian – Dutch – Austrian project devoted to the creation of educational enterprises in ten experimental schools of St. Petersburg. In April of 1986, through the International Centre for Innovations in Education, *Kulturkontakt* along with the Faculty of History of the Pskov State Pedagogical Institute organized a training seminar for the teachers of Pskov entitled "*Modern Approaches in the Teaching of History*".

Over the course of this seminar many stimulating and fruitful discussions took place and the Russian participants achieved a great deal as a result of their joint efforts with their Austrian and Dutch counterparts.

Through the financial support of *Kulturkontakt*, this first edition of a new almanac "METAMORPHOSES IN HISTORY" has been published which is devoted to a wide variety of problems in the field of history and the teaching of history in Russia and in foreign countries. I hope that timely and innovative works of both Russian and foreign teachers and scholars will be included in future editions of this publication.

Maria Marginter,

Coordinator of Educational Programmes of the *Kulturkontakt*
Cooperation of Austria in St. Petersburg

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к истории, к событиям далекого или совсем недавнего прошлого существовал всегда. И объясняется это не только тем, что прошлое, каким бы оно ни было, плохим или хорошим, позволяет понять многое в окружающей нас действительности, но и тем также, что люди, нередко сами того не осознавая, очень тесно связаны с ним. Именно оно объединяет нас, хотя и разъединяет одновременно.

Вторая половина 80-х годов нынешнего столетия вызвала к жизни множество суждений, родила новые, порою спорные концепции, выплеснув на страницы газет и журналов исторические факты и явления, имена и даты, которые долгие годы, чаще всего по политическим, нежели научным или каким-то иным соображениям, замалчивались, скрывались, либо фальсифицировались. Открытие, сбор и накопление новых исторических данных подготовили перемены в устоявшихся традициях и мнениях, изменили отношение к былым авторитетам.

Часто говорят о том, что не следует отказываться от прошлого. Действительно, этого не стоит делать. И прежде всего потому, что уйти от того, что было невозможно. Но отказаться от прежних, навязанных десятилетия назад схем, необходимо. Точно так же, как необходимо преодоление укоренившейся в отечественной исторической науке прямолинейности и узости в подходах к объяснению многих событий и фактов. Направленность исторического познания, как и сам ход истории, включает в себе множество линий, совокупность которых и дает представление, более или менее приближенное к реалиям минувшего.

В этой связи со всей определенностью встает главный вопрос — вопрос о методологии истории. Отказ отечественных ученых от монополизма ортодоксальной марксистской теории в исторической науке, по мнению одних, породил своеобразную "концептуальную анархию", оборотной стороной которой стало подчеркнутое равнодушие значительной части историков к методологическим проблемам. По мнению других, — налицо разнообразие методологических основ, ярко выраженный методологический плюрализм, преобладающий в современной мировой исторической мысли. Последний, по всей видимости, и является той базой, на которой в нашей стране будет развиваться история как наука. Вероятно, не следует слишком много спорить о том, какая методология лучше, а какая хуже. Любая обоснованная теоретическая система и любая методология содержат в себе рациональное зерно и имеют право на существование. Стремление создать какую-либо универсальную

концепцию исследования исторических событий и явлений вряд ли может быть полезно.

В сегодняшней ситуации формирования концептуального разнообразия все большую роль играют профессиональные качества историка. Именно они могут и должны стать своеобразным объединяющим началом по отношению к фактам и явлениям прошлого. Историк не должен быть угодливым апологетом тех или иных событий и людей, творящих историю, точно так же как и бездумным нигилистом и ниспровергателем устоев. Роль историка заключается не в том, чтобы судить и выносить приговоры минувшему. Его основное профессиональное назначение — объяснить исторические явления на основе всестороннего и полного учета всех факторов как объективного, так и субъективного плана.

Аргументированный исторический анализ, построенный на обширной источниковой базе, научная объективность, честность, стремление к истине, беспристрастие и некоторая отстраненность (не участник исторического процесса, а его исследователь) делают историка профессионалом. Эти качества не должны перекрываться его идейными убеждениями, в противном случае все выводы, вытекающие из процесса научного познания, не смогут быть высоко квалифицированы.

Вполне очевидная изолированность нашей страны, продолжавшаяся в течение долгих десятилетий XX века, привела к некоторой обособленности ее истории от мировых событий прошлого. В связи с этим у многих возникают определенные трудности при соотнесении происходивших в одно и то же время явлений российской и зарубежной истории. При этом принадлежавшие одной и той же эпохе факты из прошлого зарубежного мира и исторические события, происходившие в России, политические деятели, бывшие современниками, зачастую не ассоциируются друг с другом.

Однако история России не может и не должна быть изолирована и тем более оторвана от истории мировой. Она — составная ее часть. Сравнение исторического прошлого собственного народа с опытом, приобретенным народами других стран, способствует не только формированию у учащихся и студентов более широкого взгляда на развитие исторического процесса в целом; оно воспитывает у них не только уважительное отношение к зарубежной истории, но и помогает более глубокому пониманию специфики эволюции самой России, осознанию ее места и роли в окружающем мире.

Из этого и исходили авторы первого выпуска нового издания, предлагаемого читателю — альманаха *"Метаморфозы истории"*. Это — результат совместного проекта ученых и преподавателей Псковского государственного педагогического института (ПГПИ) и

ряда других высших учебных и научных заведений России, Австрии и Голландии. В нем представлены работы ученых Москвы, Санкт—Петербурга, Пскова, Курска, Кирова (Россия), Вены, Зальцбурга (Австрия) и Гааги (Нидерланды). Первый выпуск альманаха включает в себя статьи и учебные материалы, посвященные актуальным и дискуссионным проблемам зарубежной истории и предназначен прежде всего учителям школ, гимназий, лицеев и классов с углубленным изучением гуманитарных дисциплин, а также — студентам исторических факультетов педагогических вузов.

Новое издание не является учебником или учебным пособием в том смысле, в каком обычно мы привыкли их воспринимать. Оно не представляет собой систематического и концентрированного изложения материала, объединенного общей концепцией или идеей. Содержание альманаха охватывает значительный и разнообразный круг исторических проблем, по которым сегодня ведутся дискуссии и споры не только в специальных изданиях, но и на страницах газет и журналов, адресованных широкому читателю.

В нем — несколько разделов. Первый раздел представляет статью *А. Я. Юдовской* (Санкт—Петербург), раскрывающую роль учебника нового поколения как средства формирования исторического сознания и мышления учащихся. Второй и наиболее обширный раздел посвящен истории мировых цивилизаций и проблемам, связанным с ее изучением и преподаванием. В статье *М. С. Ерохиной* (Псков) предлагается учебный материал и методические рекомендации к урокам по теме "Цивилизации прошлого". Вопросы типологии древних цивилизаций рассматриваются в работе *С. М. Жестоканова* (Санкт—Петербург). Материалы к изучению темы "Цивилизации средневековой Европы" в курсе "Человек и общество" подготовили *М. Ю. Брандт* (Москва) и *А. В. Куликов* (Псков). Проблемы модернизации и вестернизации традиционного общества в "эпоху пробуждения Азии" — объект внимания статьи *Н. А. Королевой* (Псков). Особенности эволюции западной цивилизации в XX веке анализирует *О. Ю. Пленков* (Санкт—Петербург). Особый интерес представляет публикация *И. Е. Никандровой* (Псков), раскрывающая начальный этап становления евразийской концепции российской цивилизации.

Несомненно, читателя заинтересует и раздел, посвященный экономической истории, который включает работу *А. В. Юрасова* (Москва), рассматривающую деятельность Немецкого — Шведского гостиного двора в Пскове в XVII веке.

О консерватизме как явлении общественно—политической жизни Запада, о различных концепциях и проблемах его типологизации пишет *В. Н. Гарбузов* (Псков).

Отдельный раздел сборника, посвященный Второй мировой войне, включает материалы, в которых анализируются некоторые спорные вопросы ее истории. Так, *В. Т. Юнгблуд* (Киров), используя интересный фактический материал, дает сравнительную характеристику выдающихся политиков XX века У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта. *О. В. Полова* (Псков) представила историографический обзор проблемы сопротивления фашистскому оккупационному режиму на территории СССР. Проблемы воздействия Второй мировой войны на историю XX века стали предметом обсуждения участников заседания "круглого стола", состоявшегося на историческом факультете ПГПИ в мае 1995 г.

Особое внимание читателей привлечет и раздел "Личность в истории". В статье *В. Е. Логинова* (Псков) рассматриваются основные философские подходы и оценки роли личности в истории. *М. В. Орлов* (Псков) пишет о мемуарах принцессы Виктории Луизы, дочери последнего кайзера Германской империи Вильгельма II, до сих пор не переведенных на русский язык. Система кабинетного правления президента Р. Рейгана исследуется в публикации *В. Н. Гарбузова* (Псков). *М. С. Ерохина* (Псков) предлагает современную методику изучения исторической личности.

В разделе "История среди нас" представлена статья *Т. В. Алентьевой* (Курск), подготовленная по итогам поездки автора в США и раскрывающая способы приобщения американцев к национальной истории, ее популяризации.

Читателю рекомендуется и материал по истории мировой культуры. Статья *М. Т. Марковой* (Псков) "Культура постмодернизма и русские диссиденты" будет полезна учителю при подготовке соответствующих разделов в школе.

Несомненный интерес читателя вызовут работы *Й. Ван дер Лееув—Роорг* (Гаага, Нидерланды) и *Х. Штроцки* (Зальцбург, Австрия), поднимающие проблемы изучения истории России в школах Западной Европы, а также статья *Т. Б. Пасман* (Псков), раскрывающая назначение, содержание и особенности методики преподавания пропедевтического курса истории в школе.

Содержание книги, таким образом, достаточно разнообразно. Оно поможет учителю и студенту в подготовке и освоении ряда тем, расширит представление по проблемам, недостаточно освещенным в учебниках, дополнит их. Суждения и выводы авторов не следует воспринимать как законченные и единственно верные. В исторической науке, в силу ее особенностей, могут быть спорные и нерешенные проблемы. Следует свыкнуться и с тем также, что неоднозначность и дискуссионность многих исторических явлений,

как правило, носит долговременный характер и не преодолевается в одночасье. Это старались учесть и авторы статей: вопросы, которые являются спорными в науке, должны остаться спорными и в школе — на уроке, и в вузе — в студенческой аудитории. Именно поэтому в книге представлены если не все, то основные концепции того или иного исторического явления, разнообразные подходы к тем или иным историческим фактам.

Не следует воспринимать историю как один раз и навсегда нечто данное и неизменное. Конечно, она очень сложна и запутана, но порою бывает и проста до удивления. Когда-то немецкий историк и публицист Себастьян Хаффнер писал: *"История сама по себе — искусственный продукт. Не все, что когда-либо произошло, становится историей, а лишь то, что где-то или когда-то историк счел достойным исторического рассказа. Только записанная история, историография, создает историю. История... не есть реальность, история — ветвь литературы. История пишется по литературным меркам — в лучшем случае. В худшем же случае, и отнюдь не редко, она пишется по политическим меркам, с политической точки зрения, и тогда она просто-напросто — застывшая пропаганда..."*

Даже самый преданный истине, ни на шаг не отступающий от фактов историописец в определенном смысле вынужден сочинять, иначе никакой истории не получится. Самый выбор фактов — а выбирать приходится так или иначе — остается на совести историографа. Прочтите историю немецкого XIX века Трейчке, а потом прочтите историю Франца Шнабеле. Оба битком набиты фактическим материалом. А между тем у вас то и дело возникает сомнение, действительно ли речь идет об одной и той же стране, об одной и той же эпохе.

...Хочешь сделать из истории науку и нечто такое, что может заменить религию, остерегайся близко знакомиться с ней. Ожидать от истории, что она научит, как жить, — нелепость. Использовать историю в качестве гороскопа — злоупотребление. История бесконечно интересна. Но если вы спросите: в самом ли деле все должно было случиться так, как случилось? — она промолчит. А на вопрос, что будет дальше, даст загадочный ответ, подобный улыбке сфинкса. Этот ответ гласит: всегда именно так, и всегда иначе." [1].

В. Н. Гарбузов

1. Хаффнер С. Улыбка сфинкса. Отрывок из книги "В тени истории" // Новое время, 1994. № 2. С. 59.

А. Я. Юдовская

УЧЕБНИК НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

Российская педагогическая общественность давно пытается ответить на вопрос — может ли школьная учебная дисциплина "история" способствовать развитию творческой, гуманистически ориентированной личности? Возможно ли через изучение истории выработать научное историческое мышление, историческое сознание, основанное на фактах, на способности ориентироваться во времени и обстоятельствах, научить личность жить в демократическом обществе? Ко всему указанному выше можно добавить, что существует еще много задач, стоящих перед школьным историческим образованием, в том числе и задача формирования политического мышления.

Все эти задачи важны, без их реализации трудно представить себе возможность успешного завершения школьной реформы в России.

Какими же средствами можно попытаться решить эти проблемы? Не претендуя на "единственно верную" точку зрения, мы представляем себе, что в значительной степени здесь мог бы оказать помощь современный учебник истории, учебник "нового поколения". Постараемся обосновать это положение, предварительно выяснив, какие "силы" влияют на формирование исто —

рического сознания и мышления школьников, развитие их политической культуры.

Вполне очевидно, что на первый план здесь выдвигается профессиональная историческая наука. Однако мы хорошо знаем, что "высокая" академическая наука не очень торопится с публикацией новых концепций и теорий, на многие вопросы еще нет взвешенных ответов, и чаще всего мы имеем возможность ознакомиться с новыми подходами и взглядами ученых, читая толстые исторические журналы, публикующие материалы дискуссий и "круглых столов". Это уже хорошо, но явно недостаточно, так как такие издания читают почти исключительно специалисты, и получается, что научная информация до "среднего статистического" человека не доходит, "историки пишут для историков". Итак, современная профессиональная историческая наука сегодня еще не оказывает решающего воздействия на формирование исторического сознания общества.

При этом не следует забывать, что имеющиеся лакуны обязательно заполняются если не научными данными, то историческими мифами, которыми так богата отечественная история (кстати, и зарубежная тоже).

Если говорить о формировании исторического сознания в обществе в целом, то необходимо вспомнить о существовании такого явления как "историческая общественная память", отражающая особенности массового восприятия основных исторических событий. Если учесть, что для каждого человека история имеет один четко выраженный рубеж, совпадающий с началом его собственной жизни — с этого времени он становится современником событий, существует в одном хронологическом пространстве с ними. Все, что было до этого времени (а практически даже до пятнадцати—шестнадцатилетнего возраста, когда наступает возможность аналитического восприятия происходящего), представления о прошлой истории своей страны и других стран часто формируются достаточно искаженно, так как поступающая информация бывает предельно субъективна, ибо она проходит через личное чувственное восприятие современников или является результатом "устного творчества" — рассказов, переходящих из поколения в поколение.

Поскольку нас интересует прежде всего формирование исторического сознания и мышления у учащихся школы, то есть смысл коснуться и роли в этом учителя истории. Даже при наиболее благоприятном варианте, когда речь идет о хорошо образованном человеке, обладающем высоким уровнем коммуникативной культуры,

толерантностью, способностью выслушать точку зрения своего ученика, последнему нужна хорошая учебная книга, которую можно неспешно прочитать, обдумать, обсудить с товарищами, ибо редко какой подросток может заявить учителю о своем с ним несогласии, чаще всего он промолчит.

А если типаж учителя посложнее — и не так уж образован, и терпимость к чужому мнению его наставники в нем не воспитали, и "вкусовщиной" страдает, и политические пристрастия свои на уроках не сдерживает — как тогда?

Мне довелось иметь дело с учителем истории (из отставных офицеров), который кричал на городской олимпиаде, что самым счастливым моментом его жизни был его въезд в 1968 г. в Прагу на танке и с автоматом в руках. Кто ведет статистику — сколько у нас в классах таких "самураев"? Сколько у нас учителей, не имеющих базового исторического образования, но преподающих историческую дисциплину в школах? В условиях, когда учительский корпус недоукомплектован по причинам социальным и экономическим, даже в гимназии и лицеи принимать на работу учителей по конкурсу не приходится. И это — в Санкт-Петербурге. А в глубинке? К сожалению, ломка у учителя ранее сложившихся ценностных ориентаций, падение его социального престижа и ухудшение материального положения являются важными социально-психологическими причинами, затрудняющими его активное включение в поиск новых путей, содействующих гуманизации учебного процесса, рождают мифологическое историческое сознание.

Похоже на то, что наиболее научным, толерантным, спокойным и пр. средством формирования исторического сознания и мышления является учебник нового поколения (мы пока не можем говорить о компьютерных программах из-за проблем экономических). К тому же учебник — самое (относительно) дешевое из всех имеющихся средств обучения. Книгу можно разослать во все самые отдаленные уголки России, ученик может ее читать, а может и отложить, может перечитать непонятную или особенно заинтересовавшую его страницу, а может и "гневно захлопнуть". Естественно, предполагается, что книга написана научно.

Таким образом, средством реализации нашей идеи — формирования исторического мышления и исторического сознания — является учебник нового поколения, основанный на гуманистической этике, научных концепциях, принципах гуманизации школьного исторического образования и гуманистической психологии.

Такой учебник может стать средством для самообразования учащихся и усиливает независимость школьника, ослабляет давление привходящих обстоятельств.

Мы знаем, что существуют и противоположные точки зрения, отрицающие вообще необходимость учебника, считающие его слишком консервативной составляющей процесса обучения. Однако это тема для отдельной дискуссии и ей не место в этой статье.

Теперь постараемся определить некоторые черты как бы идеального, на наш взгляд, учебника истории.

Во – первых, – *обновленное содержание*. Эта проблема более сложна, чем мы предполагали, ибо вопрос упирается не только в использование современных научных концепций. Необходимо определить, что есть "территория историка"? В большей своей части гимназические учебники в дореволюционной России ограничивались раскрытием вопросов политической и экономической истории и тоже были в достаточной степени идеологизированы. Учебники по истории в советской школе призваны были стать иллюстративным материалом к истории КПСС, все внимание уделялось только экономической и политической жизни общества, а знакомство с персоналиями ограничивалось изучением биографий вождей международного и российского революционного движения.

Высокая профессиональная наука тоже еще не дала ответ на этот вопрос, хотя, конечно, существуют самые разные точки зрения. А. Я. Гуревич пишет о необходимости создания "истории человека в обществе, в социальной группе", изучении ментальностей. Примером этой позиции ученого является его учебник по истории средних веков, чрезвычайно талантливый и интересный. Однако мы полагаем, что такой круг вопросов слишком узок. На наш взгляд, содержание учебника по истории должно дать учащимся представление о социально – политической и экономической истории, о духовной жизни общества – философских и общественно – политических учениях, о художественной культуре, о религии, влияющей на ментальность человека и формирование национального самосознания, а также зачастую определяющую экономическую и политическую жизнь государства. Нельзя представить себе современный курс истории без рассказа о повседневной жизни людей, материальной культуре и многих других составляющих "территории историка".

Приведем несколько сюжетов из учебника по истории нового времени, позволяющих дать учащимся конкретные представления о жизни общества, сравнить прошлое с настоящим, идентифицировать себя с людьми определенной эпохи [1].

Одежда делает человека. В конце XIX века происходит революция в сфере одежды: на смену платью, изготовленному дома, или сшитому портным, пришла готовая одежда, сшитая на фабрике.

Иным стал и стиль ее ношения: раньше по одежде можно было судить о классовой принадлежности человека и его занятиях, теперь все стали одеваться одинаково. Швейная промышленность позволила и европейцам, и американцам хорошо одеваться. Эта революция в одежде не могла бы состояться без широкого внедрения швейной машинки, историю изобретения которой вы уже знаете.

Особенно ярко проявилась демократизация в одежде в Новом Свете. Еще в 50-е годы XIX в. английский купец У. Е. Бакстер, побывавший в это время в США, возмущенно писал: *«Вы встречаете людей в поездах и на палубах пароходов, наряженных в костюмы из лучшего черного сукна и белые жилеты, словно они направляются на бал. Простые рабочие, выполняющие самую грязную работу, разодеты в щегольские черные костюмы... Только фермеры носят простое грубое платье... Людям еще предстоит усвоить, что та или иная одежда предназначена для определенной работы, а не для демонстрации, что грязный черный костюм являет собой самое жалкое зрелище, что щегольство в костюме, не отвечающем вашим средствам и роду занятий, не является признаком элегантности.»*

Одежда «делала» человека — прибывший в Соединенные Штаты из Европы иммигрант, крестьянин или ремесленник покупал готовый костюм, одевал его и превращался в нового человека.

Почему меняется мода? Успехи градостроительства и появление различных видов общественного транспорта сделали прежнюю одежду неудобной.

В начале XX в. женский силуэт обретает пластичность. Французские модельеры предлагают новые фасоны и краски, им подражает весь мир — по-прежнему Париж является законодателем моды. Женщин, стянутых корсетами, плотно облегают струящиеся юбки, венчиком расширяющиеся книзу. Пышные прически увенчаны огромными шляпами, с которых ниспадают страусовые перья. В то же время увлечение новыми видами спорта — велосипедом, теннисом, а позднее и автогонками требует одежды, приспособленной для этих занятий. Женский гардероб пополняется пышными шароварами, юбками-брюками.

Накануне Великой войны 1914 г. юбки окончательно сужаются и дамы носят платья, в которых почти невозможно ходить. И, наконец, парижский модельер Пуаре объявляет войну корсетам и предлагает модели ослепительно ярких цветов. А у мужчин окончательно укореняется костюм «тройка» — брюки, жилет, пиджак (в торжественных случаях вместо него одевают фрак или смокинг). Но высшим признаком мужской элегантности считается цилиндр, который щеголи стараются почти никогда не снимать. И — белоснежная рубашка, для чего необходимо переодеваться несколько раз в день. Законодателем мужской моды являлся Лондон, и высшим шиком считалось сшить костюм на заказ у лондонского портного.

Как видите, мода менялась под влиянием войн и революций, развития техники и спорта и просто под влиянием каприза.

Новые развлечения. Даже в самые тяжелые времена у людей существовала потребность в развлечениях. Кто из вас не читал о веселых сельских праздниках, о великосветских балах, где представители аристократии блистали модной одеждой и драгоценностями? А веселые маскарады?

Все это сохранилось и в XIX в., но вместе с этим развлечения стали разнообразней и доступней, и в них могли принимать участие и широкие средние слои.

Развитие театрального искусства давало возможность посещать спектакли людям небогатым — служащим, студентам, мелким торговцам и предпринимателям. На балах, проводившихся в парижской Опере, танцевали галоп от 3-х до 4-х тысяч человек. По-прежнему Париж оставался столицей развлечений. Для гуляющей публики на площадях устанавливались аттракционы — катальные горки и другие. А знаменитые лондонские карнавалы, проводившиеся в первую среду после поста? Они были особенно популярны. Огромное количество экипажей с седоками в масках всю ночь не давали уснуть городу. Часто участники карнавала позволяли себе дерзкие политические вольности. С трудом сдерживала полиция выходки разгулявшихся масок. На карнавалах народ чувствовал себя королем.

На рубеже веков в столицах и других крупных городах мира растет число увеселительных мест. И опять впереди — Париж. Как грибы после дождя растут многочисленные кабаре — кафе или рестораны, где выступали артисты, а посетители имели возможность плясать почти до утра.

Знаменитое кабаре “Мулен Руж” (Красная Мельница) притягивало к себе профессиональных гуляк и желающих предаться бурному веселью буржуа. Именно в этом кабаре родился “французский канкан” — быстрый легкомысленный танец, слава о котором обошла весь мир. Другие кабаре посещались поэтами, писателями, художниками и артистами, образующими то, что называли тогда “мир богемы” — людьми, ведущими беспорядочную и необеспеченную жизнь. В этой среде ставились под сомнение господствовавшие в обществе буржуазные ценности — деньги, бережливость, семья.

Популярны были и маленькие кабачки на свежем воздухе, они привлекали людей небогатых, вызывали ощущение старины и покоя. А “пикники”, эти прекрасные увеселительные загородные прогулки компанией, с обычно взятой с собой закуской. Завоевали популярность и прогулки на велосипедах, и катанье на лодках, речные и морские купанья.

Любимым развлечением англичан давно уже стали скачки. Особенной популярностью пользовались соревнования скаковых лошадей на главный приз года — дерби (впервые проведены в Англии в 1778 г. лордом Дерби).

Развлекалась публика и посещая многочисленные промышленные выставки, где можно было увидеть все новейшие изобретения, все чудеса, на которые так была щедра индустриальная эпоха. А “прогулки” по магазинам? Да, прогулки, ведь в новых магазинах с твердыми ценами можно было просто наслаждаться зрелищем прекрасных вещей и не тратить при этом деньги.

К услугам посетителей распахивали двери многочисленные художественные галереи, где выставляли свои картины художники именитые и

бездарные. Хочешь — купи, нет денег — смотри.

С развитием среднего класса и улучшением его жизни путешествия перестают быть привилегией высших слоев общества. Железные дороги, автомобили, пароходы могут доставить человека в любую точку земного шара. В моду входят путешествия по Европе. Первым опытом туризма как организованного отдыха является создание Джеймсом Куком туристического агентства; в 1863 г. он организовал первое путешествие по Швейцарии.

В последней трети XIX в. развивается альпинизм, а в 90-е годы в моду вошел лыжный спорт.

Популярным зрелищем стали автогонки. Впервые такие состязания произошли в 1894 г. во Франции на трассе между Парижем и Руаном, а в 1895 г. на трассе Париж-Бордо.

С 1894 г. стали проводиться международные чемпионаты по регби. Еще раньше, в 70-е годы, получили признание занятия теннисом и катание на коньках. В 1876 г. в Лондоне открылся первый искусственный каток, а в 1896 г. прошел первый чемпионат по фигурному катанию.

В 1892 г. барон Пьер де Кубертен выступил с предложением возобновить Олимпийские игры, считая, что мирные состязания спортсменов из разных стран будут прекрасной гарантией согласия и мира во всем мире. Первые игры открылись в Афинах в 1896 г. Программа из 43 видов спорта собрала 80 тыс. зрителей. Следующие игры состоялись в 1900 г. в Париже и вызвали большой наплыв посетителей.

Люди жили — они работали и отдыхали (в соответствии со своими вкусами и возможностями), развлечения стали более доступны и разнообразны.

Такие сюжеты позволяют не просто "развлечь" учащихся, но и дать им представление о жизни "безмолвного большинства", сравнить ее с современностью. Тем не менее возникает вопрос: не ведет ли такой путь к чрезмерному разбуханию содержания школьных курсов истории? По какому принципу осуществлять отбор содержания для книги?

Мы полагаем, что в учебник должен войти материал, прежде всего, не потерявший своей актуальности и сегодня, позволяющий создать объективное представление о направлении и характере исторического процесса. Содержание учебника должно позволить понять проблему исторической закономерности как объективно — субъективной по своей природе связи явлений, имевших место в исторической действительности, дать анализ обстоятельств объективного и субъективного свойства, имевших место в определенную историческую эпоху. Учащихся необходимо познакомить и с явлением "исторической случайности", без которой немислим ход исторического развития. Многие историки, например, считают, что начало Великой войны в 1914 г. было явлением случайным, войны могло и не быть, в значительной степени развязывание этих трагических событий

ускорили личные качества Вильгельма II. Знакомство учащихся с персоналией последнего германского императора позволяет им понять, какое влияние на развитие исторического процесса может оказать личность. Приведем этот фрагмент из параграфа по истории Германской империи.

От "нового курса" к "мировой политике". Увеличение военного бюджета стало последней радостью старого императора. 9 марта 1888 г. он скончался после непродолжительной болезни, и с этой смертью ушла целая эпоха - эпоха борьбы за объединение Германии. Новым императором стал сын Вильгельма I, Фридрих III. Ему было уже 57 лет и его правление длилось всего 99 дней (он умер от рака горла). Так императором Германии стал внук Вильгельма I - Вильгельм II (1859 - 1918). Тридцатилетний император был "человеком больших неожиданностей", как говорили о нем современники. Посмотрим, чем вызвана такая характеристика.

Мать Вильгельма II, дочь английской королевы Виктории, старалась дать сыну хорошее образование. В детстве мальчик даже посещал гимназию, затем прослушал курс юридических наук в Боннском университете, а по возвращении в Берлин стал офицером в армии. Английское воспитание не привилось - это был типичный юнкер, пуще всего гордившийся победами Пруссии в битвах при Садове и Седане, а его мировоззрение сложилось под влиянием феодально-аристократических взглядов прусского офицерства. Вильгельм II любил громкие фразы и красивые позы, стремился любой ценой быть в центре внимания. В придворных кругах о нем говорили, что он "готов быть императором на троне, женихом на свадьбе и покойником на похоронах". Опасен был и его девиз: "Так хочу, так и приказываю". Членам рейнского провинциального ландтага Вильгельм II заявил: "Один только повелитель в стране - это я!" Обращаясь к новобранцам император им "объяснил", что если он им прикажет, то они должны будут стрелять в своих братьев и отцов. Современники отмечали в нем и черты проповедника - он всех всегда поучал - начиная от матросов своей яхты и кончая европейскими монархами. Такой образ не очень соответствовал положению императора, в чьей стране существует конституция - но Вильгельма II это не беспокоило. Он чтит своего деда и присвоил ему титул Вильгельма I Великого - ведь тот создал империю!

Личностные качества Вильгельма II помогают понять события лета 1914 г. Историческая случайность может выступить и в качестве стихийных сил природы, расстраивающих запланированный людьми или естественный ход событий. Примеров тому много. Так было в XIII в., когда тайфун разметал флот монгольских правителей Китая у берегов Японии и стране удалось сохранить свою независимость: в 1588 г. буря разметала остатки "Великой Армады" и закрепила победу английского флота над испанским, и этот ряд при желании можно продолжить.

Среди актуальных сюжетов хочется назвать сюжеты Реформации, религиозных войн, борьбы ирландцев за гомруль, авторитарных режимов в Латинской Америке и пр. Религиозные войны присущи современности, исламский фундаментализм порождает конфликты, Латинская Америка и в XX в. не изжила авторитаризма, а о событиях в Ольстере десятки лет пишут газеты и спорят политики.

И, наконец, одна из наиболее актуальных проблем — проблема революций и реформ. Надо ли уделять внимание истории революционных движений в условиях обновления содержания? Если надо, то как подробно о них писать? Скажем откровенно, у революций сегодня много противников, и это похвально. Двигаться вперед путем реформ не в пример гуманнее. Но проблема заключается в том, что имеющиеся в историческом прошлом революции являются историческим фактом, не писать о них — скрыть историческую правду, извратить представление об историческом движении, в очередной раз способствовать рождению мифов и мифологического сознания. Нам представляется, что не постигнув ужаса революций и гражданских войн, причин их возникновения, мы не разрушим сегодняшние мифы об "исключительном" пути развития России, до глубины души преданной царю — батюшке, и о горстке большевиков, совершивших революцию вопреки воле народа. Без анализа причин, без правдивого фактического материала и впредь будет господствовать у ряда россиян упрощенный подход к данной проблеме, будет продолжаться поиск "врагов" отечества, виновников "заговоров" и пр.

Революции ведь были не только в России, надо вспомнить европейскую историю, революции в Нидерландах, в Англии, в Северной Америке, во Франции, Испании, Италии и пр. (забавно, но там не было большевиков).

Переписывают ли сегодня ученые в этих странах свою историю? Или кропотливо докапываются до причин происходивших драматических событий в надежде, что потомки сумеют извлечь уроки из прошлого?

Проблема закономерностей и случайностей рождает и проблему альтернативности в истории (как выражения свободы человеческой воли, ее влияния на ход истории). Мы не можем не показать, как влияет на ход исторического развития деятельность политических партий, общественных организаций, классов, слоев населения. Но эту деятельность нельзя рассматривать в отрыве от тех объективных обстоятельств, в которых она происходит. Так, приход в 1933 г. в Германии к власти нацистов и Гитлера был подготовлен многими процессами в историческом развитии

этой страны после создания Германской империи (пангерманизм, культ власти и порядка, отсутствие демократических традиций, низкий уровень политической культуры и пр.).

Отдельно следует остановиться на важности изучения в курсе истории проблемы ментальности. Историки рассматривают ментальность как своеобразную личностную либо социальную память человека или коллектива, свойственную только ему или тому кругу, к которому он принадлежит. В понимании ряда ученых менталитет включает в себя чувства, симпатии и антипатии, привычки, образы, представления о человеке и его месте в обществе. При этом все эти представления не подвергаются логическому анализу, осмыслению, а существуют на уровне подсознания. Сколько раз, читая о тех или иных исторических событиях, мы удивлялись отсутствию логики в поступках и решениях исторических деятелей, народных масс? Без понимания менталитета парижских низов, "плебеев", невозможно понять развитие Французской революции XVIII в., ее особую жестокость, особенно в период якобинской диктатуры. Разве об этом мечтали деятели Просвещения? Разве не выражали они уверенности, что гуманистические идеи, овладевшие сознанием людей, сделают революцию бескровной? Как было на самом деле, мы знаем. Революция пошла "другим путем", особенно после 1791 г. Не идеи просветителей оказались "путеводной звездой" революционеров, а идеология голодных и жестоких плебеев, создавших свою версию учения Руссо.

Изучение ментальности связано и с изучением повседневной жизни людей, с показом сложной социальной структуры общества: нищие и просто бедные, слуги и самодостаточные горожане, купцы, негоцианты, банкиры, представители интеллектуального труда и "свободных" профессий, мелкие дворяне и родовая аристократия, крестьянство, фермеры, священнослужители, а позднее — разные категории рабочих и буржуазии, эмигранты — это не "эксплуататоры и эксплуатируемые", а живые люди с разной ценностной ориентацией, а, следовательно, и с разным поведением в одинаковых условиях. В условиях ли средневековья или нового времени, но жизнь у них была разная, и разные молитвы возносили они к Богу.

Следует отметить также, что интегративные связи школьного курса истории с вопросами мировой художественной культуры, историей науки и техники, знакомство учащихся с экологическими проблемами, вопросами права позволяют дать целостное представление о мире во всех связях, помогают осознанию глобальных проблем в системе "человек и природа", "человек и общество", "человек и человек",

дают возможность вырабатывать решения путем анализа альтернатив и прогнозирования возможных последствий тех или иных решений. В учебнике *"Мир в новое время. 1870–1918"* мы предлагаем ученикам познакомиться с извлечением из книги Макса Лернера *"Развитие цивилизации в Америке"* и обсудить следующие проблемы:

– Как бурное развитие экономики в США отразилось на состоянии окружающей среды?

– Существовала ли в тех условиях возможность разрешить возникшую проблему?

"Несколько драматизируя ситуацию, можно говорить о продолжительном, широкомасштабном разграблении американской земли и задаться вопросом: а кто же грабители?"

Виноваты погоня за новыми угодьями, корысть, торопливость и отсутствие всякого плана. Многие переселенцы прибыли из тех частей Европы, где земли было немного, хозяйства маленькие, а законы наследования жёсткие. Урожай с американских лугов и вырубок, когда их впервые коснулся лемех плуга, превосходил все мечтания. Первые поселенцы валили большие деревья, рубили и выжигали лес, губя его и бесконечно расширяя площадь вырубок. Оставляя позади себя тяжелобольную землю, они продолжали двигаться на запад, к целине. На значительной части площадей американским фермерам благодаря севообороту, а также мастерской обработке почвы, удавалось получать высокие урожаи. Однако на пространствах в миллионы акров использовались методы безжалостного "выколачивания", словно земля была лишь вместительным некоей природной энергии, которую надо извлечь оттуда - и до свидания. Монокультурная система земледелия, не важно, что сеяли - пшеницу, кукурузу, хлопок, - истощала землю, сложное переплетение органических процессов, обеспечивавших плодородие, было нарушено, и опустошённую землю оставляли на произвол стихий: пылевые бури выветривали её, а потоки воды смывали пахотный слой почвы в реки и моря. Подсчитано, что из девяти дюймов пахотного слоя колониальных времён Америки три уничтожены, главным образом после Гражданской войны.

То, что случилось с пшеничными и кукурузными полями, не миновало и пастбища. Открытие огромных площадей, пригодных для скотоводства, захватило воображение людей во всём мире... Но вместе со скотоводческим бумом после Гражданской войны началось и разорение. На западных землях разводили слишком много крупного рогатого скота и овец, устраивали слишком много пастбищ, в результате чего кормовая база сократилась... началась эрозия почв под воздействием ветра и воды, пришли пылевые бури, засухи, образовались пустыни... Быть может, наиболее трагическим явлением стало разорение лесов. Девять десятых национального лесного массива оказалось жертвой насекомых, пожаров и, главным образом, безжалостной вырубки... Лесные бароны выкорчевывали деревья с огромной страстью, делали на этом невиданные состояния, а затем двигались дальше... После того как леса исчезли, а холмы сгладились, земля лишилась силы, последовали наводнения и засухи, и мелкому

фермеру пришлось пуститься в путь, убегая от наступающей пустыни. ...Так жажда земли и наживы ...почти не оставили места ни для почитания американской земли, ни для мудрого раздумья о её долгосрочных перспективах. Казалось, какая-то демоническая сила заставляла американцев уничтожать землю и её ресурсы”.

История как школьная дисциплина может помочь учащимся обрести чувство гражданственности и качества личности, необходимые для жизни в демократическом государстве, открывает большие возможности для правового воспитания. Анализ таких документов, как Великая Хартия Вольностей, американский Билль о правах, французская “Декларация прав человека и гражданина”, знаменитый Гражданский кодекс, или Кодекс Наполеона позволяют формировать у учащихся демократические принципы. Отсюда очевидна необходимость включения в учебник документов из истории права, использование которых создает дополнительные возможности для углубления и расширения у школьников правовых знаний. Использование же источников позволяет развивать критическое отношение к информации, учит рассматривать документы в их историческом контексте (учитывая особенности исторической эпохи) и делать независимые объективные суждения и выводы, основанные на анализе известных фактов и разнообразных точек зрения.

Историческое мышление вырабатывается также в процессе разрешения учащимися проблем: подача содержания включает различные интерпретации событий и явлений, разнообразные версии и гипотезы. Проблемное изложение истории индустриальной революции, ее влияния на жизнь человека, различные версии развития “организованного капитализма”, его анализ представителями различных политических учений, роль корпораций и монополий в развитии национальной экономики, неоднозначность деятельности того или иного политического деятеля и т. д. – все это заставляет думать, сравнивать, анализировать, выбирать правильную точку зрения, а иногда и убеждаться в том, что на проблему может существовать несколько точек зрения, и каждая имеет право на жизнь.

Реализация принципов гуманизации исторического образования меняет *методическое обеспечение* в учебниках нового поколения. Методический аппарат должен способствовать развитию самостоятельной, творческой индивидуальной и групповой деятельности учащихся. Авторы учебников должны помнить, что они их создают исходя из интересов детей и возможности построения новой стратегии взаимодействия учителя и учащихся.

Современная гуманистическая педагогика рассматривает

образование как процесс, в центре которого стоит личность ученика. Признание самоценности личности, ее права на развитие, создание условий для ее творческой самореализации в процессе обучения, как и в более широкой системе жизнедеятельности — все это определяет подход к историческому образованию.

Согласно концепциям, развиваемым гуманистической психологией (А. Маслоу, Д. Олпорт, К. Роджерс и др.):

- обучение основано на общечеловеческих ценностях;
- обучение есть процесс становления и развития самореализующейся личности;
- развитие личности происходит целостно, "в единстве разума и чувств, духа и тела" (отсюда необходимость включения в учебник ярких, образных сюжетов);
- характер и способы обучения для каждого школьника индивидуальны;
- обучение происходит путем собственной деятельности и опыта человека;
- процесс обучения основан на внутренней мотивации, а также на потребности личности вступать в полноценное общение с другими;
- подросток лучше всего обучается в обстановке заботы и поддержки, а не формального руководства.

Методическое сопровождение, заложенное в учебнике нового поколения, обеспечивает ориентацию на развитие ученика как личности, как индивидуальности и как активного субъекта, не заимствующего готовые выводы, часто носящие, как мы уже отмечали, мифологический характер, а вырабатывающего свою позицию в системе взаимодействия с учителем и другими учениками.

Методическое сопровождение должно позволять ученику доминировать в учебном процессе. Создается ситуация, когда ученика не учат, а он учится сам, принимая активное участие в выборе тем и вопросов, которые ему хотелось бы изучать.

При таком характере обучения учитель ориентируется не на "выравнивание" учеников, а на их индивидуальные особенности. Ученика не сравнивают с другими, отслеживаются только его личные достижения, он не хуже и не лучше своих одноклассников, он просто другой.

Дифференциация обучения предполагает возможность выбора со стороны учащихся заданий, форм обучения, а это позволяет школьнику добиться успеха. Мотивация, на которую ориентируется учитель в процессе обучения — "мотивация достижения" и мотивация познания. Если обучение опирается на познавательную мотивацию,

оно приносит ребенку радость и вызывает потребность учиться.

Примером такой познавательной мотивации может служить приведенное ниже вступление к третьей главе учебника *"Мир в новое время. 1870–1918"*.

"Северная и Южная Америки начали XIX век в неравных условиях и пошли совершенно разными путями. США осуществляли модернизацию, внедряя в жизнь всё новое, необычное, формировали себя как единую нацию. Быстрое экономическое развитие страны позволило ей в конце XIX века вступить в конкуренцию с Европой и в первую очередь с Великобританией. Латинская Америка в тот же самый период переживала время жестоких гражданских войн и пограничных конфликтов, капиталистические отношения и соответствующие им слои населения долго не развивались. Всё это неизбежно должно было привести к зависимости Латинской Америки и её подчинению сначала европейским более развитым странам, а затем США. Только ли различия существуют между двумя Америками? Можно ли найти между ними сходство?"

Являются ли Северная и Латинская Америки "осколками" Европы, или они представляют собой новые цивилизации? Подумайте об этом, читая новую главу."

"Мотивация достижения успеха", будучи тесно связанной с самореализацией личности, способствует развитию ответственности, инициативы, способности корректировать себя и т. д.

Методическое сопровождение, делая возможным групповое обучение, приобщает учащихся к совместной работе в небольшой группе сверстников, где они не теряют своей индивидуальности, где они должны постоянно анализировать свои успехи и достижения других, где историческое мышление вырабатывается в постоянном диалоге и дискуссиях.

Приведем пример методического аппарата к теме *"Социальные проблемы американского общества. Поиск "справедливого курса". Внешняя политика"*.

Вопросы и задания

I. Вопросы для самопроверки

1. Используя содержание § и прочитанную вами художественную литературу, составьте рассказ: "Решение" индейского вопроса в США после Гражданской войны".

2. Какие формы принимал протест фермеров в последней трети XIX века?

3. Объясните название раздела параграфа "Чёрные американцы ищут свой путь".

4. Какими, на ваш взгляд, особенностями обладал американский рабочий класс? Какие требования выдвигали американские рабочие в конце XIX - начале XX в.?

5. Объясните, почему АФТ защищала интересы только квалифицированных рабочих?

6. Укажите, на какие слои населения опиралось движение прогрессистов? Какие из их требований вошли в программы американских президентов в начале XX в.?

7. Составьте устный рассказ: "Президент Теодор Рузвельт: секрет популярности".

8. Назовите основные цели американской внешней политики во второй половине XIX - начале XX вв.

9. Покажите на карте основные направления внешнеполитической экспансии США и территориальные захваты.

10. Какие доктрины использовали американские политики для оправдания территориальных захватов?

II. Задания для закрепления материала.

1. Выпишите в тетрадь реформы, проведённые американскими президентами с целью ослабления социальной напряжённости в стране.

III. Обсудите с товарищами.

1. Проанализируйте приведённые ниже высказывания американских исторических деятелей по вопросам внешней политики. Как вы считаете, повлияли ли они на внешнеполитический курс США на рубеже XIX - XX вв.?

- публицист Герберт Кроули писал: "Если Америка хочет мира, она должна быть духовно и физически готова сражаться за него. ...Путь к любому международному урегулированию на постоянной основе будет усеян горами трупов и будет пройден, если его вообще удастся пройти, только после целого ряда безуспешных и дорогостоящих экспериментов".

- президент Теодор Рузвельт в 1904 г. в очередном послании к Конгрессу, писал: "В Западном полушарии Соединённые Штаты, принявшие доктрину Монро, могут быть вынуждены, помимо своего желания, в исключительных случаях, вызванных такими беспорядками..., выполнять роль международной полицейской силы". Рузвельт пустил в оборот изречение: "Говори сдержанно, но держи большую дубинку, и ты пойдёшь далеко."

- 3 декабря 1912 г. в послании Конгрессу о внешней политике президент США Уильям Тафт сказал: "Дипломатия нынешнего правительства стремится отвечать современным требованиям торговых отношений. Эта политика характеризуется тем, что доллары выполняют роль штыков".

Тафт мечтал: "Может быть, недалёк тот день, когда три знамени звёзд и полос, установленных в трёх одинаково отстоящих точках: на Северном полюсе, у Панамского канала и на Южном полюсе, отметят нашу расширившуюся территорию, всё полушарие "де-факто" будет нашим..."

IV. Выскажите свою точку зрения и аргументируйте её.

1. Американские историки считают, что классовая структура в США более "подвижна", чем в европейских странах.

Макс Лернер *"Развитие цивилизации в Америке"* (фрагмент)

"В разных сферах и в разное время классовая структура американского общества становилась более мобильной или более жёсткой... Самый

интенсивный отток происходит из низших слоев, в особенности из промышленных наёмных рабочих. Они повышают свой статус, пополняя ряды торговцев, клерков, заводских мастеров, мелких предпринимателей и низшего управленческого звена корпораций. Пожалуй, на этом среднем уровне американское общество превосходит по мобильности все другие подобные общества. В нём наблюдается непрерывное перемещение вверх к среднему классу, а также из одной группы в другую внутри него. Но вместе с тем по-прежнему нелегко подняться с самого низшего уровня социальной лестницы, вырваться из класса угнетённых, занятых чёрным трудом, хотя постепенно образование начинает проникать даже и в этот слой..."

Подумайте, как может влиять эта особенность американского общества на различные сферы его жизни?

Практически такой методический аппарат представляет собой сочетание разноуровневых заданий: от заданий, требующих простого воспроизводства знаний до заданий, ориентированных на решение проблем, когда ученик должен самостоятельно определить свою точку зрения и ее аргументировать. Такой методический аппарат позволяет учителю индивидуально работать с каждым учеником, бережно ведя его к высшим формам интеллектуальной деятельности. Кроме того, он позволяет менять функциональную деятельность учителя, которому уже не надо большую часть урочного времени заниматься пересказом содержания. Учитель получает возможность отвечать на вопросы учащихся, организовывать дискуссии, диалог, конференции малых групп и другие формы занятий, обеспечивающие ученику возможность активной мотивированной познавательной деятельности.

Если нам удастся реализовать новые подходы к школьному историческому образованию, создать учебники нового поколения, возможно, мы сумеем добиться успеха в деле формирования у учащихся исторического сознания и мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье использованы выдержки из школьного учебника по истории нового времени. См.: Мир в новое время. 1870 – 1918 / Под ред. Юговской А. Я. (авторы: А. Я. Юговская, Ю. В. Егоров, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина). СПб, 1997.

М. С. Ерохина

ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО: УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К УРОКАМ

В школьный курс "Человек и общество" для 11 класса включена тема "Цивилизации прошлого", предполагающая изучение категориального аппарата и принципов цивилизационного подхода к истории, а также обзор истории мировых цивилизаций. Эта тема представляется чрезвычайно важной для историко – обществоведческого образования школьников по нескольким основаниям:

Во – первых, само понятие "цивилизация" является одним из наиболее часто употребляемых и сложных понятий современной науки и публицистики. Не уяснив его в формально – логическом и историческом аспектах, не научившись разбираться в значениях этого понятия, невозможно приобщиться к целым пластам научного знания (философского, социально – политического, культурологического, исторического и т. д.).

Во – вторых, знакомство с цивилизационным подходом к историческому процессу предполагает освоение учащимися еще одного метода анализа событий и явлений прошлого, способствует формированию многомерного видения истории, утверждению многовариантного подхода к прошлому. Все это стимулирует развитие гибкого, самостоятельного, свободного и творческого мышления школьников.

В – третьих, краткий, но целостный обзор истории мировых цивилизаций в выпускном классе позволяет более глубоко раскрыть специфику отдельных цивилизаций, их самоценность, а также вклад в общечеловеческое развитие, провести сопоставление разных вариантов цивилизационного процесса, проследить его всемирноисторическую эволюцию

В – четвертых, высок гуманистический потенциал учебного материала данной темы. Цивилизационный подход к истории привносит в нее человеческое измерение. Именно человек с его видением мира, с его образом жизни, этическими и эстетическими идеалами, социально – психологическими установками стоит в центре внимания исследователя. Стремление восстановить систему мыслей и представлений людей изучаемой эпохи, их жизненные ценности, вычленение общечеловеческих ценностей – все это способствует гуманистической ориентации учащихся.

В данной статье излагается основной учебный материал для вводного урока "Что такое цивилизация?" и методические рекомендации по изучению всей темы.

Первый урок темы "Что такое цивилизация?" целесообразно провести в форме лекции, т.к. это позволит наиболее экономно во времени рассмотреть сложный и неоднозначный теоретический материал, раскрыть новые для учащихся понятия: "цивилизация", "ценности", "ментальность". Школьная лекция, в отличие от вузовской, предполагает "обратную связь" с учащимися, контроль за осмыслением ими учебного материала. Поэтому после объяснения каждого вопроса плана предусмотрены задания для закрепления. Часть этих заданий может быть использована и для домашней работы.

План изучения нового материала:

1. Что такое цивилизация?
2. Цивилизационный и формационный подход к истории.
3. Типы цивилизаций.

Объяснение первого вопроса можно начать с краткого исторического экскурса в теорию цивилизаций.

Впервые слово "цивилизация" употребил французский историк маркиз Мирабо Старший (отец знаменитого трибуна) в середине XVIII в. Использовался термин главным образом для противопоставления "цивилизованной Европы" и "диких народов". Для просветителей цивилизация означала прежде всего смягчение нравов, просвещенность людей, высокий уровень духовного развития.

Однако уже в конце XVIII в. великий французский философ Ж. Ж. Руссо дал отрицательную характеристику цивилизации как старости человечества, когда разрушается естественная простота отношений между людьми, появляются неравенство, изнеженность, пороки.

В XIX в. английский этнограф Г. Морган, а вслед за ним и Ф. Энгельс дают понятие "цивилизация" как определенная стадия развития человечества, следующая за дикостью, варварством. Ими выделялись следующие признаки цивилизации: разделение умственного и физического труда, появление письменности, наличие городов как центров экономической и культурной жизни.

В XX в. под цивилизацией понимается уникальность, специфичность данного народа, и акцент делается на изучение этого своеобразия. Основателями такой теории локальных цивилизаций считаются русский естествоиспытатель Н. Я. Данилевский (теория культурно-исторических типов), немецкий философ О. Шпенглер (теория локальных культур), английский историк А. Тойнби (теория множественности цивилизаций). Одновременно происходит дифференциация смысловых акцентов терминов "цивилизация" и "культура". Термином "цивилизация" все чаще обозначалась сфера материальных условий жизни людей, а термином "культура" пользовались применительно к сфере духовных достижений и морали.

Н. Я. Данилевский в книге "Россия и Европа" представил Западную Европу носителем "мертвящей и разлагающей материальной цивилизации", в то время как Россию — колыбелью культуры, т.е. духа, которому предназначено спасти от гибели Европу.

Свое предельное выражение это противопоставление получило в труде О. Шпенглера "Закат Европы". История у Шпенглера — это история восьми высших культур, замкнутых в себе. Каждая из них проходит за период существования ряд стадий, и, умирая, превращается в цивилизацию. Переход от культуры к цивилизации означает упадок творчества, затухание духовной культуры.

На современном этапе развития науки единой точки зрения на определение понятия "цивилизация" нет. Философский словарь выделяет три значения этого термина, которые школьники и должны уметь распознавать:

1. Слово "цивилизация" употребляется как синоним культуры, "цивилизованность" — как характеристика высших достижений человека и человечества.

2. Под цивилизацией понимают определенную ступень общественного развития, следующую за варварством, дикостью.

3. Цивилизация понимается как качественная специфика группы стран и народов на определенном этапе их развития.

Выделенное здесь второе значение иногда характеризуют как "цивилизацию в широком смысле слова", а третье – "цивилизацию в узком смысле" (хотя включают характеристики не только локальных цивилизаций, но и глобальных, например, Востока и Запада). Именно третье значение понятия "цивилизация" и становится главным предметом изучения темы "Цивилизации прошлого", а, значит, его следует раскрыть глубже.

Целостность и неповторимое своеобразие цивилизации обусловлены системой ценностей. Поэтому в литературе можно встретить и такое определение локальной цивилизации: "саморазвивающаяся социокультурная система, базирующаяся на определенной системе ценностей". Ценность – это понятие, используемое для обозначения объектов, явлений, идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих благодаря этому как эталон должного.

Изучая цивилизацию, мы отвечаем на вопрос: что более предпочтительно, более ценно для людей данного общества? Индивидуальная свобода или возможность принадлежать клану, корпорации? Единение с природой или независимость от нее? Стремление к прогрессу, нововведениям или сохранение традиционных форм деятельности? Личностные ценности, определяя то, что более значимо для человека, являются одним из источников мотивации его поведения, ориентирами деятельности, базой для принятия решений. "Ценности порождают убеждения и верования людей, их ожидания и обычаи" [6. С. 60].

Каждая цивилизация характеризуется своим набором и иерархией ценностей. Первичные ценности заслуживают того, чтобы сохранять их даже ценой жизни.

Обобщая встречающиеся в научной литературе определения локальной цивилизации, нетрудно заметить перенос смыслового ударения на изучение специфики жизнедеятельности людей, в том числе повседневного уклада жизни, характера мировидения и образа мышления. Так, известный отечественный историк М. А. Барг писал, что "цивилизация – это обусловленный природными основами жизни, с одной стороны, и объективно – историческими ее предпосылками – с другой, уровень развития человеческой субъективности, проявляющийся в образе жизни индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными" [1. С. 35]. При этом цивилизационный

подход предполагает рассмотрение таких ранее неисследуемых уровней исторической реальности, как ментальности. На этом понятии представляется необходимым остановиться подробнее.

Восстановить систему мыслей и представлений людей изучаемой эпохи — эту задачу впервые поставили основатели школы "Анналов" — французские историки Марк Блок и Люсьен Февр. Л. Февр выдвинул понятие «духовного оснащения», «умственной оснащенности», которая присуща данной эпохе, определяет способы восприятия и освоения мира, доминирующий тип самосознания. Каждая культура характеризуется собственным ментальным аппаратом — разумеется, не в том смысле, что все принадлежащие к ней люди мыслят и чувствуют одинаково, — речь идет о том круге понятий и категорий, навыков и автоматизмов сознания, за пределы которого мысль человека данной эпохи не в состоянии выйти.

Современные представители школы "Анналов", или "Новой исторической науки" ставят в центр своих исследований ментальности. Ментальности — это социально — психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих той или иной социально — культурной общности [3. С. 10]. Путь к постижению ментальностей лежит через анализ картин мира. "Время, пространство, отношение мира людей к природе, трактовка потустороннего мира, понимание возможного и невозможного, естественного и сверхъестественного, связь технологических и магических методов воздействия на мир, трактовка материального и идеального, обычай и право, богатство и бедность, труд и праздник, оценка детства и старости, семья, отношение к женщине и сексу, страхи и фобии, наконец, психологический статус личности — таковы некоторые аспекты картины мира" [2. С. 9].

Ментальности (в отличие от идеологических теорий, политических или религиозных убеждений) диффузны, разлиты в культуре и обыденном сознании, заложены воспитанием, языком, религией. Они проявляются в поведении, взглядах людей как бы помимо их намерений и воли. И такие потаенные пласты общественного сознания надо пытаться характеризовать при изучении той или иной цивилизации.

Заканчивая рассмотрение первого вопроса, предлагаем ученикам алгоритм анализа локальной цивилизации:

1. Пространственная, временная и этническая характеристика цивилизации.
2. Влияние естественной среды.

3. Система ценностей и своеобразие восприятия мира:
 - а) преобладающие материальные и духовные потребности;
 - б) картина мира;
 - в) отношение к природе;
 - г) соотношение личности и общества;
 - д) отношение к прогрессу;
 - е) роль религии и т.д.
4. Специфика экономических и политических процессов.
5. Особенности социального поведения и образа жизни людей.
6. Преобладающий идеал человека того времени. Типы личностей.
7. Этапы развития цивилизации, ее динамика.
8. Связь с другими цивилизациями, характер взаимоотношений (преемственность, изоляция и т.д.)
9. Достижения культуры.
10. Вклад цивилизации в исторический процесс.

Задания для закрепления первого вопроса лекции:

Соотнесите данные варианты использования понятия "цивилизация" с тремя смыслами, трактовками этого понятия. В каком смысле каждый раз применяется слово "цивилизация"?

1. Давайте вести себя как цивилизованные люди.
2. Хочется верить, что земная цивилизация — не единственная разумная цивилизация во Вселенной.
3. Колонизаторы уверяли, что несут цивилизацию диким туземцам.
4. Египет считают колыбелью человеческой цивилизации.
5. В развитии цивилизации инков большую роль играла религия.
6. Философ О. Шпенглер западноевропейскую цивилизацию называл фаустовской, а античную — аполлоновской.
7. "Цивилизация — вся совокупность форм существования человечества на Земле, начиная с той эпохи, когда оно окончательно выделилось из животного мира, когда его эволюция перешла на рельсы общественного развития..." [5. С. 5].

А. Цивилизация — синоним культуры.

Б. Цивилизация — все человечество на ступени общественного развития, следующей за варварством, дикостью.

В. Цивилизация — качественная специфика той или иной группы стран, народов, отличающаяся своей системой ценностей,

своеобразием материальной и социальной жизни, достижения культуры и т. д.

Ответы: 1А, 2Б, 3А, 4Б, 5В, 6В, 7Б.

При рассмотрении второго вопроса "Цивилизационный и формационный подход к истории" до учащихся важно донести идею многовариантного подхода к прошлому, невозможности утверждения права на монопольную интерпретацию истории какой — либо одной научной теорией. "Фанатичная приверженность одной — единственной теории общественного развития и отторжение с порога всех других возможных подходов ведут, независимо от научных качеств этой теории к предельному сужению мыслительного горизонта" [3. С. 5].

Обобщая взгляды ученых — историков о соотношении двух подходов к изучению исторического процесса, выделим основные линии сравнения.

1. Идея формационности находится в теснейшей связи с идеей линейного, качественно возрастающего исторического процесса. Формационная теория — это стадийная концепция, построенная на сравнении и оценке этапов всемирной истории.

Цивилизационная теория — это главным образом локальная теория, ориентированная на изучение относительно замкнутых самобытных исторических типов. Цивилизационный анализ идет "по пути понимания внутренней архитектоники культуры, ее всегда богатой самодостаточности" [8. С. 49].

2. Формационный подход показывает развитие общества в "вертикальном", спиралевидном разрезе.

Цивилизационный — дает как бы "горизонтальный" срез развития общества и народов.

3. Формационный подход предполагает выявление того общего, типичного, что присуще разным странам, находящимся в рамках одной формации. Таким образом, всемирно — исторический процесс укладывается в простую, логически завершенную, единую для всех схему, которая не только объясняет прошлое, но и предсказывает будущее.

Цивилизационный подход ориентирован на изучение уникальности, своеобразия, специфики каждой цивилизации. Всемирная история при цивилизационном подходе предстает как красочная картина вариантов развития человечества, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки, свои достижения человеческой культуры.

4. При формационном подходе все разнообразие исторических фактов объясняется на основе социально – экономического развития. Материальное производство выделено как доминирующий фактор общественного развития.

Цивилизационный анализ предполагает комплексность изучения цивилизации как многоуровневой системы, в которой обнаруживается взаимопроникновение и взаимодействие материальных, социально – политических и ментальных аспектов жизни индивида, группы, общества. Для разных цивилизаций может иметь определяющее значение тот или иной общественный компонент.

Чтобы конкретизировать, как соотносятся цивилизационный и формационный подходы, можно предложить учащимся следующее задание: "Выписать в два столбика понятия и опорные слова, которые можно будет использовать для характеристики, с одной стороны, – феодальной формации, с другой стороны, – для характеристики средневековой европейской цивилизации".

Вопросы и задания для закрепления второго вопроса:

1. Привести примеры исторических фактов, явлений, которые не "укладываются" в формационную модель истории.

2. Обсудить вопрос: "Какие преимущества имеет цивилизационный метод изучения истории по сравнению с формационным? В чем сложность использования цивилизационного подхода?"

3. Объяснить данное высказывание: "Ось времени (этапы, формации) надо дополнить осью пространства (культуры, цивилизации)".

Третий вопрос "Типы цивилизаций" также трактуется неоднозначно, однако, чаще всего в многовариантной картине исторического процесса выделяют два основных типа цивилизации:

1. Европейская цивилизация (индустриальная, техногенная, западная).

2. Восточная цивилизация (традиционная, неевропейская).

Для сопоставления этих двух типов цивилизаций и характерных для них систем ценностей рекомендуем составить таблицу:

ЗАПАДНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Признаки для сравнения	Западная цивилизация	Восточная цивилизация
1. Отношение к прогрессу	Стремление к прогрессу, постоянному изменению форм деятельности, использованию новаций. Развитие общества носит постепенный, поступательный характер	Стремление к воспроизведению самих себя, поддержанию традиционного образа жизни. Развитие общества носит циклический характер.
2. Соотношение личности и общества	Приоритет свободной личности, обладающей гражданскими правами. Ценность индивидуальной свободы.	Приоритет системы подчинения личности (подданных) обществу (государству). Господство традиций коллективизма.
3. Организация власти	Принцип разделения властей. Сословно-представительные структуры. Парламентаризм	Политический монизм. Восточная деспотия (неограниченная власть, Обожествление монарха).
4. Отношения собственности	Господство частной собственности	Преобладание государственной и общинной собственности. Принцип власти-собственности (власть рождает собственность, а утративший власть становится, как и все, бесправным).
5. Отношение к природе	Стремление подчинить себе природу, одолеть ее. Человек - венец природы и все создано для его пользования. Для возмещения несовершенства человека создается и используется техника.	Стремление быть в гармонии с природой. Человек - органичная часть природы (боевые искусства, медицина построены на изучении законов природы). Усовершенствование своей души и тела.
6. Особенности восприятия мира	Рациональное, противоречивое восприятие - "фаустовско-гамлетовское"	Эмоциональное, целостное восприятие (икэбана, вера в бесконечную цепь смертей и возрождений)

Такое разделение на два типа цивилизации, разумеется, довольно схематично. Тем не менее, оно дает представление о существовании определенной системы ценностей, внутренней установки, присущей народам определенного исторического ареала. Ведь не японцы

осваивали лежащие по соседству Курильские острова и Камчатку, а русские. И не китайцы, имевшие тысячетонные суда и навигационные приборы открыли морской путь между Китаем и Европой, а португальцы на своих утлых кораблях – каравелах. И даже сейчас достаточно четко можно проследить, как за техногенным фасадом таких стран, как Япония, Южная Корея, Индия, Китай скрываются традиционные структуры и ценностные стереотипы Востока. Объясняя быстрое и успешное технологическое развитие стран Тихоокеанского региона, академик Н. Н. Моисеев отмечает, что там были найдены организационные формы, которые весьма удачно сочетали традиционные особенности взаимоотношений личности и общества с требованиями современного этапа научно – технической революции. "Сегодня часто речь идет не столько о каких – либо новых научных открытиях, сколько о массовом тиражировании технологий, требующих технологической "сверхдисциплины" (производство сверхчистых кристаллов, сверхточная подгонка деталей и т. д.)" [4. С. 15]. Любые знания, любые *know-how* очень быстро становятся достоянием всего мира. Но вот воспроизвести их, тиражировать уникальные разработки – здесь необходимы именно те личностные качества, которые характерны для традиционных обществ: чувство ответственности человека перед обществом, сознательная дисциплина до автоматизма, до самоотречения.

В XX веке резко усилилось взаимодействие и взаимовлияние разных стран и народов. Все более убедительной предстает идея единой цивилизации, ценности которой будут достоянием всего человечества. Общей тенденцией мировой истории, наверное, можно считать развитие от локальности, замкнутости цивилизаций к их единению

Задания для закрепления третьего вопроса:

1. Определить, к какому типу цивилизации относится каждый признак – к западному (индустриальному) или восточному (традиционному):

- 1) Высокая степень зависимости от природы.
- 2) Постоянное стремление к совершенствованию видов деятельности.
- 3) Теория естественных, неотъемлемых прав человека.
- 4) Большая роль государственной власти и верховного владыки.
- 5) Община держится не на родовых связях, а соседских и частной пахотной земле.
- 6) Высокий уровень дисциплины, вплоть до самоотречения.
- 7) Предпочтение сложившегося образа жизни, уклада.

8) Стремление человека к экономической и правовой независимости.

2. Придумать символы для цивилизации Запада и цивилизации Востока.

3. Обсудить вопрос: "Какие ценности на современном этапе приобретают общечеловеческое значение: в экономической сфере, в социально – политической сфере, в духовно – нравственной сфере общества?"

Остальные уроки темы посвящены анализу отдельных цивилизаций: "Древневосточная цивилизация", "Античная (древнеевропейская) цивилизация", "Мир варварства", "Средневековая европейская цивилизация", "Европейская индустриальная цивилизация", "Цивилизации Востока". На этих уроках предстоит обобщить большой по объему материал, содержание которого вполне доступно для самостоятельного анализа учащимся, так как уже изучалось в курсе истории. Поэтому можно использовать такую форму учебного занятия, как "урок обмена знаниями". Организация урока предполагает несколько этапов:

1 этап – инструктаж. Учитель дает общую характеристику цивилизации: пространственную, временную, этническую и формулирует задания малым группам учащихся. За основу для выделения отдельных проблем группам можно взять алгоритм анализа цивилизации, представленный выше. Каждая группа, таким образом, готовит один или два вопроса по характеристике данной цивилизации. В тех случаях, когда заявленную в теме урока суперцивилизацию можно подразделить на локальные цивилизации (Древний Египет, Древняя Азия, Древняя Индия, Древний Китай, древнегреческая, эллинистическая, римская и т.п.), возможны групповые задания по анализу этих локальных цивилизаций.

2 этап – исследование. Учащиеся изучают свой вопрос, используя различные источники (учебники истории, дополнительную научно – популярную литературу, статьи, справочники, альбомы по искусству), подбирают наглядность, чертят схемы, готовят костюмы (представляя, например, типы личностей) и т.д.

3 этап – интеграция, "обмен знаниями". Группы знакомят с результатами своей работы весь класс. Форма подачи материала может быть как регламентированной учителем, так и произвольной, позволяющей проявиться творчеству учащихся. При ответе одной

из групп класс получает задание, например, "выписать опорные слова, характеризующие своеобразие данной цивилизации", "сформулировать в виде тезисов вклад цивилизации в исторический процесс", "перечислить достижения культуры" и т. д.

Рекомендации по содержанию отдельных уроков темы "Цивилизации прошлого" опубликованы в журнале "Преподавание истории в школе" (1993. № 6. С. 58–72).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барг М. А. О категории "цивилизация" // Новая и новейшая история, 1990. № 5. С. 25–40.
2. Гуревич А. Я. История и психология // Психологический журнал. Т. 12, 1991. № 4. С. 4–13.
3. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993.
4. Моисеев Н. Н. Идея естествознания в гуманитарной науке // Человек, 1992. № 2. С. 5–17.
5. Моисеев Н. Н. Палитра цивилизаций: разнообразие и единство // Человек, 1992. № 3. С. 5–14.
6. Ситарам К., Когдел Р. Основы межкультурной коммуникации // Человек, 1992. № 3. С. 60–69.
7. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
8. Формации или цивилизации? (Материалы "круглого стола") // Вопросы философии, 1989. № 10. С. 34–60.
9. Хачатурян В. М. История мировых цивилизаций. Учебное пособие для старшеклассников // Преподавание истории в школе, 1994. № 5. С. 67–79.

С. М. Жестоканов

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В учебной литературе все древние общества, обычно, рассматриваются в рамках единой рабовладельческой формации, основным и определяющим признаком которой является господство рабовладельческих отношений [1]. Априори утверждается, что в древности основной производительной силой являлись рабы и их эксплуатация давала большую часть производимых материальных благ. Однако, такое утверждение достаточно далеко отстоит от действительной реальности.

Так, в обществах древнего Востока численность настоящих рабов, занятых непосредственно в экономике, была весьма незначительна. Основным объектом эксплуатации были лично свободные, но экономически и политически зависимые от государства или храма рядовые общинники [2]. Это хему – нисут в древнем Египте, гуруши в Шумере и Аккаде, наши – бильтим в Вавилонии и т. д. Правда, нередко эти общинники были лишены собственных земельных наделов, орудий труда и рабочего скота. Все это они вынуждены были получать у администрации, которой были подчинены, отдавая ей большую часть или даже весь производимый продукт, а взамен получая регулярные натуральные пайки [3].

Но, несмотря на такое социально приниженное положение, общинники оставались свободными: их нельзя было продавать, дарить или перемещать по частной инициативе местной администрации в хозяйства других регионов страны.

Сравнительно немногочисленные настоящие рабы (баку в Египте, эред в Шумере, вардум в Вавилонии и т. д.) были заняты преимущественно во внепроизводительной сфере в качестве домашних слуг, разнорабочих, а иногда и мелкого административного и жреческого персонала [4]. Те огромные массы военнопленных, которые тысячами приводились восточными правителями из своих походов, как правило, помещались на государственные или храмовые земли и по своему социально – экономическому положению мало чем отличались от местного рядового населения, а через некоторое время и сливались с ним. В настоящих рабов обращалась лишь незначительная часть пленников [5].

Правда, на Востоке было распространено долговое (или кабальное) рабство. Но и оно не давало большого прироста общей численности рабов, хотя бы потому, что было ограничено временем нахождения в рабском состоянии. Так, по законам Хаммурапи долговые рабы освобождались через три года эксплуатации (параграф 117; ср. параграф 280), а в Палестине через шесть лет (Исход, 21, 1 – 4; Второза, 15, 12 – 14), после чего они вновь обретали свой социальный статус. Кроме того, на Востоке был распространен обычай, по которому правители при вступлении на престол или в связи с другими важными событиями издавали указ, освобождающий все население от долгов и долгового рабства [6].

Несколько иной характер носило рабовладение в античном обществе, но и там рабовладельческие отношения развивались отнюдь не так просто, как это трактуется в учебной литературе.

В Греции долговое рабство не получило развития и уже на раннем этапе истории было законодательно запрещено, а относительно большая масса рабов – военнопленных появляется только в классический период (V – первая половина IV вв. до н.э.), во время постоянных войн. В остальные периоды истории Греции: крито – микенский, гомеровский, архаический, эллинистический рабы не играли в хозяйстве греческих государств решающей роли [7]. В ранние периоды – вследствие их сравнительно небольшого удельного веса, а в период эллинизма – по причине того, что завоевав Азию, греки обратились к эксплуатации местных общинников, как это практиковали задолго до них восточные правители.

Более уверенно можно говорить о распространении рабского труда в римской экономике, но опять же для определенного периода: III в. до н.э. – II в. до н.э., когда римляне вступив в полосу непрерывных войн, подчиняли своей власти Средиземноморье.

Таким образом, историю древнего мира в целом нельзя безоговорочно назвать временем господства рабовладельческих отношений. Ибо на Востоке рабство никогда не было доминирующим или ведущим в экономике, а на Западе было широко распространено только в определенные периоды истории. Если же мы возьмем в качестве критерия, объединяющего древние государства в единую общественную систему, простое наличие рабов, то это также не будет правомерным. В противном случае мы должны будем отнести к рабовладельческой формации практически всю Азию до конца XIX – начала XX вв., а, может быть, даже и США до Гражданской войны.

Кроме того, заострение внимания исключительно на

рабовладельческих или, даже более широко, на экономических отношениях, существенно обедняет общую картину в изображении древних государств. Особенно ярко это отразилось в школьных пособиях, где древние общества выглядят практически как "близнецы – братья": везде есть рабы и рабовладельцы, повсюду рабы нещадно эксплуатируются и время от времени поднимают восстания. Специфические же характеристики отдельных государств, создающие им индивидуальный портрет, остаются в тени.

По этим причинам нам представляется более разумным строить типологию древних обществ не только на основе экономических отношений, а на комплексе явлений общественной жизни: на сходстве и различии политических, социальных, экономических и культурных характеристик отдельных цивилизаций. То есть следует говорить не о рабовладельческих государствах единой общественной формации, а о древних цивилизациях, имеющих специфические черты, которые отличают их друг от друга и от более поздних цивилизаций.

Вместе с тем, нельзя рассматривать древние общества и как совершенно уникальные социо – политические образования, не имеющие общих характеристик, объединяющих их в более широкие общественные системы.

Прежде всего, как нам кажется, в истории древнего мира следует выделять и различать две большие цивилизации, которые мы условно назовем суперцивилизациями, так как каждая из них включает в себя несколько локальных цивилизаций. Эти две суперцивилизации: Античная (или древнеевропейская) и Древневосточная. Именно различия между ними носят существенный, принципиальный характер. Различия же между входящими в них локальными цивилизациями менее существенны, второстепенны [8]. Это вовсе не означает, что последними различиями можно пренебречь, ибо именно они при единой сущности в рамках суперцивилизации создают индивидуальность каждого отдельного общества.

Рассмотрим основные характеристики античной и древневосточной суперцивилизаций, резко разграничивающие их друг от друга.

I. Основные характеристики в области экономики

1. Античная суперцивилизация:

а) товарно – денежное хозяйство с наличием чеканных металлических монет и зачатками банковского дела (например институт трапедзитов в древней Греции и аргентариев в древнем Риме

занимался не только обменом монет одного государства на денежные знаки другого, но также вексельным делом, безвалютными расчетами, процентным хранением денег, кредитованием оптовиков и т.д. В какой-то степени подобные функции выполняли и фиасы — объединения торговцев — оптовиков);

б) господство частной собственности и вместе с тем скромное значение государственной и общинной собственности (общинный сектор играл более или менее существенную роль только в наиболее отсталых, аграрных государствах типа Спарты); в) отсутствие регулярных налогов с граждан (граждане облагались только чрезвычайными налогами во время длительной войны или крупных стихийных бедствий; в ординарной обстановке налоги платили только иностранцы, проживающие на территории другого государства и покоренные народы: метеки, перизки в Греции, провинциалы в Римской державе).

2. Древневосточная суперцивилизация:

а) полунатуральное хозяйство и отсутствие чеканных монет (вместо последних, как правило, использовались слитки металлов, что показывает на достаточно низкий уровень товарообмена. Первые чеканные монеты на Востоке были выпущены Дарием I под влиянием греков Малой Азии, попавших под власть персов. В некоторых восточных государствах оптовая торговля и наиболее важные ремесла были монополизированы центральной властью);

б) господство государственной (или царской) и общинной собственности при неразвитости или полном отсутствии частной собственности (нередко то, что в учебных пособиях называют частной собственностью в восточных государствах на самом деле является условным наследственным владением); в) наличие регулярных налогов и трудовых повинностей для рядового населения.

II. Основные характеристики социальной структуры

1. Античная суперцивилизация:

а) основной социальный водораздел лежит не между знатью и простолюдинами, и не между имущественными слоями, а между гражданским коллективом в целом (включая фетов в Греции и пролетариев в Риме) и массой неграждан. При этом последние в античных государствах были представлены не только рабами, но и проживающими на территории этих государств свободными, чьи предки не имели гражданских прав (перизки в Спарте, плебеи в раннем Риме)

или являлись переселенцами из других государств (метеки в Афинах). Причем численность этих "свободных неграждан" могла быть весьма значительной, а их имущественное состояние весьма высоким. Тем не менее они не пользовались никакими гражданскими правами и даже не могли приобретать на своей новой родине недвижимое имущество или лично без посредства граждан вступать в юридический и политический диалог с государственными органами;

б) тенденция социальной политики государства к имущественному нивелированию граждан: состоятельные граждане выполняли литургии, то есть были обязаны за свой счет строить корабли, общественные здания, устраивать общественные праздники и состязания, а в пользу неимущих граждан государство проводило хлебные и денежные раздачи (в Афинах даже выдавался так называемый теорикон — деньги для посещения театральных представлений); в) очень рано законодательно было запрещено долговое рабство: рабами могли и должны быть только варвары (негреки и неримляне).

2. Древневосточная суперцивилизация:

а) достаточно четкие социальные границы между знатью и рядовым населением и между имущественными слоями. Причем это социальное различие в значительной степени зависело от произвола властей: любого иностранца могли возвысить до положения царского сановника или наместника крупной провинции, и наоборот, любого местного вельможу могли низвергнуть до рабского состояния. По сути же дела все население восточных монархий, в том числе и знать, были "рабами" правителя;

б) отсутствие в официальной политике даже идеи социально — экономической нивелировки граждан;

в) наличие законодательно подтвержденного долгового рабства, то есть права на порабощение местного населения.

III. Основные характеристики политической системы

1. Античная суперцивилизация:

а) подавляющее большинство государств имеет республиканское устройство, где высшим органом власти, в демократических государствах — де факто, а в олигархических и аристократических — де юре, является собрание всех граждан. Даже в самых консервативных государствах, таких, например, как Спарта, постановления высших советов и должностных лиц становились законом только после их

утверждения в народном собрании. Другое дело, что мнением собрания с помощью запугивания или подкупа можно было манипулировать;

б) должностные лица выбираются всеми гражданами путем открытого или тайного голосования (иногда употреблялась также жеребьевка). Полномочия должностных лиц ограничены определенным сроком (как правило, годичным), после истечения которого бывшие магистраты обязаны были дать отчет о своей деятельности перед народным собранием и в случае злоупотреблений властью могли быть привлечены к судебной ответственности. Отдельные отрасли государственной власти вручаются не отдельным должностным лицам, а коллегиям, состоящим из нескольких равноправных членов. В наиболее демократических государствах существовала плата за выполнение должностных обязанностей, чтобы любой гражданин без ущерба своему хозяйству мог заниматься активной политической деятельностью. В поздних Афинах оплачивалось даже посещение народных собраний;

в) достаточно четкое разделение государственной власти на отдельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную (например в Афинах высшим законодательным органом являлось народное собрание – экклесия, исполнительная власть принадлежала магистратурам, а высшая судебная власть – суду присяжных – гелизе);

г) отсутствие, по крайней мере, до начала кризиса античной полисной системы, постоянной профессиональной армии. Последнюю заменяло ополчение граждан, экипировавшихся за собственный счет.

Примечательно и то, что даже Римская империя, являвшаяся монархией (правда, отличной от восточных), сохраняла большую часть внешней атрибутики прежнего республиканского строя: ежегодно избираемых должностных лиц (в том числе и консулов), местное муниципальное самоуправление, денежные и хлебные раздачи в пользу неимущих граждан и т. д. Более того, наследственный принцип передачи власти от отца к сыну в Римской империи практически так и не закрепился: императорами чаще всего становились наиболее влиятельные полководцы, многие из которых начинали свою карьеру с рядового легионера. Мы, конечно, далеки от попытки идеализировать античные монархии, в которых было достаточно много негативных элементов во всех сферах общественной жизни. Но все же, если так можно выразиться, античные монархии (под которыми кроме римской мы подразумеваем также эллинистические) были более "демократичными", нежели древневосточные.

2. Древневосточная суперцивилизация:

а) доминирование среди политических систем древнего Востока так называемых деспотий с практически неограниченной властью наследственных и нередко обожествляемых монархов. Общинные органы управления: советы старейшин, собрания общинников не имеют серьезного значения. Они по сути дела являются орудиями проведения политики царской власти на местах: занимаются раскладкой налогов между отдельными хозяйствами, призывают общинников на трудовые повинности, доводят до населения правительственные указы и т.д. При этом верхушка общинных органов часто назначается царской администрацией (например, главы общин и общинных судов — рабианумы в Вавилонии);

б) назначение же должностных лиц и их смещение, равно как и срок их полномочий зависят от воли правителя;

в) отсутствие разделения государственной власти на отдельные ветви: высшая законодательная, исполнительная и судебная власть сосредоточены в руках монарха. Одновременно каждый отдельный орган управления и отдельный чиновник обладает известной суммой и законодательных, и исполнительных, и судебных полномочий в рамках, определенных для них центральной властью;

г) наличие постоянной армии, или по крайней мере, ее ядра в виде царской гвардии, к которой во время военных действий присоединяются отряды рекрутов из рядовых общинников.

IV. Основные характеристики в области культуры

Существенные различия между античной и древневосточной суперцивилизациями проявляются и в области культуры. Подробный анализ этих различий занял бы слишком много места, поэтому мы отметим лишь отдельные, наиболее заметные характеристики двух культур.

1) Прежде всего античная и древневосточная суперцивилизации различаются соотношением внешней и внутренней сторон в памятниках культуры.

Древневосточной культуре присуще преобладание внешнего блеска над внутренним содержанием, тогда как античных мастеров интересует скорее последнее. Это очень хорошо прослеживается, например, в исторических сочинениях. На древнем Востоке исторические памятники делают основной упор на красочном и детальном описании событий: батальных сценах, прославлении

правителя и его полководцев, перечислении захваченной добычи и пленных. Исторические же произведения античности, отдавая дань событийному изложению, стараются вскрыть и глубинные моменты исторического процесса: движущие силы истории, причины и поводы отдельных событий, их следствия, взаимосвязь внутренней и внешней политики.

2) Второе различие культур касается авторского творчества. Литературные памятники древнего Востока представляют собой либо запись фольклора, либо отражают взгляды определенной социальной группы или же всего населения в целом. Для античной литературы характерно отражения авторского "Я", индивидуальных воззрений, нередко противоречащих общепринятым. Приведем для примера один из фрагментов стихотворений Архилоха, греческого поэта VII в. до н.э.: "Мы настигли и убили счетом ровно семерых: целых тысяча нас было..." Это прямая издевка над традиционной моралью, распространенным взглядом на доблесть. Характерно и то, что восточная литература не донесла до нас ни одного подлинного имени писателя или поэта. Напротив, от античности сохранились многие тысячи имен, причем многих авторов мы знаем только по именам и названиям их сочинений, в то время как сами произведения до нас не дошли. Многие сочинения античных писателей начинаются с авторской заявки (например, Геродот, I, 1; Фукидид, I, 1). И это характерно не только для изящной словесности. Часто даже памятники прикладного искусства несут на себе автограф мастера: "Меня изготовил такой – то".

3) Древневосточная и античная суперцивилизации различаются также объектом культуры и техникой исполнения. Основная масса памятников искусства древнего Востока (мы не будем касаться здесь религиозных памятников) изображает правителей, чиновников и их жизнь. Простому человеку в древневосточной культуре уделяется немного внимания, да и то преимущественно в сценах труда в царском или храмовом хозяйствах. Характерно и то, что восточные правители всегда изображаются выше ростом, чем их приближенные, а простолюдины по сравнению с последними выглядят просто карликами. Напротив, главным объектом античной культуры является не должность человека и не его социальный статус, а он сам: его тело, эмоции, духовный мир. Можно вспомнить такие известные скульптуры как "Старик – рыбак", "Мальчик, вынимающий занозу", "Умиравший гал".

Что касается техники исполнения, то античным памятникам свойственно отражение динамики: движения как физического, так и

духовного. Назовем для примера такие скульптурные изображения как "Лаокоон", "Ника Самофракийская", "Дискобол", "Менада". В противоположность античной культуре для древневосточных памятников характерна статичность. Самый смелый шаг, который сделали, например, египетские скульпторы для придания своим статуям элемента динамизма — это выдвинутая вперед нога.

4) Последнее различие двух культур, которое мы отметим, заключается в соотношении рационального и иррационального. Это различие заметно во всех жанрах культуры, но наиболее отчетливо проявляется в философии.

Древневосточная философия практически неотделима от религии и мифологии, составляя с ними единый мировоззренческий комплекс. Напротив, античная философия представляет собой самостоятельную отрасль знаний и включает множество учений, в которых по сути нет места божественному началу.

И, наконец, несколько слов о науке. На Востоке в течение тысячелетий накопилась огромная сумма знаний, многие из которых впоследствии были заимствованы и античностью. И тем не менее знания восточных мудрецов не превратились в подлинную науку, ибо настоящая наука характеризуется четырьмя основными критериями, не прослеживающимися на Востоке:

1. Познание ради самого познания (а не только для решения практических задач).

2. Господство рационального начала.

3. Систематичность и внутренняя взаимосвязанность знаний.

4. Наличие профессиональных ученых (на Востоке же в роли последних выступали преимущественно жрецы). С наличием всех перечисленных критериев мы впервые сталкиваемся в Греции в VII — VI вв. до н. э. [9].

Как мы уже отмечали выше, античная и древневосточная суперцивилизации разделяются в свою очередь на локальные цивилизации. И здесь следует заметить, что античная суперцивилизация более однородна, чем древневосточная. Для отдельных, составляющих ее, обществ характерно не только единство основных признаков, но и большое сходство второстепенных характеристик. Это объясняется, по — видимому, особой ролью, которую сыграли в становлении античного мира древние греки. Именно они первыми на Западе вступили на путь цивилизованного развития, то есть первыми создали эффективные для того времени социально — политические системы, достигли значительных успехов в области

экономики и культуры. Когда же к порогу, за которым начинается цивилизованная жизнь, подошли другие западные народы (италики, галлы, фракийцы), они оказались в окружении греческих колоний, и дальнейшее их развитие происходило под колоссальным воздействием греческой цивилизации. По существу западные соседи греков были избавлены от длительного и мучительного труда по созданию собственных элементов общественной жизни, они попросту заимствовали те, что уже были выработаны греками, конечно, изменяя их в соответствии со своими традициями и вкусами. Вот почему, к примеру, римская цивилизация не создала ничего принципиально нового ни в одной из сфер общественной жизни и культуры за исключением юриспруденции и военного дела, недостаточно развитых греками.

На Востоке же ряд локальных цивилизаций возник примерно в одно время и в разных, достаточно удаленных или изолированных природой (горами, пустынями), регионах Азии. По этим причинам сходные в основных характеристиках, древневосточные общества существенно различаются по второстепенным признакам, которые и создают каждому из них кажущуюся на первый взгляд уникальность.

Так, в древнем Египте в дошедших до нас источниках не прослеживается наличие общины и общинной собственности [10]. В Месопотамии же таковые существовали, но в полном подчинении у центральной власти [11], а в древней Индии они играли достаточно существенную роль в общественной жизни, особенно, если состояли из представителей высоких каст [12].

В Египте подавляющая часть населения, составлявшая сословие хему – нисут, была лишена собственных наделов, орудий труда, рабочего скота, права на выбор профессии и закреплялась за местом рождения [13]. В Вавилонии рядовое население делилось на два основных сословия: авилумов – полноправных членов общин, обладавших собственными наделами и орудиями труда, и мушкенумов – не имевших земли и орудий труда и, арендовавших их в царском или храмовом хозяйствах [14]. Весьма сложной была социальная структура древней Индии, где на общественную систему, основу которой составляла имущественная дифференциация, накладывалась специфическая система варн и каст, принадлежность к которым передавалась по наследству и не могла быть заменена даже по воле самого могущественного правителя [15].

В Египте фараон обладал неограниченной властью и считался сыном Бога Солнца, а после смерти, по представлениям египтян, сам

становился божеством и путешествовал по небу в золотой ладье Бога Ра [16]. В Месопотамии, хотя власть правителя (лугаля, энси или шаррума) и была неограниченной, но не связывалась родственными узами с каким-либо божеством: правитель сам считался рабом богов. Попытки же отдельных царей (например, Нарам — Сузна из династии Саргонидов) объявить наличие таких связей вызвала резкое недовольство населения, заканчивавшееся нередко восстанием [17]. В Индии, помимо монархий, управляемых раджами, существовали и отдельные аристократические республики — сангхи [18].

Примеры различий между древневосточными цивилизациями, касающиеся их второстепенных характеристик, при желании можно умножить.

Внимательный читатель естественно задастся вопросом: почему же древневосточные общества, многие из которых достаточно прочно изолированы друг от друга, не создали действительно уникальные цивилизации, так же различающиеся между собой, как античная и древневосточная в целом?

На наш взгляд, это объясняется сходством условий, в которых они формировались. Древнейшие цивилизации Востока возникли в долинах больших рек, где нормальное занятие земледелием возможно только при создании эффективной, но достаточно трудоемкой системы искусственного орошения [19]. Вследствие этого древнейшие восточные цивилизации нередко называют "гидравлическими". Ирригационная же система, частично разрушаемая и засоряемая наносами песка и породы ежегодно разливающимися реками, требует концентрации трудовых ресурсов для ее восстановления, а по мере увеличения населения, и расширения. В свою очередь концентрация людских сил нуждается в действенном централизованном руководстве, что в конечном счете приводит к возникновению единого, монополюсно распоряжающегося властью правителя и единого унитарного государства, рядовое население которого содержится в "полурабском" состоянии [20].

Развитие древневосточных обществ в данном направлении обусловлено также наличием и спецификой основных производственных материалов. Как мы знаем, основным материалом, широко используемом в древнем производстве, была бронза: сплав меди с оловом (или цинком). Эти цветные металлы, в отличие от железа, встречаются в недрах земли достаточно редко, и уж почти никогда в одном месте одновременно. В Египте и Месопотамии, например, где возникли первые цивилизации, месторождения меди и олова

отсутствовали. Как отсутствует там и другой важный производственный материал — древесина, за исключением малопригодных в производстве тростника и папируса. Таким образом, добыча и привоз на место, часто из очень отдаленных районов, этих материалов диктовали необходимость в снаряжении хорошо обеспеченных специальными орудиями и охраной экспедиций. А это также под силу только энергии большого коллектива, объединенного и руководимого сильной централизованной властью [21].

Восточные государства, возникшие в более позднее время, развивались уже под сильным влиянием древнейших цивилизаций Азии (Египетской, Шумерской, Хараппской, Шан — Инь) и в том же направлении. Так, Аккадское, а затем сменившие его Ассирийское, Вавилонское, Хурритское и в какой — то мере Хеттское общества продолжали традиции Шумера, в то время как государства Вават, Куш, Мероз следовали традициям Египта.

Мы обозначили лишь наиболее общие причины развития восточных государств по пути сложения абсолютных монархий и жесткой социально — экономической системы. В действительности в каждом отдельном случае этих причин было несомненно больше, но их выявление — это задача уже конкретных исследований каждого восточного общества в отдельности.

Обратимся теперь к вскрытию причин развития античной суперцивилизации по пути, принципиально отличному от древневосточного. И здесь мы также остановимся лишь на наиболее общих моментах.

На самом раннем этапе истории, в течение Крито — микенского периода (III — II тыс. до н. э.), Греция развивалась в том же направлении, что и страны Востока. Ее государства типологически близки Шумеру и Египту [22]. Но в конце XIII — начале XII вв. до н. э. произошла катастрофа: Крито — микенская цивилизация погибла под ударами более отсталых племен, вторгшихся с севера. При этом северные завоеватели не ограничились опустошением Балканского полуострова, а переправившись через Эгеиду под именем "народов моря" уничтожили и соседние с Грецией государства: Хеттскую империю, ряд государств Сирии и Палестины [23]. Египет, благодаря напряжению всех своих сил, сумел отразить натиск "народов моря" от собственных рубежей, но в результате истощения ресурсов погрузился в длительную полосу политической дезинтеграции и экономического застоя, и в конечном счете попал под власть ливийцев, а затем сменивших их эфиопов.

Однако восточные государства, прошедшие к этому времени двух — или трехтысячелетний путь цивилизованного развития, с прочно сложившимися социальной и политической структурами, после нескольких веков упадка и стагнации вновь возобновили свое развитие по традиционному для них пути [24].

Иная обстановка сложилась на Балканском полуострове. Государства Греции, возникшие в отличие от восточных сравнительно недавно, и социальная дифференциация которых делала только первые шаги, были как бы отброшены назад к состоянию родоплеменного строя. Отдельные общины после уничтожения центральной администрации дворцов — цитаделей, связывавших их в единый политический и экономический комплекс, стали совершенно автономными и в силу географических условий Греции и депопуляции населения достаточно изолированными друг от друга [25].

Вскоре в греческом обществе начался повторный процесс классово — и государствообразования, но теперь он пошел по совершенно иному пути. Прежде всего это было обусловлено тем, что к началу греческого социо — политогенеза основным производственным материалом становится железо, которое, в отличие от компонентов бронзы, встречается в Средиземноморье повсюду и тем самым не требует объединения больших людских масс для его поисков и добычи. А орудия труда, изготовленные из железа, позволяют силами отдельной семьи обрабатывать индивидуальный участок земли и обеспечивать себя необходимыми продуктами [26]. В ирригационной же системе, диктующей концентрацию трудовых ресурсов под единой властью, Греция в силу природных условий не нуждалась. Вследствие этих причин в общинах Балканского полуострова развивалась тенденция, ведущие к парцеллизации производства, распространению частной собственности и возникновению небольших общинных государств (полисов) с более демократическим строем.

На ход развития Греции могли бы повлиять восточные цивилизации. Но ближайшие к Балканскому полуострову государства были уничтожены тем же разрушительным движением северных племен, а контакты с отдаленными, такими как Египет и Вавилония, на длительное время были прерваны. Таким образом, Греция надолго оказалась отрезанной от внешнего мира и ее развитие обуславливалось чисто внутренними причинами [27].

Так наряду с нормальной для древнего мира Восточной суперцивилизацией возникла отличная от нее — Античная, в какой — то степени аномальная, родившаяся в силу особых условий. Но эта

аномалия оказалась очень эффективной и жизнеспособной и привела к быстрому прогрессу. В ходе последующего развития, в течение трех — четырех веков, Греция достигла такого уровня цивилизации, к которому древний Восток не смог подойти и за несколько тысячелетий.

Конечно, процесс становления античной суперцивилизации не был совершенно прямым и безболезненным. Но на этой теме мы не будем специально останавливаться, ибо она достаточно подробно и, на наш взгляд, результативно исследована в отечественной историографии. Для более детального ознакомления с проблемами возникновения и развития античной полисной системы мы рекомендуем обратить внимание на следующие работы:

1. *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (Гомеровский период). Л., 1976.
2. *Андреев Ю. В.* Античный полис и восточные города — государства // Античный полис. Межвузовский сборник. Вып. 5. Л., 1979. С. 8 — 27.
3. *Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник. Л., 1982. С. 3 — 17.
4. *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII — V вв. до н. э. Л., 1985.
5. *Кошеленко Г. А.* Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 9 — 36.
6. *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису // Там же. С. 89 — 127.
7. *Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 18 — 41.
8. *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988.
9. *Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в Античной Греции. Л., 1991.
10. *Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

При выборочном знакомстве с предложенной литературой советуем остановиться прежде всего на работах, указанных в списке под номерами: 8, 2, 6.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Древнего Востока. М., 1979. С. 3–4; История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983. С. 9–16; История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983. С. 19–23; История Древней Греции. М., 1986. С. 5; Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993. С. 25–26; История Древнего Рима. М., 1981. С. 3–4; Ковалев С. И. История Рима. Изд. 2. Л., 1986. С. 19–20.
2. Тюменев А. И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М–Л., 1956. С. 161, 223–226, 229, 239, 275–276, 283; Стучевский И. А. Зависимое население Древнего Египта. М., 1966. С. 54–75, 119–120; Сагаев Д. Ч. История Древней Ассирии. М., 1979. С. 167; История Древнего Востока. Ч. 1. С. 270–272. Ч. 2. С. 344, 350, 352.
3. Тюменев А. И. Государственное хозяйство... С. 396; Савельева Т. Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962. С. 180–181; История Древнего Востока. Ч. 1. С. 270–271, 336.
4. История Древнего Востока. Ч. 1. С. 327; Ч. 2. С. 340–341; Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 85–86.
5. Тюменев А. И. Государственное хозяйство... С. 160–161, 277–283; Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 118, 253; Савельева Т. Н. Аграрный строй... С. 200; Стучевский И. А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2. М., 1990. С. 60.
6. История Древнего Востока. Ч. 1. С. 174, 326.
7. Ряд зарубежных исследователей (Р. Пельман, В. Эренберг и др.) полагают, что даже в классический период рабский труд не был доминирующим в греческой экономике.
8. Принципиальное различие между древневосточным и античным обществом осознавали уже древние греки и римляне. Противопоставляя себя народам Востока, они объединяли их в своей лексике термином "варвары".
9. Рожанский И. Д. Античная наука. М., 1980. С. 5–13.
10. Из этого, конечно, не следует, что общины и общинной собственности в Египте не было и в дописьменный период истории.
11. История Древнего Востока. Ч. 1. С. 269, 370; Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй... С. 131–134.
12. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 297–298.
13. История древнего мира. Кн. 1. С. 116–117. Подробно сословие хему – нисут исследовано в работах О. Д. Берлева: Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972; Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.

14. История Древнего Востока. Ч. 1. С. 337–338, 374–376.
15. Бонгард–Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. С. 162–171, 299–306.
16. Ср.: Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. М., 1989. С. 134.
17. Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй... С. 235–236; История Древнего Востока. Ч. 1. С. 250–252.
18. Бонгард–Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. С. 227–233.
19. История Древнего Востока. Ч. 1. С. 35; Заблоцка Ю. История Ближнего Востока... С. 44–45, 70–71.
20. Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города–государства // Античный полис. Вып. 5. Л., 1979. С. 11.
21. Там же.
22. Андреев Ю. В. Античный полис... С. 13–14; Андреев Ю. В. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989. С. 23. Подробнее см.: Полякова Г. Ф. Некоторые черты социально–экономического устройства греческих обществ II тыс. до н. э. // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 37–88.
23. Андреев Ю. В. Античный полис... С. 15; Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Т. 1. С. 98.
24. Андреев Ю. В. Античный полис... С. 17.
25. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 13–20; Андреев Ю. В. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 4; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 57 сл.
26. Андреев Ю. В. Античный полис... С. 16; Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. С. 26, 31–33; Фролов Э. Д. Рождение... С. 65–66.
27. Андреев Ю. В. Античный полис... С. 20.

М. Ю. Брандт, А. В. Куликов

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ: МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕМЫ В КУРСЕ "ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО"

О цивилизации европейского Средневековья мы знаем сегодня немало. Солидные исследования, посвященные образу жизни, особенностям мировосприятия, представлениям о труде, собственности, времени и пространстве, детстве и старости, открыли те страницы истории, которые, казалось, были утрачены навсегда. Результаты этих исследований вполне доступны для учителя [1]. Трудности, таким образом, связаны не с отсутствием материала. Проблема состоит в другом: логика его изложения, объем и характер во многом не совпадают с логикой, принципами построения и отбора содержания курса "Человек и общество". При этом уровень обобщений, предполагаемый школьной программой курса, выше того, на котором находится современное научное историческое знание, с присущими для него осторожностью, пристрастностью к самой процедуре установления истинности выводов, полученных в процессе осмысления и синтеза накопленных материалов.

Предлагаемые материалы поэтому не претендуют ни на полноту, ни на глубину изложения. Они субъективны — недостаток, объяснимый как вышесказанным, так и целями: дать учителю некоторые ориентиры в поистине бесконечном множестве фактов, проблем, исследовательских подходов и решений, приближающих нас к пониманию сущности и специфики средневековой европейской цивилизации.

Материальные условия жизни

Они, понятно, различались — крупный феодал в материальном отношении жил не так, как виллан, мелкий рыцарь не мог возмечтать о богатстве стола и роскоши феодального магната. И тем не менее, необеспеченность материального существования была чертой, общей для образа жизни всех сословий. Здесь необходимо иметь в виду, что само понятие "существование" является скорее социально — экономическим, нежели чисто материальным термином и варьируется

в зависимости от социальных слоев. Если для широких масс было достаточно средств существования в прямом смысле этого слова, то есть пищи, одежды, жилища, то для высших слоев это понятие предлагало удовлетворение потребностей, которые позволили бы им сохранить свой статус, не опускаясь ниже определенного ранга. В целом же средневековый Запад представлял собой мир, находящийся на крайнем пределе, "универсум голода" (Ж. Ле Гофф). Угроза голода оставалась реальностью не только в раннее средневековье, когда нередкостью были случаи людоедства, но и в относительно более благополучные столетия развитого феодализма (XI – XV вв.). Непосредственной причиной голода являлся плохой урожай, то есть сбой в природном порядке: засуха или наводнение. Однако поистине катастрофический характер капризам природы придавали прежде всего слабость средневековой техники и особенно бессилие государственной власти [2].

Средневековые орудия труда были примитивны и совершенствовались крайне медленно. Конечно, и в этот период европейской истории техника не стояла на месте, были сделаны некоторые технические усовершенствования, но все – таки в целом приходится констатировать чрезвычайный консерватизм "технической мысли". Исследователи подчеркивают "антитехничность" общественного сознания эпохи. Одни авторы винят в этом прежде всего господствующий класс, который отчасти стимулировал лишь военное дело (рыцарство) и церковное строительство (духовенство) [3]. Другие отмечают, что антитехничность сознания вообще характерна для человека Средневековья. Соответствующие установки господствующего класса по своему воспроизводили общий консерватизм мышления и прежде всего консерватизм мышления крестьянского. Ключевыми понятиями, открывающими тайны духовной жизни и поведения крестьянства, когда речь идет в том числе и о технических усовершенствованиях, были "старина" и "обычай предков" [4].

Голод был знаком и предшествующим эпохам, в частности, римской. Однако на средневековом Западе не осталось практически ничего из того, что позволяло римлянам бороться с этим бедствием. Отлаженные системы заготовок и распределения продуктов были разрушены. Пришли в упадок римские дороги – одно из важнейших условий быстрой связи. Вместо административного однообразия – множество границ и таможенных барьеров, где около пунктов обязательного проезда каждый мелкий сеньор взимал пошлины и сборы. Нельзя забывать о пиратах и разбойниках – обычном явлении

того времени. Все это конечно же препятствовало своевременной и быстрой доставке продовольствия в нуждающиеся районы. Помимо этого насущнейшей проблемой было сохранение урожая: средневековые источники содержат бесчисленные свидетельства о естественной порче продуктов и об их уничтожении животными.

В рационе питания средневекового человека традиционно не хватало животного белка, животного масла, мяса. Был редкостью и сахар, почти неизвестный тогда в Европе. Ели, как правило, два раза в день, да и на религиозные посты в среднем приходилось два дня в неделю. Зимой голодали не только крестьяне, но и знатные рыцари. Постоянную угрозу представляли болезни и эпидемии. Эта угроза была тем более страшна, что способов противодействия ей практически не знали. Вполне объясним панический страх, вызванный знаменитой "Черной смертью", которая поразила Европу в середине XIV в. Чума унесла до 30–40% тогдашнего населения континента. Примем во внимание частые войны; насилие, вошедшее в обычай; зависимость человека от окружающей природной стихии, когда смена дня и ночи, наступление зимы, стужа и холод, иссушающий зной и неожиданный град воспринимались чрезвычайно остро, ибо защиты от них, средств адаптации, известных нам, Средневековью не было известно.

В условиях господства "триады бедствий" — голода, войны, болезней — вполне естественными были и высокий уровень детской смертности (треть детей умирала до возраста совершеннолетия 12–14 лет), и раннее наступление старости (началом ее считали, по разным свидетельствам, время от 33 до 40 лет для мужчин), и относительно низкая продолжительность жизни (в XII–XIII вв. французские рыцари жили в среднем 43–48 лет, но при этом нормальной считалась кончина в 33 года — возрасте, когда умер Христос).

Реальный мир средневекового человека был пронизан двойственностью: "своему" миру, возделанной земле, противостоял мир "чужой", "дальный", лес. До XIII в. две трети площади Западной Европы занимали леса. Таким образом, внешний облик средневекового мира можно представить в виде огромного покрова лесов с разбросанными по нему возделанными прогалинами: скоплениями поместий, замков, городов. Эти более или менее обширные прогалины являлись экономическими, социальными и культурными ячейками цивилизации. Лес обступал их, изолировал, душил. Он вбирал в себя все страхи, присущие замкнуто живущему человеку. Для крестьянина ближайший лес был сосредоточием зла, реальных и вымышленных опасностей. Воображение человека населяло лесные чащи

чудовищами и демонами. Лес без преувеличения можно назвать отрицанием цивилизации и отрицанием мирского вообще. Поэтому отшельники, отвергающие мир с его цивилизацией, удалялись именно в лесные чащи. Но вместе с тем природный мир являлся естественной предпосылкой существования средневекового общества в значительно более явном и непосредственном смысле, чем сегодня. Вне естественных природных ритмов, вне тесной, неразрывной связи с этим миром человек не мог выжить. Существование крестьянской общины также немислимо без пользования лесными угодьями, как и без возделывания земли.

Земля почиталась главной ценностью. Средневековая цивилизация являлась по преимуществу цивилизацией аграрной, и отношения, складывавшиеся в связи с владением и пользованием землей, составляли экономическую основу средневекового общества. Хорошо известно, что феодализм, рассматриваемый с точки зрения его экономической сущности, представлял собой сочетание крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием. Соединение работника — крестьянина с основным средством производства — землей опосредовалось, таким образом, господством крупного феодального землевладения. Нужно подчеркнуть и другое. Экономически поземельные отношения были как бы "замаскированы" (М. А. Барг). На поверхности они выступали как личные отношения крестьян и феодалов, феодалов между собой, они были сокрыты за вывесками формально — юридических категорий. Реальная социальная структура представала системой личных и сословных статусов и состояний.

Структура средневекового общества

Данный вопрос подробно и интересно изложен в учебном пособии. Остановимся поэтому лишь на отдельных его аспектах. В самом широком смысле в сознании средневекового человека общество распадалось на три сословия: "тех, кто молится", "тех, кто воюет", "тех, кто трудится". Общество мыслилось при этом целостным организмом, в котором функции отдельных частей взаимосвязаны и в совокупности выполняют работу, необходимую для поддержания жизнеспособности общества в целом. Вот как развивал эту идею в притче об овцах, быках и собаках один из авторов XII века: "Предназначение овец — давать молоко и шерсть, быков — пахать землю, псов — защищать овец и быков от волков. Бог хранит их, коли каждый вид животных выполняет

свой долг. Также и сословия учинил Он, дабы несли различные службы в этом мире. Он установил одним — клирикам и монахам — молиться за других, чтобы они, исполненные доброты, подобно овцам, наставляли людей, питая их молоком проповеди, и внушали им горячую любовь к Богу руном доброго примера. Он установил крестьянам, чтобы они, подобно быкам, обеспечивали жизнь себе и другим. Наконец, воинам установил Он проявлять силу в необходимых пределах, как от волков защищая от врагов тех, кто молится и пашет землю" [5]. Любое нарушение этого порядка опасно, оно грозит опрокинуть все, ибо само существование сословий, наделенных специфическими общественными функциями, возводилось к акту божественного творения, основанного на началах гармонии и согласия.

Реальные отношения сословий, конечно, не были столь идеальны. Крестьянство имело основания для самоуважения: "А я горжусь, что я тружусь и хлеб насущный сею" [6], мужик "не словом — делом всех кормит в мире целом" [7], "богатый не был бы богатым, не помогай ему оратай" [8]. Все другие сословия рассматривались крестьянством как тунеядцы. "Когда б не сеял я зерно, не рыл бы огород, подход бы с голоду давно твой благородный род," — заявил крестьянин ошеломленному рыцарю в одной из немецких баллад [9].

Впрочем, денно и ночью трудящиеся на земле и дома крестьяне в своих представлениях о лучшей доле не шли дальше сказочных образов страны Кокань. В этой стране — изобилие еды и питья, прекрасные природные условия. В год собирают по четыре урожая, не прекращаются праздники, нет войн, все жители молоды, нет необходимости трудиться: "Потеть не надо, чтобы счет оплатить" [10]. При этом есть замечательное правило: наибольшие блага достаются тем, "кого в конец заела лень, кто спит в постели целый день" [11]. Эта страна воспевалась в балладах и во Франции ("Страна Кокань"), и в Англии ("Страна Кокейн"), и в Италии ("Страна Куканья"), и в Германии ("Страна Шларафенланд").

Ни попытки утвердить достоинства крестьянского труда, ни наивные мечтания о праздности, ни тем более прорывающиеся порой призывы к имущественному и социальному равенству, естественно, не находили сочувственного отклика у представителей господствующих сословий. "Мужики, что злы и грубы, на дворянство точат зубы. Только нищие мне любы. Любо видеть мне народ голодающим, раздетым, страждущим, небогретым" [12], — таково лишь одно из крайних выражений чувств рыцарства, высказанное знаменитым трубадуром Бертраном де Борном в конце XII века. Тем

более были распространены в высших сословиях представления о крепостных как о "пентюхах", "земляных кротах", "гужеедах" и т.п. От слова "виллан" в феодальную эпоху был образован термин "виллания", означавший подлость, моральное уродство. Налицо противоречие между идеальными представлениями о социальной гармонии сословий, основанной на функциональной расчлененности их общественных ролей, и реальными отношениями между ними. Это противоречие было характерно отнюдь не только для взаимоотношений крестьянства и рыцарства. Огромное количество критических стрел было выпущено тогда в духовенство, в том числе и самими клириками. "На кого из епископов укажите вы мне, который не предпочитал бы очищение карманов своих духовных овец исцелению их от пороков?" – восклицал крупнейший авторитет католической церкви Бернар Клервоский [13]. Ему вторил неизвестный проповедник XIII в.: "Рабы Христовы охотнее служат там, где деньги, нежели там, где Христос" [14]. Образы клириков, содержащих таверны и занимающихся ростовщичеством, щеголяющих дорогими конями и собаками, не способных из – за сильного опьянения довести до конца начатую проповедь, неграмотных и сластолюбивых, буквально переполняют тексты средневековых источников.

Средневековое общество оставалось обществом сословным. Юридические, правовые перегородки были важнейшим элементом, определявшим его структуру. Человек воспринимался прежде всего как носитель сословного статуса, принадлежность к которому значила в его жизни чрезвычайно многое. В этой связи следует отметить, что изображаемый долгое время в средневековой литературе и искусстве человек был лишен индивидуальных черт. Каждый сводился к определенному физическому типу в соответствии со своей социальной категорией и своим рангом. Даже одежда людей Средневековья не в такой степени предназначалась для прикрытия от холода и удовлетворения эстетических потребностей, как для точного указания на социальную категорию своего хозяина. Ношение человеком одежды, не соответствующей его рангу, считалось смертным грехом гордыни или падения. Не будет преувеличением сказать, что в эпоху Средневековья корпоративный дух торжествовал безусловно; личность же существовала как часть более или менее широкой социальной общности, построенной на принципах корпоративной замкнутости и обособленности. Человек соразмерял свою жизнь и поведение с признанной в обществе и праве нормой. Конечно, не значит, что передвижение с одной социальной ступени на другую было

немыслимым. На практике такое движение совершалось постоянно. Но все – таки идеалом средневековой идеологии была общественная неподвижность, застылость, наследственность статуса. Если следовать известному уподоблению В.Шекспира: “Весь мир театр и люди в нем актеры”, то средневековый мир окажется театром особого рода. Актерам импровизация запрещена, они играют по строго расписанному сценарию – и делают это не только в силу внешнего давления, но и вследствие четкой внутренней установки. Роль выучена, нужды в суфлере нет.

Крестьянство конституировало себя через принадлежность к общине. Роль крестьянской общины в эпоху Средневековья была значительной [15]. Она выполняла хозяйственные, административные, судебные, полицейские, социально – культурные функции, являлась хранительницей традиций и обычаев крестьянства. Все отношения с внешним миром, в том числе и отношения с сеньором, в конечном счете окрашивались его отношения с общиной.

Казалось бы, вопрос о проявлении своей индивидуальности не стоял перед феодалом – рыцарем: его жизнь протекала в замке вполне обособленно, он имел возможность устанавливать свой порядок во всецело подчиненном ему мирке, да и с военной точки зрения рыцарь представлял собой автономную единицу. Однако представители господствующих сословий больше, чем кто – либо другой в феодальном обществе, были подчинены строгому регламенту, диктовавшему их поведение. К рыцарскому сословию готовили с детства, вступление в рыцарское достоинство сопровождалось особым ритуалом посвящения. Существовал специфический рыцарский этос, своеобразный этический кодекс, определявший правила поведения рыцаря. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, требуется только личная инициатива и быстрая находчивость, рыцарь должен был руководствоваться не здравым смыслом, а соотносить свое поведение с требованиями сословной этики. За нарушение же рыцарских норм карали изгнанием, лишением рыцарского достоинства, также имевшими свою формальную процедуру.

Корпоративность была присуща и городскому населению. Как известно, сами условия производства заставляли ремесленников объединяться в цехи, чтобы избавить мелкое ремесло от конкуренции и поставить его в условия, наиболее благоприятные для развития простого товарного производства. Поведение бюргеров закрепляют и регулируют цеховые и городские уложения. Наряду с регламентами, которые обуславливали производственный процесс и различные

стороны хозяйственной жизни, в них можно найти постановления о таких, казалось бы частных вопросах, как крещение детей, разрешенных для бургеров видах одежды, даже определение количества гостей на свадьбе горожанина [16]. Таким образом, ремесленные цехи и купеческие гильдии с их жестким регулированием производственного процесса и повседневной жизни своих членов являли собой еще один пример средневековой корпорации.

Духовенство также может рассматриваться в самом широком смысле как корпорация. Совершение особого таинства – таинства священства – предшествовало принятию духовного сана; лишение сана за недостойные действия и помыслы разрывало все связи клирика с церковной корпорацией. Принадлежность к последней определяли специфические социальные функции духовенства, исполнение которых регламентировалось и контролировалось. Особой разновидностью церковной корпорации были монашеские ордена, по определению Бенедикта Нурсийского, основателя одного из первых монастырей, являвшиеся братством лиц, стремящихся к Богу, и по принципам организации подобные военному ордену. Монастыри представляли собой самодовлеющие и замкнутые трудовые общины [17].

Корпоративный дух средневековой цивилизации был настолько силен, что сам европейский христианский мир воспринимал себя как корпорацию лиц, принявших крещение и тем самым ставших членами мистической "Церкви невидимой".

Средневековый человек мыслил себя в первую очередь членом "Церкви невидимой", единство которой приобретало абсолютный, самодовлеющий в сущности характер. Оно понималось очень широко. Во – первых, это единство "Церкви невидимой" в пространстве. Она есть совокупность христиан. Каждый, получивший крещение, оказывался ее членом вне зависимости от того, где он его получил. Во – вторых, это единство во времени. Все христиане, живые и мертвые, составляли ее единое целое. Ушедшие из жизни присутствовали в ней столь же реально, что и живые люди – и, может быть, даже более реально. Святые и после смерти, как считалось, совершали действия, влияющие на ход земных дел. Наконец, это единство всего мира, всего сущего. В этой связи характерны рассказы о святом Франциске Ассизском, который заботился о пчелах, приказывая давать им зимой мед и вино, чтобы те не погибли от холода, собирал с дороги и относил в безопасное место червей, так как путники могли раздавить их. Когда святой Франциск мыл руки, то старался, чтобы стекающая вода не попадала под ноги, так как считал недостойным себя попирать ногами

сестру – воду [18]. Все сущее едино. Едино постольку, поскольку едино христианское человечество.

Обычай и свобода

Итак, корпоративный дух – в каждой клеточке средневекового общества: в сословном его делении, в монастырях и цехах, рыцарских орденах и купеческих гильдиях, крестьянской общине и тайном союзе подмастерьев. Более того, сам средневековый мир оказывается ничем иным, как корпоративным сообществом христиан. Человеческая личность конституируется по связи, по принадлежности к этому сообществу – и растворяется в его крупных или мелких общностях, корпоративных по духу и по сути. Естественно поэтому, что основными правовыми ценностями Средневековья стали верность и следование обычаю, а понятие свободы приобрело весьма необычный для человека античности или современной цивилизации смысл. Феодалный строй предполагал неограниченное и абсолютное господство принципа корпоративной верности: рыцарей и магнатов – условиям вассального договора; крестьян – традициям и порядкам общины; сеньора – обычаям сеньории; купцов – уставу гильдии; ремесленников – нормам цеха; монахов – законам монастырского братства. Но что удивительно! При чрезвычайной сложности системы феодальных связей, недостаточной ясности традиций, спорности отдельных положений вассального договора, сам обычай, верность которому считалась обязательной, становился источником постоянных распрей, претензий, войн, усобиц и интриг. Однако, нарушая обычай, человек Средневековья не терял веры в него и не утрачивал убеждения в необходимости его соблюдения. Граф Анжуйский Фульк, клятвопреступник, человек жестокий и жадный, велел вести себя нагим и бичевать на улицах Иерусалима: "Господи, сжалясь над предателем!" [19]. Верность мужа и жены не считалась нарушенной куртуазной любовью обоих, ибо то и другое разведено по разным сферам, в каждой правит свой обычай [20].

В этой ситуации понятие свободы также приобрело более корпоративный, чем личностный смысл. Средневековый человек не видел никакого смысла в свободе в современном ее понимании. Для него свобода была привилегией, набором прав, освобождением от тех или иных повинностей, но никогда – независимостью от внешних сил или лиц. Само слово "свобода" чаще всего употреблялось во множественном числе. Средневековому обществу было неизвестно обладание полным, окончательным суверенитетом. Свободы не было

без общины. Она могла реализовываться только в состоянии зависимости, где высший гарантирует низшему уважение его прав. Свободный человек это тот, у кого есть могущественный покровитель. Для любого члена феодальной иерархии, вплоть до возглавлявшего ее короля, характерно сочетание прав сеньора и вассала. Король также был чьим – то вассалом: либо он принес клятву верности императору, папе, либо считался вассалом господина Бога. "Не рожден ли каждый человек для труда, как птица – для полета? Не служит ли почти всякий человек под именем либо господина или слуги? И не является ли тот, кого зовут сервом у господина, свободным Господа, а тот, кого зовут свободным, – не раб ли он Христов? И если, таким образом, все люди трудятся и служат и серв – свободный Господа, а свободный – серв Господа, то какое имеет значение, помимо гордыни перед миром или перед Господом, зовется ли человек сервом или зовется он свободным?" [21]. И как аккорд: "свободное рабство перед Господом" много ценнее "рабской свободы мира"!

Христианство в жизни средневекового общества

Итак, "свободное рабство Господа" лучше "рабской свободы мира"! В этой фразе сокрыто то чрезвычайно важное, без осознания чего понимание средневековой европейской цивилизации невозможно. Средневековая цивилизация – цивилизация христианская. Общность религиозной веры и церковной организации давали ей цельность и единство. Христианство было основой не только средневекового миропонимания, но и всей жизни человека, питало его эстетические, этические, поведенческие идеалы и ценности. Подчас незримо присутствовало оно в каждом шаге и каждом поступке. Вся жизнь, от рождения до смерти, была связана с религией. Вхождение в земной мир считалось свершившимся не столько с рождением ребенка, сколько с таинством крещения, которое приобщало человека к Богу, смывало с него вину первородного греха. Детей учили пению в церковной школе. Время измеряли по церковному колоколу. Духовная паперть была местом, где обсуждали важнейшие события, сплетничали, делились новостями, ругались, мирились, совершали сделки. Напрасно духовенство и соборы предпринимали немалые усилия, чтобы превратить церковь только в дом Бога, она оставалась социальным центром с многоплановыми функциями. Обряд посвящения в рыцари включал в себя обычай "ночной стражи". Новиций проводил ночь один в часовне, положив оружие на алтарь, молясь и думая о Боге, а

утром посещал службу в церкви и принимал причастие. Составление завещания — это акт церковный. В нем из восьми страниц более четырех отводят обращению к Богу, к Пресвятой Деве, к "святым царства небесного в раю", особенно к покровителям завещателя. Над тяжелобольным или умирающим совершалось таинство соборования. Жизнь человека заканчивалась впечатляющими обрядами отпевания и погребения. Средневековая жизнь была, таким образом, без сомнения жизнью религиозной, религиозные чувства и страсти составляли важнейший элемент духовного существования каждого.

Обратим внимание на одну тонкость. Говоря о вере, мы делаем акцент на вопросе "во что верили?". Здесь важно содержание веры. Для характеристики религиозности этот вопрос не имеет существенного значения. Важно другое — "как верили?". Насколько сильными были религиозные чувства, насколько исступленной и страстной была вера? Какое место занимала она в жизни и мышлении человека? Понятно, что официальная доктрина с ее сложными проблемами и изощренными построениями не была и не могла быть доступна пониманию человека неграмотного или полуграмотного. Церковная догматика оставалась для большинства населения непонятной, "темной". Народ жил в причудливом мире народного христианства, в котором официальное вероучение упрощалось и дополнялось близкими простому человеку представлениями о возможности чуда, сверхестественной силе магических обрядов и т.п. Но незнание высших религиозных истин не делало веру слабее или пассивнее. Напротив, искренняя вера простака ценилась, пожалуй, выше веры ученого богослова. Как состояние ума и сердца, как дар, подвиг и заслуга, вера считалась одинаково достижимой и для схоласта — доминиканца, и для темного крестьянина, знакомого с Библией по проповедям приходского священника. Главное в вере — подчинение авторитету церкви. Именно оно делало веру "правой", утверждая истинность важнейшего постулата о невозможности спасения вне церкви. Вера выше знания, выше всех мирских представлений о возможном и невозможном, о естественном и противоестественном: "Сын Божий распят: нам не стыдно, ибо полагалось бы стыдиться. И умер Сын Божий: это вполне достоверно, ибо ни с чем не сообразно. И после погребения он воскрес: это несомненно, ибо невозможно". Жизнь человека Средневековья проходила, таким образом, в согласии с той системой ценностей, которую без всяких колебаний можно назвать религиозной.

Центром и официальной католической догматики, и народных

религиозных представлений являлось учение о грехопадении и спасении. Бог сотворил мир и человека, и совершил это в бесконечной любви и абсолютном благе. Но мир наполнен злом, преступлениями, подлостями, грехами, изменой и коварством. Откуда они? От человека, воля которого отклонилась от Бога. В душе первого человека, нареченного после грехопадения Адамом, дар благодати, дар природной праведности, святости, свободы от скорби и смерти, данный Богом при творении, был утерян. Человек отделился от Бога. Грехопадение стало исходной точкой земной истории человечества. Грехопадение считалось и виной, грехом (по отношению к Богу), и карой (по отношению к человеку). Воля человеческая после грехопадения Адама стала немощной, он стал еще больше нуждаться в божественной благодати. Человечество едино поэтому, но все люди связаны по вине своей, связаны "во грехе Адамовом". Христос страдал и умер, искупая человечество, потому, что оно едино во грехе и вине перед Богом, вине и грехе, исказившем естественную сущность человека. Соединение его души с Богом восстанавливается через благодать, владеет которой церковь. Церковь передает благодать человеку во время совершения таинств.

Учение о грехопадении и спасении значило в жизни Средневековья очень многое. Оно в значительной степени определяло важнейшие особенности средневекового мировосприятия. С одной стороны, оно придавало повседневным чувствам людей черты неуверенности, нестабильности, небезопасности. Враждебность природного мира дополнялась враждебностью мира социального. Земная история замыкалась в сознании человека крайней точкой Страшного суда; сознание оказывалось замкнутым почти герметически, ибо мыслилось находящимся во враждебном противостоянии остальному миру; человеческое, плотское, земное воспринималось в контексте постулата о греховности человека "с головы до пят", заставлявшего наиболее экзальтированных порывать с миром, впадать в сознательный и мучительный аскетизм. С другой стороны, именно это учение, учение о спасении, давало надежду, порождало стремление к прекрасной жизни, порождало такую этическую систему, в которой главными нормами оказывались любовь, чистота сердца, правдивость, долготерпение, милосердие, вера, надежда, радость, благодарность, свершение добрых дел. "Что отделяешь ты веру от действия? Неправо отделяешь ты, губя веру свою. Мертвый дар приносишь ты Богу. Ибо, если любящая вера — некая душа веры, что такое вера, не действующая из любви, как труп бездушный?... Смерть веры —

отделение любви. Веришь во Христа — твори дела Христовы, да живет вера твоя!" Итак, напряженное ожидание конца света, вынужденное затворничество во враждебном пространстве, бегство от мира, истязание плоти, ощущение бессилия и слабости — лишь один план мировосприятия. Другой план — в повседневной этике, нормах морали. А они внушают надежду, проповедают любовь, требуют радости, объявляют печаль, отчаяние и зависть смертными грехами, главным мотивом нравственного поведения называют не страх перед наказанием, не стремление к спасению, а благодарность Богу, в безмерном благе сотворившему земной мир.

Контрасты Средневековья

Противоречие? Контраст, необъяснимый и не поддающийся логическому осмыслению? Безусловно! Но именно таким — контрастным, полным внезапных переходов от гнева к умилению, от страха к блаженству, от горя к радости — и было Средневековье. "...неистова и пестра была эта жизнь, где к запаху роз примешивался запах крови. словно исполин с детской головой, народ бросался от удушающих адских страхов — к младенческой радости, от дикой жестокости — к слезливому умилению. Жизнь его полна крайностей: безусловное отречение от всех мирских радостей — и безумная тяга к наживе и наслаждениям, мрачная ненависть — и смешливость и добродушие" [22].

Надеемся, что данные материалы помогут учителю, дадут ему некоторые ориентиры в сложнейшем мире Средневековья, привлекут его внимание к литературе, на основе которой они и написаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бессмертный Ю. Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991; *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; *Он же.* Категории средневековой культуры. М., 1984; *Он же.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989; *Он же.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1989; *Он же.* Исторический синтез и школа Анналов. М., 1993; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; *Февр Л.* Бой за историю. М., 1991; *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988; *Ястребицкая А. Л.* Западная Европа

XI–XIII вв. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

2. См., например, полное драматизма описание голода, составленное монахом монастыря Клуни в Бургундии Раулем Глабером (1032 г.): Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Грацианского Н. П. и Сказкина С. Д. М., 1950. Т. 1. С. 241–242.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 187–188.
4. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1989. С. 42.
5. Ле Гофф Ж. Ук. соч. С. 240.
6. Немецкие народные баллады. С. 12.
7. Вернер Садовник. Крестьянин Гельмбрехт. М., 1971. С. 24.
8. Там же. С. 25.
9. Немецкие народные баллады. С. 13.
10. Мортон А. Английская утопия. М., 1956. С. 266.
11. Немецкие народные баллады. С. 96.
12. История французской литературы. М., 1961. Т. 1. С. 77.
13. Ли Г. История инквизиции в средние века. СПб., 1911. Т. 1. С. 84.
14. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 227.
15. Об общине. См.: Котельникова Л. А. Крестьянская община // История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 2. С. 476–492.
16. Немецкий город XIV–XV вв. Сборник материалов. М., 1936; Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Грацианского Н. П. и Сказкина С. Д. Т. 1. С. 407–412.
17. Подробнее о монашестве см.: Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992.
18. Дурьлин С. Святой Франциск Ассизский и "Цветочки" // Цветочки святого Франциска Ассизского. М., 1990. С. XXIII–XXIV.
19. Карсавин Л. П. Культура средних веков. Пг., 1918. С. 101.
20. Подробнее о куртуазной любви см.: Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 90–96; Мейлах М. Б. Средневековые провансальские жизнеописания и куртуазная культура трубадуров // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 507–549.
21. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 207.
22. Хейзинга Й. Ук. соч. С. 28.

Н. А. Королева

«ЭПОХА ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ»: К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ И ВЕСТЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В существующих в настоящее время школьных программах и учебниках по новой истории значительное место отводится изучению событий в странах Азии на рубеже XIX – XX веков. Современные школьные учебники [1], пособия для учителей [2], исследования специалистов по данной проблеме [3] дают возможность учителю истории глубоко раскрыть процессы, происходившие в это время в странах Востока [4]. В настоящей публикации делается попытка обратить внимание учителя на необходимость уточнений в трактовках событий этого периода, которые содержатся в школьных учебниках, а также предоставить учителю дополнительный материал, который может быть им использован на уроках истории.

Под "эпохой пробуждения Азии" в учебной и исторической литературе понимается период конца XIX – начала XX веков, когда в развитии традиционных восточных обществ появляются элементы капиталистической трансформации. Изменения в социально-экономической структуре азиатского общества привели к буржуазным революциям и буржуазно- национальным движениям в странах Востока в начале XX века. Вместе с тем становление и развитие капиталистического уклада на Востоке происходило в условиях сохранения феодализма и быстрого завершения процесса превращения этих стран в колонии и полукolonии империалистического мира. Таким образом, "эпоха пробуждения Азии" – это период сохранения традиционности восточных обществ с одной стороны, а с другой стороны – начало их модернизации. С проблемой модернизации тесно связан и вопрос о влиянии западной цивилизации на общественное развитие азиатских государств.

Понятия "традиционное общество", "модернизация", "вестернизация" широко используются в современной учебной литературе применительно к странам Востока конца XIX – начала XX веков. В специальной исторической литературе под "модернизацией" понимается внедрение современной науки и техники в общественное производство, под "вестернизацией" – копирование

на Востоке европейской одежды, системы образования, этикета и т.п. Появление иностранцев на Востоке, а затем превращение стран Азии и Африки в колонии и полуколонии способствовали модернизации и вестернизации восточного общества.

Уровень социально – экономического развития азиатских обществ в конце XIX века позволяет говорить о них как о традиционных. Исследователи называют традиционными те общества, структура которых определяется их “ограниченными производственными функциями, опирающимися на доньютоновскую науку и технологию и доньютоновские представления о нашем мире... Но важнейшим признаком традиционного общества является то, что в нем неизбежен некоторый предел роста выработки продукции на душу населения. Этот предел объясняется тем, что производственные возможности, которые дают современные наука и техника, тогда либо вовсе отсутствовали, либо не применялись систематически” [5]. Другими характерными чертами традиционного общества являются занятие 2/3 населения сельским хозяйством, слабо развитая сеть массовых коммуникаций и транспорта и т. д. Иными словами, традиционное общество – это непромышленное, доиндустриальное общество. Таким образом, понятие “традиционное общество” включает в себя характеристики, присущие феодальному уровню развития азиатских обществ. Вместе с тем, использование этого понятия предполагает не только понимание особенностей цивилизационного развития стран Востока, но и подчеркивает специфику феодализма на Востоке, который, согласно В. П. Илющечкину, являлся “докапиталистическим рентным общественным способом производства” [6]. Ниже, характеризуя социально – экономическое развитие Китая, Ирана, Османской империи, Индии в конце XIX – начале XX веков, мы постараемся показать это на конкретном историческом материале.

Характерные черты традиционности

Маньчжуро – цинская империя в конце XIX века оставалась государством, где господствовали традиционные устои арендно – бюрократической разновидности феодализма. 9/10 населения страны было занято сельскохозяйственным производством, в котором прочно сохранялись средневековые формы феодальной эксплуатации. Крестьяне платили налоги государству, или же арендную плату, если они были арендаторами земли у крупных феодальных собственников.

Городские жители были сосредоточены в Центральном и Восточном Китае и составляли 1/10 долю всего населения этой части империи. Здесь насчитывалось примерно 40 тыс. городов и поселений городского типа, в которых проживало около 39 млн. человек, большая часть из которых была сосредоточена в Южном Китае. Более 20% жителей городов составляли чиновники государственного аппарата, около 18% горожан — феодалы — крупные собственники земли. В Китае, как и в других странах Востока, крупные землевладельцы жили не в поместьях, а в городах и существовали за счет взимания арендной платы с крестьян, арендовавших у них участки земли. Прочие горожане — это купцы, маклеры, ростовщики, менялы, мелкие торговцы, ремесленники, грузчики, чернорабочие, подлый люд. В целом, для китайского города конца XIX века была характерна размытость социальных перегородок, отсутствие четко выраженных признаков формирования третьего сословия [7].

Таким образом, в Китае на рубеже веков сохранялись все признаки традиционного общества: аграрный характер экономики, феодальные методы эксплуатации крестьянства, которые вместе с тем отличались своеобразием, не похожи были на отношения между крестьянином и феодалом в Европе или России.

В Иране в конце XIX — начале XX веков основными занятиями населения продолжали оставаться земледелие и кочевое скотоводство. Земля находилась в частнофеодальной собственности, но распространенными были случаи, когда чиновники получали в пожизненное владение казенные земли, доходы с которых соответствовали сумме причитающегося за занимаемую должность жалованья. Практика раздачи земель в пожалования за государственную службу вела свою историю со времен средневековья. Источник свидетельствует, что в Иране "крестьян — собственников очень мало, они большей частью являются арендаторами, почему однообразного отношения между крестьянами и помещиками не существует и зависит [оно] от издревле установившегося порядка в каждой провинции" [8].

Крепостного права в Иране, как и в других странах Востока, не существовало. Крестьяне могли свободно переходить от одного владельца земли к другому, но долговая кабала, безграничная власть ханов на местах держали крестьян на земле. В некоторых провинциях собственники земли предоставляли крестьянину — арендатору только землю и воду, взимая за это 1/3 урожая, в других провинциях землевладелец давал крестьянину все необходимое для посева, но в таком случае он забирает у крестьянина не менее 2/3 урожая в качестве

арендной платы, а затем вносил в государственную казну земельный налог, которым облагались землевладельцы. Очевидно, что такая практика давала простор для злоупотреблений по отношению к крестьянину – арендатору со стороны феодала.

Своеобразие персидского традиционного общества заключалось в огромной роли, которую играло здесь духовенство. Шиитское духовенство владело огромными земельными площадями, присваивало сиротское имущество, благотворительные пожертвования. Кроме того духовенство собирало закят – десятую часть чистого дохода, которую должен был отдать каждый верующий в конце года. Кроме закята собирали и другие денежные суммы с населения, что делало представителей духовенства богатыми людьми [9]. Велика была и общественная роль шиитского духовенства: гражданских законов не было, вся система судопроизводства основывалась на шариате, в руках духовенства находилось и образование. Кроме того, большим авторитетом пользовались сеиды, которые вели свою родословную от пророка Мухаммеда. Сеиды принадлежали к различным социальным группам населения, но все они одинаково почитались как святые и зачастую выступали в роли глашатаев общественного мнения.

Городское население было сосредоточено в столице и в провинциальных центрах, оно составляло незначительную часть населения страны. Для персидского города характерна еще большая размытость социальных перегородок и сосредоточение в нем большого числа люмпенизированных элементов.

Кочевники – скотоводы, проживавшие на восточных и южных, главным образом, территориях Ирана, сохраняли традиционный уклад жизни, соответствовавший патриархально – родовым отношениям периода средневековья.

В Османской империи крупные землевладельцы держали в своих руках большую и лучшую часть земель, которые они сдавали в аренду крестьянам. Издольщина, то есть взимание арендной платы долей урожая, являлась основной формой феодальной эксплуатации. В некоторых же районах Османской империи, и прежде всего на Балканах, сохранялись барщина и оброк [10]. Основным сельскохозяйственным налогом был ашар – десятина. Он взимался государством натурой с помощью откупной системы: сбор налога передавался откупщикам, которые вносили в казну всю сумму налога, причитающегося с данной местности, а затем они собирали ашар уже в свою пользу. В таком случае зачастую имели место злоупотребления, так как откупщики превращали ашар в четвертую, а иногда в третью

часть урожая. Феодалыне собственики земли платили налог правительству, а затем собирали арендную плату с крестьян, с лихвой покрывая свои расходы в связи с уплатой налога государству.

На рубеже XIX – XX веков Османская империя оставалась крайне отсталой сельскохозяйственной страной, с низким уровнем развития производительных сил, с сохранением полуфеодалных методов эксплуатации крестьянства. В столице Османской империи Стамбуле и в нескольких городах на территории Анатолии было сосредоточено население, занимавшееся ремеслом и торговлей. По свидетельству русского путешественника Д. В. Путяты, основная масса населения Анатолии занималась земледелием. "Местная промышленность ограничивается преимущественно выделкой грубых тканей, войлока, холста, ковров, кожевенным и шорным делом в размере, удовлетворяющем только местной потребности. В Адане ныне устроены паровая хлопкоочистительная фабрика и хлопкомотальный завод. Прежде здесь производилась выделка полотен и сукон весьма хорошего качества, но которые по своей дороговизне не могли конкурировать с привозными европейскими произведениями" [11]. Таким образом, в социально – экономической характеристике Османской империи мы находим явные признаки традиционного восточного общества.

Колониальная эксплуатация

Социально – экономическое развитие колониальной Индии в конце XIX – начале XX веков знаменуется "более разносторонней и усиленной эксплуатацией индийских народов в интересах британского монополистического капитала и более широким, и что особенно важно, повсеместным развитием капитализма внутри страны" [12]. Несмотря на наметившуюся тенденцию капиталистического развития, продолжалась усиленная аграрно – сырьевая специализация индийской экономики. Старинные виды кустарной промышленности (текстильная, кожевенная, гончарная и др.) под ударами конкуренции со стороны английских фабричных изделий разорялись, отсюда увеличилась численность населения, занимавшегося сельскохозяйственным производством. Характерной чертой аграрного строя являлась собственность крупных землевладельцев на землю и жестокая полуфеодалная эксплуатация крестьянства, сочетавшаяся с ростовщической кабалой. В разных провинциях Индии эти процессы протекали не одинаково, но общая тенденция свидетельствовала о

дальнейшей концентрации земли в руках крупных феодалов, о сокращении числа крестьян — землевладельцев и увеличении числа крестьян — арендаторов. Так, "за 1891/92 — 1900/01 годы земельная площадь, обрабатываемая арендаторами, выросла с 11,6 млн. до 15,25 млн. акров, причем площадь, арендуемая бесправными арендаторами, увеличилась с 9 млн. до 10 млн. акров" [13].

Издольщина в Индии в этот период уже носила переходной характер от феодальной к капиталистической форме аренды. Величина ренты составляла $1/2$, $1/8$, $2/5$ или $1/4$ урожая. Рост значения издольщины свидетельствовал о развитии товарно — денежных отношений в аграрном строе Индии на рубеже веков.

Вместе с тем, Индия в этот период времени становилась страной прибыльного приложения английского капитала, рынком сбыта и источником сырья для английских монополий. В 1893 — 1899 гг. английские власти провели в Индии финансовую реформу, в результате которой обесценились индийские серебряные деньги и серебряные украшения, закрылись монетные дворы, чеканившие серебряные монеты для частных лиц. Последствия этой реформы — вздорожание денег, увеличение фактического размера земельного налога, рост задолженности ростовщикам, обесценивание денежных накоплений индийского населения. В 1899 году англичане искусственно повысили курс рупии, что привело к дальнейшему росту цен. Кроме того, уже в 1897 году Индию поразил голод, который был вызван нехваткой денег у населения, а не отсутствием продовольствия. Так, английский чиновник, выступая перед королевской комиссией по финансам и денежному обращению рассказал следующее: "В городе Аллахабаде я встретил человека, прибывшего из одного из наиболее тяжело пораженных голодом округов. У него имелись серебряные украшения, по весу равные стоимости 2 тыс. рупий, за которые в предшествующие годы он получил бы 1980 рупий, но из — за закрытия монетных дворов ему предлагали только 33 рупии за каждые 100 рупий серебра в весовом выражении" [14]. Крупный индийский предприниматель заявил: "Мы рассматриваем закрытие монетных дворов для нас, индийцев, как гораздо более серьезное дело, чем голод, чем землетрясение, чем чума и война на границах. В Индии очень недовольны этой мерой" [15]. Таким образом, в колониальной Индии в конце XIX века сложились условия для развития капиталистического уклада, который к этому времени уже оформился. Но английские колонизаторы проводили в Индии политику, которая способствовала финансовому закабалению страны метрополией. К тому же оставались и прежние формы

колониальной эксплуатации, среди которых важнейшей было налоговое ограбление страны. При этом темпы прироста земельного налога превосходили темпы прироста всех других видов налоговых поступлений (таможенные сборы, налог на торговлю, предпринимательство и пр.). Политика колониальных властей и объективно сложившиеся в Индии предпосылки для капиталистического развития страны привели к "пробуждению" индийского народа, вызвали буржуазно – национальное, антиколониальное движение 1905 – 1908 гг.

Китай, Иран, Османская империя окончательно превращаются в полукolonии к концу XIX века и политика империалистических держав по отношению к ним также способствует буржуазно – национальному "пробуждению" в этих странах. Финансовое и экономическое порабощение, вызванное усилением колониальной эксплуатации, крайне тяжелое положение народных масс, недовольство политикой империалистических держав со стороны формирующегося в этих странах класса национальной буржуазии – все эти обстоятельства привели к первым буржуазным революциям в Китае, Иране и Турции.

На территории маньчжуро – цинской империи в конце XIX века проводили активную колониальную политику Англия, Франция, Германия, Россия, США, Япония. На всем протяжении китайского побережья располагались открытые порты – от Ляондунского полуострова до Гуанчжоу. Здесь свободно продавались иностранные товары, причем они облагались более низкими таможенными пошлинами, чем китайские изделия, вывозившиеся за границу. В открытых портах строились иностранные селтльменты, на рейдах в акватории портов постоянно находились иностранные военные корабли. Неудачи, постигшие Китай в войнах против европейских держав и Японии во второй половине XIX века, привели к тому, что Китай должен был выплачивать огромные контрибуции, общая сумма которых составила в 1901 году 710 млн. лян серебра (лянь = 37,3 г. – Н.К.). Ежегодные же поступления в китайскую казну составляли всего 80 млн. лян [16]. Недостаток средств заставил китайское правительство взять займы у европейских держав. В 1895 году Россия и Франция предоставили заем Китаю в 100 млн. лянов из расчета в 4% годовых со сроком погашения в 36 лет и под обеспечение доходами с морских таможен [17]. Англия и Германия совместно дали Китаю заем в 100 млн. лян серебра из расчета 5% годовых, сроком на 36 лет и под обеспечение доходов с морских таможен [18]. Таким образом, цинское правительство получило займы 200 млн. лян серебра, а два взноса

контрибуции составляли 130 млн. лян. К тому же “примерно 30 – 40 млн. лян застряли в руках чиновников и ответственных лиц под видом взяток, комиссионных и т.п.” [19]. По этой причине в 1897 году Цины готовятся взять еще один заем. Он был предоставлен Англией и Германией на сумму в 100 млн. лян, сроком на 45 лет, из расчета 4,5% годовых [20]. За предоставление этого займа Китай гарантировал соблюдать интересы Англии в бассейне реки Янцзы.

С 1895 по 1899 годы Китай получил всего 7 займов на сумму в 370 млн. лян [21]. После подавления восстания ихэтуаней, согласно “Боксерскому протоколу” от 1901 года, на Китай была наложена контрибуция в 450 млн. лян. Она должна была выплачиваться до 1940 года при 4% годовых и составила бы в конечном итоге 980 млн. лян [22].

Цифровой материал, приведенный нами выше, ярко свидетельствует об обстоятельствах финансового порабощения маньчжуро – цинской империи иностранными державами в конце XIX века, которое привело в конечном итоге к разделу Китая на сферы влияния и превращению в полуколонию. Следовательно, замедленное общественное развитие Китая усугублялось экономической зависимостью от метрополий, население же страны страдало под гнетом феодальной, полуколониальной эксплуатации. Причины же тяжелого экономического положения и нависшей угрозы потери национальной самостоятельности страны прогрессивно мыслящие китайцы видели в том, что прогнившая маньчжуро – цинская династия оставалась на китайском престоле и предавала интересы китайского народа.

Правительством Османской империи в 60 – 70 – е годы XIX века также был получен целый ряд займов от иностранных держав, с помощью которых султанское правительство пыталось погасить дефицит в государственном бюджете. К 1876 году Османская империя имела долг в 277 млн. лир (более 6 млрд. франков), образовавшийся в результате полученных ею 14 внешних займов [23]. Тяжелое экономическое и финансовое положение страны усугублялось расточительством государственных средств на содержание султанского двора, на строительство новых дворцов, на закупку за границей вооружения для армии и флота. В 1875 году правительство Османской империи объявило себя банкротом и банки Англии и Франции установили над ним финансовый контроль. К началу XX века империя полностью потеряла экономическую и политическую самостоятельность и превратилась в полуколонию.

Россия и Англия в конце XIX века получили разрешение у иранского правительства на важнейшие концессии – телеграфные,

банковские, дорожные и др. В результате Англия и Россия имели монопольное право на освоение природных ресурсов Ирана и на создание перерабатывающих предприятий. Иран заключил также соглашения на получение иностранных займов, предоставлявшихся на кабальных условиях. Увеличился импорт иностранных товаров. Все это привело к усилению колониальной эксплуатации иранского населения, разорению страны и превращению ее в рынок сбыта иностранных товаров и поставщика сельскохозяйственного сырья.

Признаки модернизации

Фактический материал, предлагаемый нами выше для использования на уроках истории, поможет учащимся, на наш взгляд, уяснить, что засилье феодальных пережитков на Востоке и активная колониальная политика западных держав на рубеже XIX – XX веков стали важнейшими предпосылками наступления "эпохи пробуждения Азии". При этом необходимо особо подчеркнуть, что зарождение капитализма в восточных традиционных обществах является главным аспектом изучаемой проблемы.

В настоящее время проблема становления и развития капитализма на Востоке тесно увязывается с последствиями колониального вторжения, его влияния на социально – экономическое развитие азиатских стран. Это обстоятельство нашло отражение и в школьных учебниках. Но авторы их придерживаются прямо противоположных точек зрения. А. Л. Нарочницкий, Л. Е. Кертман, А. И. Аверьянов полагают, что в XVI – XIX веках в Азии росло значение некоторых городов, зарождались мануфактуры, но "самостоятельное развитие стран Азии, разложение в них феодализма и рост капиталистических отношений были нарушены вторжением европейских колонизаторов. Господство феодального и колониального гнета сохранилось у них на долгое время, а развитие капитализма и буржуазных преобразований еще более задерживалось" [24].

В учебном пособии для 10 класса по новой истории утверждается, что развитие капитализма в странах Азии и Африки ускорилось с появлением колонизаторов, что "вторжение зарубежного капитала подрывало традиционные устои восточного общества, способствовало развитию капиталистических, буржуазных отношений..." [25]. Следовательно, здесь представлены два концептуально различных подхода к проблеме взаимоотношений Востока и Запада.

Действительно, в специальных исследованиях по истории стран

Востока отмечается уже в XVI–XVII вв. бурный рост городов, появление мануфактурного производства, быстрое развитие товарно – денежных отношений. Но, как считают современные исследователи, только в Японии эти признаки означали зарождение элементов капиталистического уклада. Историческое развитие Японии в XVIII – XIX веках, а затем события незавершенной буржуазной революции 1867 – 1868 гг. способствовали созданию условий для развития капитализма во второй половине XIX века.

В других же странах Азии появление городов не придало динамизм развитию феодального общества и не подготовило капиталистическую трансформацию. Города на Востоке обслуживали феодала, они находились под контролем государства. Город представлял собой конгломерат самоуправляющихся корпораций, цехов, кастовых общин, которые ограничивали социальную мобильность и не способствовали созданию условий для превращения города в центр противостояния феодальному правителю и феодальным порядкам. В городах на Востоке сосредотачивалось большое количество деклассированных элементов, так как происходила постоянная миграция населения в города из сельских районов. Насчитывая сотни тысяч людей, такие города были вместе с тем разобщены благодаря кастовым, религиозным, этническим, социальным перегородкам, поддерживавшихся государственной деспотической властью, ее вмешательством в экономические процессы. Исследователи отмечают, что препятствием на пути социальной модернизации в городах Востока являлась и соответствующая в этих странах официальная идеология (например, конфуцианство в Китае). Авторитарное правление в сочетании с идеологическим контролем блокировали всякое идейное развитие и нововведения.

Только во второй половине XIX века возникли предпосылки для зарождения и развития капитализма в таких странах как Китай, Индия, Иран, Османская империя. Широкое проникновение в экономику этих стран иностранного капитала, несомненно, этому способствовало. Прежде изолированные от внешнего мира азиатские государства получили толчок для своего развития. Но надо особо подчеркнуть, что капиталистическое развитие под влиянием иностранного вторжения оказалось возможным лишь в тех традиционных обществах, где существовали уже для этого внутренние предпосылки. К таким странам относились Китай, Индия, Иран, Османская империя. Колониальные захваты происходили в конце XIX – начале XX веков и на африканском континенте. Но ни одна из

африканских стран не пережила на рубеже XIX – XX веков эпоху буржуазного пробуждения, так как в историческом развитии Африка еще более, чем азиатские страны отставала от капиталистического Запада.

Развитие добывающей и обрабатывающей промышленности, строительство железных дорог, реконструкция портов, проведение телеграфных линий, строительство фабрик по переработке местного сырья в колониях и полуколониях иностранными предпринимателями – все это способствовало и развитию местного, национального капитала. Но следует обратить внимание учащихся на совершенно справедливое положение, присутствующее в пособии О. С. Сороко – Цюпы, В. П. Смирнова, В. С. Посконица: "...иностранцы и правительства поддерживали правящие клики и консервировали пережитки прошлого, если это было им выгодно. В итоге бедность, нищета, голод, невежество были уделом сотен миллионов людей в странах Азии и Африки" [26]. Иными словами, колониальная эпоха принесла не только прогресс и цивилизацию в страны Востока, но и колониальную эксплуатацию, которая не только ввергла в нищету и бесправие огромные массы населения, но и препятствовала развитию национального предпринимательства. Отсюда медленные темпы развития капиталистического производства в колониях и полуколониях, уродливый характер его, участие в создании добывающей и обрабатывающей промышленности, широкое развитие кустарного производства, а не современного фабрично – заводского и т. п.

Так, в Китае в 70 – 80 – е годы XIX века появляются частные капиталистические предприятия. Их собственниками были маньчжурские сановники, имевшие средства для создания таких предприятий в результате занятия чиновничьих должностей. С 1875 по 1894 годы было основано 33 предприятия, к 1895 году осталось только 21. Большая часть из них были казенными. К 1898 году было основано уже 80 новых предприятий, в т.ч. 62 предприятия частных. Всего же с 1872 по 1900 годы возникло 204 национальных предприятия, а в 1901 – 1913 гг. было построено 445 фабрик, шахт и рудников [27]. Таким образом, видна из этих цифр явная тенденция к расширению капиталистического производства в Китае. Строились текстильные фабрики, предприятия по переработке чая, шелка – сырца, военные арсеналы и т.д. И все же очевидно, что в сравнении с общей численностью населения (более 400 млн. чел.) число предпринимателей было невелико, а капиталистический уклад занимал незначительное место в структуре китайской экономики.

В Индии с 90-х годов XIX века усиливается развитие капитализма, что проявлялось в увеличении и усилении высших форм капиталистического предпринимательства. Растет число акционерных компаний. К 1906 году их насчитывалось 1728 с оплаченным капиталом в 27,9 млн. фт. ст. [28]. Увеличивается спрос на рабочую силу на фабриках, угольных шахтах, частных плантациях. С 1886 до 1905 гг. число рабочих на хлопчатобумажных фабриках выросло с 74 тыс. до 195 тыс. человек, а численность предприятий за это время увеличилась с 95 до 197, численность же ткацких станков возросла с 17 тыс. до 50 тыс. [29].

Развитие капитализма в Индии шло неравномерно, наиболее развитыми в промышленном отношении были Бенгальская, Бомбейская и Мадрасская провинции. Важным следствием формирования капитализма в Индии явилось усиление роли индийских городов. К началу XX века города Индии стали центрами политической, экономической и культурной жизни. Городское население – буржуазия, пролетариат, интеллигенция – страдали от национального и колониального угнетения. Условия городской жизни создавали благоприятную обстановку для распространения передовых идей и массовых выступлений за свободу и независимость.

Формирование буржуазно-национального самосознания и «пробуждение Азии»

В Китае и Индии класс национальной буржуазии возглавил буржуазно-национальное движение против британского колониализма в Индии и против маньчжурской династии в Китае. В этих странах к началу XX века уже сложились классы буржуазии и пролетариата, что и способствовало наступлению «эпохи пробуждения». Однако в ходе буржуазно-национального движения в этих странах в начале XX века в полной мере проявились отсталость и низкий уровень национального самосознания, что было связано с «колониальным» характером этих новых классов: экономическая слабость и политическое бесправие национальной буржуазии, политическая незрелость и низкий уровень организованности пролетариата.

Развитие капиталистического уклада в Иране и Османской империи на рубеже XIX – XX вв. находилось на крайне низком уровне, так как иностранный капитал занимал в экономике этих стран ключевые позиции. Иран и Османская империя (территория Анатолии

и Европейской части Турции) также стали ареной буржуазно-национального движения в "эпоху пробуждения Азии", но здесь не сформировались еще ни буржуазия, ни пролетариат как классы. Торговцы, разночинная интеллигенция, ремесленники, шиитское духовенство в Иране и образованное офицерство армии и флота в Турции выражали интересы поднимающегося класса буржуазии.

Обратим внимание на лидеров и рядовых участников буржуазно-национального движения в "эпоху пробуждения Азии". Отметим прежде всего необходимость отхода от схематизма и догматизма при оценке характера и движущих сил революционного движения на Востоке. Так, авторы учебника под редакцией И. М. Кривогуза, излагая предпосылки Синьхайской революции в Китае, связывают восстание ихэтуаней в 1899 году с буржуазной революцией 1911-1913 гг. Они отмечают, что в начале XX века противоречия в китайском обществе обострились, "страна оказалась накануне буржуазной революции". И далее следует: "Первыми поднялись на борьбу крестьяне и городская беднота. В 1899 году отдельные восстания переросли в мощное антиимпериалистическое движение... Но рабочий класс и национальная буржуазия в то время были еще слишком слабы, чтобы обеспечить успех этого движения..." [30]. Восстание ихэтуаней — это последнее крестьянское движение феодальной эпохи Китая. Буржуазия китайская и китайский пролетариат не имели никакого отношения к восстанию ихэтуаней, которое было подавлено в результате совместной военной интервенции империалистических держав (войсками командовал германский фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее). Синьхайская же революция началась спустя десятилетие и положила начало эпохе буржуазных революций и преобразований в Китае.

Крайне важным представляется понимание учащимися того обстоятельства, что развитие новых общественных отношений в Китае происходило при сохранении традиционного менталитета, и революционность лидера китайской революции Сунь Ятсена (1866-1925) проявилась уже в том, что, будучи еще юношей, он ударил скульптуру, изображающую святого в деревенском храме, за что был изгнан сельчанами и был вынужден уехать в Гонконг [31]. Или, например, на рубеже XIX-XV вв., знакомясь с теориями западных учений, китайские политические деятели столкнулись с трудностями философско-лингвистического характера, так как традиционная культура не давала возможности адекватно передавать многие понятия западной философской мысли, в том числе и понятие "свобода".

Идеи буржуазного либерализма нашли яркое отражение в программе "Объединенного союза", партии, созданной Сунь Ятсеном в 1905 году. Так, в "Декларации Объединенного союза" идеи буржуазного либерализма сочетались с антиманьчжурской направленностью деятельности китайских революционеров. "С самого основания китайского государства им всегда управляли китайцы, и, хотя, случалось, что власть захватывали иноплеменники, наши предки всегда находили силы изгнать их, возродить славу Родины и сохранить ее для потомков. И ныне провозглашение ханьцами борьбы за справедливость и изгнание северных варваров (маньчжуров — *Н. К.*) — это продолжение славных подвигов предков. В этом великий смысл наших дел... Нынешняя же революция, в отличие от переворотов предшествующих эпох, должна принести изменение государственного строя и благосостояние народу. Программа этих изменений чрезвычайно многообразна, однако смысл их можно выразить словами "свобода, равенство и братство" [32].

"Объединенный союз" вел агитацию среди солдат и офицеров маньчжурской армии. Они подняли восстание 10 октября 1911 г. Правительство, провозгласившее республику в Китае, обращалось к населению с призывом: "Соотечественники, офицеры и солдаты маньчжурской армии! Если в вас бьется человеческое сердце, вы не должны ждать уговоров, а решительно должны повернуть оружие против маньчжуров и присоединиться к нам" [33]. Обращения адресовались чиновникам областей, округов и уездов, купцам, и в каждом из них шла речь о необходимости свержения маньчжурской династии. В декабре 1911 года Сунь Ятсен был провозглашен временным президентом Китайской республики. В Декларации президента, зачитанной им при вступлении на этот пост, было объявлено о целях революции. Единство всех народов Китая, создание единого централизованного государства, предоставление провинциям самоуправления, отмена жестоких налогов и поборов, создание рациональных основ финансовой системы, мир и дружба с "доброжелательными к нам государствами" — таковы цели Синьхайской революции, сформулированные ее лидером [34]. После начала восстания в Учане, студенты вели агитацию среди населения, вербовали солдат в революционную армию. Очевидцы событий отмечают, что революционные войска были одеты в черную одежду: черная суконная фуражка, такая же куртка и шаровары. На левом рукаве у всех была белая повязка. У многих солдат на куртках были нашиты красные погоны, на которых обозначался номер полка.

Вооружали солдат оружием, захваченном в арсенале Ханьяна [35]. Важнейший итог революции 1911–1913 гг. в Китае – свержение маньчжурской династии и провозглашение республики. В феврале 1912 года президентом Китая становится Юань Шикай, которого поддерживали либерально настроенные представители класса феодалов и крупная буржуазия. Сунь Ятсен вынужден был в 1913 году эмигрировать из Китая, так как Юань Шикай и его сторонники отвергли социально–экономические идеалы, провозглашенные китайской революцией. В 1915 году Сунь Ятсен так писал о Юань Шикае и его намерениях: "Ныне народ уже давно лишился покоя, а злодей раздает награды своим приспешникам, торжественно отмечая "установление великого мира". Он уверен, что путь к престолу для него расчищен, что никто в Поднебесной не помешает ему воссесть на трон. И вот незаконно захватив пост постоянного президента Республики, он приносит жертвы Небу и Конфуцию. Теперь уже каждому ясно, что он мечтает об императорском венце, что он рвется в диктаторы" [36]. Намерениям Юань Шикая не суждено было сбыться, Сунь Ятсен же остался в истории как личность, посвятившая свою жизнь служению Родине, не изменившая своим идеалам. Сунь Ятсена "сотни неудач не заставили свернуть с избранного пути" [37].

В Иране, где в начале XX века еще не сформировался класс буржуазии, не существовало политических партий, которые отражали бы интересы этого класса. Пестрая картина участников буржуазной революции 1905–1911 годов в Иране – купечество, городская беднота, крестьянство, либерально настроенные представители класса феодалов и духовенства – отражает аморфность социальных структур иранского общества и объясняет вялотекущий характер политических событий этих лет. Следует отметить и традиционный характер форм массовых выступлений – крестьянские бунты, бесты в городах (проведение массовых молений в знак протеста), стихийные вооруженные восстания в провинциях Азербайджан и Гилян, на характер которых большое влияние оказало соседство с революционной Россией. Так, русские представители в Иране в своих донесениях в Россию отмечали, что крестьяне "отказываются платить налоги, собираются толпами, производят беспорядки и разрушают усадьбу гилянского правителя", "не желают платить налогов и убегают из поместий" [38]. Управляющий русским консульством в Гиляне доносил 29 апреля 1907 года: "Начиная с 21 апреля положение дел в Гиляне приняло весьма острую форму. В Решт и Энзели продолжали стекаться окрестные крестьяне. Навстречу им выходили

манифестанты и возвращались в город с красными флагами, пением революционных песен. Базары были закрыты” [39]. Такого рода выступления проходили и в других провинциях Ирана. Так, русский консул в Кермане сообщал, что некий Рифат Низам, прибыв в Нармашир, призывал крестьян к борьбе с помещиками, объявил свободными рабов и невольников и начал создавать вооруженные отряды из крестьян и рабов” [40]. Обратим внимание на упоминаемых здесь рабов. Вероятно, речь идет о тех, кто либо находился в долговом рабстве, или же это люди, захваченные в плен во время набегов кочевников и затем проданные в рабство. Волнения в период революции охватили и те районы Ирана, которые были населены кочевыми племенами — кочевники восставали против своих ханов.

Рабочий класс в Иране еще не сложился. В 1906 — 1908 гг. проходили забастовки грузчиков, лодочников, телеграфистов (их в Иране насчитывалось 1600 человек), бастовали служащие почты и таможен, наборщики типографии в Тегеране (их было 5 — 6 человек), ночные сторожа базара, полицейские, служащие министерства иностранных дел, юстиции, чины департамента вакуфов (имущества и земельной собственности духовенства), имели место волнения ковроткачей [41].

Важнейшая особенность иранской революции — ее антиимпериалистическая направленность. Англия и Россия господствовали в Иране и в ходе революции применялись разные формы борьбы. Так, духовенство проповедовало поощрение отечественной промышленности и отказ от употребления иностранных товаров. Частыми были случаи, когда не пропускали на дорогах грузы с иностранными товарами, прекращалась торговля в городах, проводился бойкот иностранных товаров и компаний, происходили волнения на иностранных предприятиях. Летом и осенью 1907 года в Хузистане прошли волнения на нефтеразработках компании д’Арси [42].

Буржуазно — демократический характер носило восстание в Тебризе 1908 — 1909 гг. Революционный комитет Тебриза провозгласил свободу и конституцию не только для Азербайджана, но и для всего Ирана. Восставшие требовали положить конец злоупотреблениям со стороны шахских властей, отменить поборы помещиков с крестьян, предлагали открыть фабрики, больницы и богадельни, строить дороги, благоустраивать города и деревни, ввести правильные гири для весов на базарах [43]. Восстание в Тебризе получило военную помощь от революционеров Закавказья России. Тебризское восстание возглавили Багир — хан, каменщик — строитель, а также Саттар — хан, неграмотный крестьянин, не умевший ни на одном языке (азербайджанском или персидском) ни читать, ни писать [44].

Восстание в Тебризе было подавлено шахскими войсками, конницей бахтиарских племен. Непосредственное участие в подавлении восстания приняла Россия, получившая одобрение Англии. Министр иностранных дел Великобритании Э.Грей телеграфировал английскому послу в Петербург: "Любые действия русского правительства для защиты иностранцев будут приняты нами с сердечным одобрением" [45].

Буржуазная революция в Иране 1905 – 1911 годов закончилась отстранением от престола шаха – реакционера Мухаммеда Али в 1909 году и введением конституции, провозгласившей некоторые буржуазные свободы и учреждением парламента (меджлиса). Но остались неизменными полукOLONиальный, полуфеодальный, традиционный характер иранского общества.

Еще более ограниченными оказались результаты младотурецкой незавершенной буржуазной революции 1908 – 1909 гг. Объединение младотурок в партию "Единение и прогресс" в начале XX века способствовало распространению в стране идеи о необходимости свержения кровавого режима султана Абдул – Хамида II. Эта идея объединила представителей зарождающегося класса буржуазии, интеллигенцию, студентов, военнослужащих. В 1908 году на территории Македонии, где действовали партизанские отряды, началось восстание против турецкого султана.

Восставшие требовали восстановить в Османской империи парламент и Конституцию 1876 года. В июле 1908 года Абдул – Хамид II согласился выполнить требование революционеров. Парламент и Конституция были восстановлены, младотурки получили места в парламенте, но радикальных перемен в турецком обществе не произошло. Внутренняя и внешняя политика младотурок, их стремление сохранить целостность Османской империи, уже распавшейся фактически на части, привели к потере авторитета и влияния в стране младотурецкого правительства.

В колониальной Индии события "эпохи пробуждения Азии" знаменовались активным участием класса индийской буржуазии в массовых выступлениях 1905 – 1908 гг. Индийский Национальный Конгресс, политическая партия индийской буржуазии, сформулировал цели движения – свадеши (свое производство), сварадж (своя власть), национальный бойкот и национальное образование. Два последних требования означали бойкотирование английских товаров и английских властей, борьба за создание условий для получения образования индийской молодежью.

Важную роль в движении играл лидер левого крыла ИНК Бал Гангадхар Тилак (1856 – 1920), маратх по национальности, брахман по касте, видный философ и просветитель. Тилак и его сторонники представляли средние слои города. Тилак пришел к выводу о неизбежности полного изгнания англичан из Индии и необходимости создания Индийской республики. Идеи Тилака носили радикальный характер и левых в ИНК называли “крайними”. “Крайние” считали, что своей цели они могут добиться только при опоре на массы. Под влиянием русской революции 1905 г. “крайние” разработали систему методов борьбы – митинги, демонстрации, бойкот английских товаров и учреждений, прекращение вообще всякого сотрудничества с властями, организация забастовок рабочих и служащих.

В руках англичан находились власть, армия, полиция, английские колонизаторы проводили известную политику “разделяй и властвуй”, создавая иллюзию уступок по отношению к индийской буржуазии. Все это привело к расколу буржуазно – национального движения в Индии, к аресту Б. Г. Тилака, к подавлению национально – освободительного движения и к сохранению колониального режима в Индии.

В исторической литературе мы можем найти яркие характеристики личности Тилака. Английские власти арестовали Тилака за антианглийскую деятельность и в июле 1908 года организовали суд над ним в Бомбее. Русский консул в Бомбее А. А. Гейкинг в своем донесении в Петербург от 22 июля (4 августа) 1908 года описывает судебный процесс над Тилаком и отклики на него в Индии [46]. Он пишет: “На суде Тилак не пользовался услугами адвоката, защищался сам и произнес продлившуюся 5 дней речь, в которой он часто забывал, что защищается, а вместо того направил страстные обвинения против существующего в Индии строя и угодил судье и присяжным разными инсинуациями, не могущими принести ему пользу” [47]. После объявления ему приговора об осуждении к 6 годам каторги и к уплате 1000 рупий, Тилак воскликнул: “Высшая власть правит над участью людей и наций, и может быть, что для моего дела мое страдание будет более благоприятно, чем была бы моя свобода” [48]. А. А. Гейкинг, присутствовавший на суде, отмечает “решимость и неустрашимость” Тилака. “Он из себя представляет интересный тип ярого революционера... Он действительно производит впечатление человека крайнего направления, и не удивительно, что англичане боятся оказываемого им влияния” [49].

Осуждение Тилака вызвало протесты и беспорядки по всей

Индии. Так, на собрании, состоявшемся в Калькутте, один из участников его воскликнул: "Пусть сошлют Тилака, на его место встанут сто Тилаков. Народ проснулся, и никто уже не может подавить национальную жизнь Индии" [50]. Газеты были наполнены статьями в защиту Тилака, закрывались лавки, объявлена была национальная стачка, происходили публичные беспорядки в разных городах Индии. В Бомбее, который был промышленным центром, "весь люд перестал работать. Заводы остановили свое производство, базары прекратили торговлю и большие массы празднующегося народа стали выбивать окна европейских домов, разрушать газовое освещение и нападать на прохожих европейцев... Полиция скоро не оказалась в силах держать толпу в покорности и войска были вызваны со включением артиллерии. Толпа приняла их градом камней и после бесполезных увещеваний началась стрельба. Беспорядки продлились почти две недели и за это время было убито без малого двести индусов" [51]. Русский консул отмечает, что за время беспорядков ни у одного индуса не оказалось "огнестрельного оружия, ни бомб; их агрессивность ограничилась швырянием камней и разорением имущества" [52].

В приведенных выше свидетельствах мы находим подтверждение решимости представителей национальной буржуазии бороться за свои права. Вместе с тем, очевидны стихийный, неорганизованный характер выступлений, а главное бессилие индийцев перед властью и военной силой английских колонизаторов.

Известно, что события в странах Азии в начале XX века произошли под влиянием русской революции 1905 – 1907 гг. Мы не останавливаемся подробно на этой проблеме, так как она достаточно хорошо освещена в учебной и специальной исторической литературе [53]. Считаем только необходимым предостеречь учителя истории от механического перенесения анализа расстановки политических и классовых сил периода русской революции на события в странах Востока. На предыдущих страницах мы постарались показать специфику исторических процессов в странах Азии на рубеже XIX – XX веков. Только учитывая это своеобразие можно понять особенности революционного, национально – освободительного движения на Востоке. Буржуазные революции в Китае, Иране, Османской империи, буржуазно – национальное движение в Индии не смогли ликвидировать феодальные пережитки в этих странах, их колониальную, полуколониальную зависимость, создать условия для быстрого развития капитализма. Потребовались новые усилия, которые

были предприняты народами этих стран в последующие десятилетия, уже в период новейшей истории, когда под влиянием изменившейся расстановки международных отношений, произошли глубокие перемены в социально – экономическом и политическом развитии этих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новая история. 1871 – 1917. Учебник для 10 класса средней школы / Под ред. *Кривогуза И. М. М.*, 1989; *Нарочницкий А. Л., Аверьянов А. П., Кертман Л. Е.* Новая история. 1640 – 1870. Учебник для 9 класса. М., 1991; *Сороко–Цюпа О. С., Смирнов В. П., Посконин В. С.* Мир в начале XX века. 1898 – 1918. Материалы к курсу "Новая история" для 10 класса. М., 1992.
2. *Аверьянов А. П., Грибов В. С., Козленко С. И.* Методическое пособие по новой истории. 10 класс. 1871 – 1917. М., 1989.
3. Например, см.: *Степанова Н. В., Горошко Г. Б.* Страны Востока в эпоху пробуждения Азии. М., 1986.
4. Вслед за Н. И. Конрадом мы вкладываем в понятие "Восток" историко – географическое содержание, стремясь тем самым обратить внимание учителя не только на географическое расположение этих стран, но и на специфику развития восточных обществ (См. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. Статьи. М., 1966. С. 108).
5. *Фурсов А. И.* Развитие азиатских обществ в XVII – начале XIX вв. Современные западные теории. М., 1990. С. 17.
6. *Илюшечкин В. П.* О происхождении и эволюции понятия "феодализм" // *Народы Азии и Африки*, 1987. № 6. С. 72 – 85.
7. См. *Непомнин О. Е.* Социально – экономическая история Китая. 1894 – 1914. М., 1980. С. 13 – 15.
8. Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 157.
9. Там же. С. 159 – 160.
10. *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 114 – 115.
11. *Данциг Б. М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965. С. 246.
12. Новая история Индии / Отв. ред. *Антонова К. А. М.*, 1961. С. 497.
13. Там же. С. 506.
14. Там же. С. 499.
15. Там же. С. 500.
16. *Фань Вэньлань.* Новая история Китая. М., 1955. С. 419.
17. Там же. С. 420.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же. С. 422.
21. Там же.
22. Там же. С. 574.

23. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Ук. соч. С. 116.
24. Нарочницкий А. Л., Аверьянов А. П., Кертман Л. Е. Новая история. Учебник для 9 класса. М., 1991. С. 222.
25. Сороко-Цюпа О. С. и др. Мир в начале XX века. М., 1992. С. 50.
26. Там же.
27. Непомнин О. Е. Ук. соч. С. 183, 186.
28. Новая история Индии. С. 512.
29. Там же. С. 513.
30. Новая история. 1871 – 1917. Учебник для 10 класса / Под ред. Кривогуза И. М. М., 1989. С. 137.
31. Ермашев И. Сунь Ятсен. М., 1964. С. 24.
32. Синьхайская революция. 1911 – 1913. Сборник документов и материалов. М., 1968. С. 37.
33. Там же. С. 64.
34. Там же. С. 137 – 139.
35. Там же. С. 213 – 214.
36. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985. С. 138.
37. Там же. С. 145.
38. Новая история Ирана. Хрестоматия. С. 178.
39. Там же.
40. Там же. С. 181.
41. Там же. С. 198 – 201.
42. Там же. С. 203 – 208.
43. Там же. С. 229.
44. Там же. С. 230 – 231.
45. Цит. по: Новая история Ирана. Хрестоматия. С. 237; О Саттар – хане см. также: Белова Н. К. Саттар – хан – герой Иранской революции 1905 – 1911 гг. Сб. "Иран. История и современность". М., 1983. С. 28 – 41.
46. Российские путешественники в Индии XIX – нач. XX вв. Документы и материалы. М., 1990. С. 270 – 274.
47. Там же. С. 271.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же. С. 273.
51. Там же.
52. Там же.
53. Например, см.: Комаров Э. Н. Революция 1905 – 1907 гг. в России и национально – освободительное движение в Индии // Народы Азии и Африки. 1983 № 4. С. 48 – 57; Райков А. В. Национально – революционные организации Индии в борьбе за свободу. М., 1979. С. 22 – 26; Чапкевич Е. И. Большевики и буржуазные революции в Азии начала XX века. М., 1985.

О. Ю. Пленков

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ И ДИНАМИКИ

Если в древней истории Шпенглер насчитывал 8 цивилизаций, а Тойнби в истории всего человечества – 34, то в отношении индустриальной цивилизации XX века наша задача несравненно проще, ибо в этом столетии с развитием общения различных национальных культур возникла единая система индустриальной цивилизации, в отношении которой вслед за Тойнби можно констатировать: "ни одна нация, ни одно европейское государство не имеет такой истории, которая постигаема из нее самой".

В современной цивилизации можно выделить западную, православную, мусульманскую, индуистскую и дальневосточную культуры, которые, несмотря на интеграционные процессы и развитие общения, продолжают существовать и сохраняют некоторые оригинальные черты, проявляющиеся порой в самых неожиданных ситуациях. Образ жизни, мировоззрение, ценности, достижения со временем становятся неотъемлемой частью общечеловеческого опыта.

Центральное положение в индустриальной цивилизации XX века занимает, бесспорно, европейская культура, европейские науки, европейская техника, европейские методы управления – все это именно в XX веке вышло за пределы Европы и завоевало весь мир. История Европы в этом отношении является фундаментом истории цивилизации XX века, пусть даже и не все европейские идеи и новации всегда были хороши. Именно благодаря Европе возникло глобальное историческое пространство. Европа или выходцы из Европы сформировали его основы и структуры. Приоритет Европы в этом отношении является даже дискуссионным. Воздействие европейской культуры было столь велико, что Арнольд Гелен, кажется, с полным правом констатировал, что человечество знало два великих перехода: это переход от охотничьего образа жизни к оседлости и современный переход к индустриальному обществу [1]. Распространение европейской культуры в XX веке привело к невиданному ранее феномену единой общеземной цивилизации, которой присущ невероятный плюрализм и готовность ассимилировать все, что угодно.

Й. Хойзинга писал, что сущность современной цивилизации такова, что все, что постигнет ее дух, становится частью ее самой [2].

Кажется существенным рассмотренное немецким ученым Фердинандом Теннисом обстоятельство, что наше обычное деление европейской истории на античность, средние века, новое время является ошибочным, ибо смешивает две культуры, два типа преемственности. Античность — это завершенная культура, а средние века, новое время и новейшая история — это периоды развивающейся, незавершенной культуры. Между античностью и средними веками есть преемственность как между двумя смежными цивилизациями, а между средними веками, новой и новейшей историей — преемственность как между отдельными периодами одной и той же цивилизации.

Вместе с тем, следует отметить, что наша цивилизация отделяется от прошлых времен не только круглой цифрой XX. В начале XX века ход исторического развития решительно и внезапно переменился. Суть этих перемен состояла в том, что за какие — нибудь несколько десятилетий завершился продолжавшийся много тысяч лет период медленного развития человечества и наступила новая динамичная пора. Джон Л. Пауэлл сравнивал 50 тысяч лет человеческой истории с 50 годами жизни человека и получилось, что лишь 10 лет назад человек переселился из пещеры в деревянное жилище, 5 лет назад овладел грамотой, 2,5 года назад познакомился с законами логики и механики, полгода назад познакомился с книгопечатанием и узнал, что Земля — шар, 2 месяца назад изобрел паровую машину, электричество, 3 недели назад построил самолет, изобрел радио, на прошлой неделе изобрел телевизор, компьютер и атомный реактор, 3 дня назад облетел вокруг Земли, а вчера побывал на Луне. При нынешних темпах роста знания объем информации к моменту, когда родившийся сегодня ребенок, окончит институт, возрастет четырехкратно, а когда этому ребенку исполнится 50 лет, увеличится в 32 раза и 97% всех человеческих знаний будет получена уже после его рождения [3].

Если промышленная революция 50–70-х годов XX века была связана с переплывом рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, то XX веку более характерна модернизация, то есть процесс связанный с урбанизацией, резким темпом снижения рождаемости и смертности, созданием эффективной бюрократической машины управления и образования. В результате индустриализации и модернизации было создано общество большого богатства и сложности. Мотором индустриального общества является технически прогресс, то есть повышение производительности труда. Этот технический прогресс влияет на процесс “творческого разрушения”

(И. Шумпетер), который постоянно разрушает экономическую и общественную структуру, но перманентно ее и возобновляет. Технический прогресс охватывает все сферы производства: промышленность, сельское хозяйство, сферу обслуживания. Хосе Ортега — и — Гассет указывал, что отличительными признаками современной цивилизации с XIX в., являются технический прогресс и либеральная демократия. Научный прогресс лежит в основе развития только современной европейской техники. Именно наука определяет лицо индустриальной цивилизации, является гарантией технического прогресса. Все другие виды технического прогресса, известные истории, — месопотамский, греческий, римский, египетский — в определенный момент достигали такой степени развития, которую ему не удалось перешагнуть, и они вынуждены были отступить [4].

XX век отделяется от предшествующих эпох еще и тем, что никогда в прошлые времена на земле не возделывалось столько полей, не было таких обильных и равномерных урожаев, пища людей никогда не была так обильна и разнообразна, приспособлена к особенностям климату и рода занятий. Здоровье людей в XX веке становилось все лучше, а жизнь продолжительней. Человек в XX веке достиг новой ступени знания, а человечество никогда не знало так хорошо собственной истории как в XX веке. Люди знают теперь о таких культурах, само существование которых было забыто в древности.

Нет больших несправедливостей, чем те, что говорят обыкновенно досужие критики техники — современная техника не подавляет и поработывает, а освобождает, облагораживает, перевоспитывает. Компьютеры, спутники, телефон, связь, телефаксы не угнетают человека, а наделяют его властью и новыми возможностями. Кроме того, техника заставляет нас действовать сообща, объединяет: общая канализация, водоснабжение, центральное отопление, транспорт, единое энергоснабжение, связь объединяют нас не только как потребителей, но и побуждают к строгой ответственности и согласованности действий. Техника создает условия для социальных улучшений, ибо электроснабжение, газ, связь, общественный транспорт возможны и рентабельны только как организация благ для всех, а не только для избранных. Превосходство электрической лампы над керосиновой и газовой, привыкание к телефону, автомобилю и компьютеру, гордые перспективы завоевания космоса — все это способствовало распространению убеждения в возвышенном превосходстве над предшествующими эпохами — неловкими и скудными. Великолепные достижения медицины — применение наркоза, антисептиков, успехи эпидемиологии, успешная борьба против детских болезней — указывали человечеству дорогу к триумфу над смертью и болью. В XX веке

началось истинное распространение вширь грамотности.

Важнейший системный признак индустриальной цивилизации XX века – ее плюрализм, который резко отделяет ее от прошлых эпох. Индустриальная цивилизация с готовностью впитывает многое из того, что возникло помимо нее, она готова на многие уступки ради возможности интеграции ранее неведомых феноменов.

В процесс эволюции современной цивилизации на первый план выдвинулось научное знание, ставшее едва ли не самым существенным, феноменом современной цивилизации. Первым этот феномен связанным описал Олвин Тоффлер в книге, "Смещения власти : знание, богатство и принуждение на пороге XXI века" (русский перевод – 1991 г.). По Тоффлеру, если сила способна лишь на грубое принуждение низшего качества, власть среднего качества основана на богатстве и имеет как негативные, так и позитивные средства принуждения и стимулирования. Высший же эффект придают власти знания. "Именно знания, – писал Тоффлер, – дали начало новой экономической системе, основанной на использовании информационной технологии "третьей волны", на переходе от массового производства к массовому потреблению, к децентрализации и разукрепленным формам организации" [5]. В современном обществе истинную власть дает информация, играющая "революционную роль в социальной жизни, изменяя все её области – от экономики до культуры, смешивая властные структуры" [6]. Тоффлер резонно указывал, что даже демократичность общества зависит от его информированности.

Политическая культура и её значение в индустриальной цивилизации XX века

XX век иногда называют вслед за Х. Ортегой – и – Гассетом "веком масс". Действительно, на рубеже веков начался процесс постепенного расширения участия все более значительного числа людей в политике. В некоторых странах прорыв широких масс к политике произошел обвалью в результате революций (Германия, Россия), в иных вследствие расширения политической демократии (Англия, США). Результат же этого массового прорыва к власти был в ряде случаев абсолютно теоретически неожиданным и выразился в совершенно ранее неизведанной форме тирании – тоталитарном государстве. Важно отметить, что тоталитаризм стал возможен лишь при условии относительно полной демократизации общества. От старых авторитарных режимов, выделявшихся также значительной степенью несвободы, тоталитаризм отличался, во – первых, созданием единой и

обязательной для всех идеологии, во — вторых, однопартийной системой, в — третьих, опорой не на традиционные силы порядка, а на особым образом организованную массовую партию.

Возникновение тоталитаризма разделило цивилизацию XX века на две симметричные, но совершенно противоположные друг другу части — воспринявшую и исповедовавшую демократию, либерализм, парламентаризм и отказавшуюся от них в пользу своеобразно понимаемой свободы, равенства, братства. Это разделение индустриальной цивилизации произошло вследствие политической культуры, которая до XX века не имела какого — либо влияния из — за узости правящих элит и отсутствия воздействия на них извне. Политическая культура является суммой отношений граждан к политической системе государства, субъективным измерением общественных основ политической системы. Ещё Платон и Аристотель обратили внимание на то, что народы, действовавшие в рамках одинаковых политических систем, но воспитанные на разных ценностях и имевшие различную традицию, воспринимали одинаковые исторические события по — разному и по — разному вели себя в одинаковых ситуациях. Но вилотную определением границ понятия “политическая культура” и его значением историки и социологи занялись в ходе дискуссии о крахе Веймарской республики и утверждении нацизма. В ходе этой дискуссии общественные науки были целиком поглощены феноменом краха демократических институтов в Германии и их очевидной способностью к сопротивлению в Англии и США. На этом противопоставлении и возникло исследование политической культуры.

В обыденном использовании понятие “политическая культура” часто носит характер ценностного суждения, используя его, хотят указать на высокоразвитую демократическую традицию, высокое чувство политической ответственности граждан или блестяще функционирующую парламентскую систему с твердой разделением властей. Это неверный подход, гораздо целесообразнее обозначать термином “политическая культура” просто наличное состояние общества на данном этапе развития, в том смысле, в котором употребляют слово “культура” археологи, не прибегая к ценностным (идеологическим) суждениям, чтобы можно было говорить о политической культуре стран тропической Африки или немецкой политической культуре.

Неизбежно встает вопрос, а возможна ли типология политических режимов на основании различных параметров политической культуры? Вероятно возможна, но для нас существенно одно деление: а) политические культуры, соответствующие

гражданскому обществу и б) политические культуры, ему не соответствующие. Чрезвычайно важно помнить, что ценностные суждения неуместны в этом разделении, так как нельзя считать политическую культуру менее "ценной" потому, что она мало соответствует гражданскому обществу и, наоборот, ибо, с одной стороны, политическая культура большей частью формируется помимо человеческой воли, а, с другой стороны, будущее отдельных политических культур не может быть предопределено соответствием её сегодняшним ценностным суждениям людей.

В самом деле, архаическая политическая культура Японии сделалась основанием для построения одного из самых преуспевающих и динамичных обществ современности. Иными словами, те качества политической культуры, которые кажутся архаичными со временем могут обернуться другими своими сторонами, прогнозирование которых невозможно, а могут и не обернуться. Значение политической культуры для истории весьма тонко сформулировал русский философ И. А. Ильин: "У других народов был издревне другой склад: свой особый у иудеев, греков, римлян, галлов, англичан. У них другая вера, другая кровь в жилах, другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки, никто. А достоинства нам даны и заданы — свои собственные. И когда мы сможем преодолеть свои национальные недостатки — совестью, молитвой, трудом и воспитанием, тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять" [7].

В прошлые времена политическая культура не играла столь существенной роли как в XX веке по той причине, что отсутствовала широкая политическая ангажированность масс и лишь с вступлением на политическую арену значительных демократических сил ситуация резко изменилась, возникла возможность простой проекции политической культуры на политическую действительность. Точно также как для политики наиболее существенное значение имеет политическая культура, так и для развития экономики — трудовая мораль, организованность, дисциплина, аккуратность, трудолюбие.

Важно иметь в виду, что политическая культура проявляется и в том случае, если люди стремятся осознанно ей противостоять, ибо процесс замены ценностей чрезвычайно запутан и сложен, а может быть вообще невозможен. К примеру, большевики пытались после 1917 г. насадить доктрину западную по своему происхождению и характеру, однако, этот эксперимент обернулся самым последовательным утверждением качественно ещё более высокой степени традиционного российского авторитаризма — тоталитаризмом.

По значению политической культуре близки понятия национального характера и менталитета – различия между ними провести довольно сложно. Часто национальный характер представляет собой довольно привлекательный объект анализа, правда и очень рискованный, поскольку характеристики народа даются довольно легко, но в глазах самих представителей народа, о котором идет речь, выглядят легковесно. Все же, на определенном уровне обобщения национальные характеристики могут кое – что объяснить, указать, что не все возможно, что в принципе может произойти.

Асинхронность развития современной цивилизации

К 1900 году мир был весьма близок к политическому, культурному, экономическому единству, почти все части его находились в тесном контакте, весь мир был подчинен державам Запада или прозападной ориентации. Этот единый мир развалился после Первой мировой войны, распались пять основных мировых династий – Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, Манчжурская, Оттоманская – начался упадок демократической морали и престижа, подъем фашистских диктатур, ошеломляющее действие имели новые интеллектуальные концепции Бора, Фрейда, де Бройля, Шредингера.

Невооруженным взглядом видно, что с начала XX века с массовой демократизацией произошло одновременно разделение мира на демократические и авторитарные системы, в 1917 году мир распался. Позднее, в межвоенный период, это разделение переросло в противостояние тоталитаризма и демократии, а после Второй мировой войны имело место разделение на социалистический и капиталистический лагеря. Совершенно неверно воспринимать тоталитарные Германию, Италию, Советский Союз как абсолютно чуждые Европе режимы. Социализм в СССР, национал – социализм в Германии и фашизм в Италии были продуктами, следствием одного из вариантов общественно – политического развития Европы в новое и новейшее время. Резкая конфронтация систем начала распадаться после 1985 года, но различия продолжают иметь место и, вероятно, еще долго сохранятся, ибо они являются следствием долговременных политических факторов, традиции, культуры, национального характера и в одночасье не могут быть ликвидированы, а может быть вообще никогда не исчезнут.

Под "асинхронностью" развития современной цивилизации подразумевается целый ряд феноменов, противоположных по характеру западному индустриальному обществу. Таковые феномены отклоняющегося развития следующие:

- феномен европейского тоталитаризма и латиноамериканского авторитаризма;
- феномен социально – экономической слабости, являющейся не стадией, а функцией развития;
- феномен несовпадения основных духовных и политических импульсов современного индустриального общества.

Причем, если в первой половине XX века демократия в мире находилась в глубокой обороне (ограничивалась англосаксонским миром и севером Европы), то вторая половина XX века определялась апокалиптическими картинами прошедших и будущих войн, ставших могучим толчком к тому, чтобы избежать великих заблуждений мышления и деятельности, которые определяли историю первой половины XX века. Этот поворот Европы к реальному пониманию политических свобод, человеческому достоинству, моральным ценностям демократии воистину доминировал и доминирует во второй половине XX века.

Важно иметь в виду, что асинхронность развития – это относительно недавний феномен: мир стал делиться на небольшую группу богатых и малонаселенных стран с высоким уровнем доходов и подавляющее большинство густонаселенных стран с относительно низким доходом лишь в XX веке. Около 1900 года доход на душу населения составлял в странах "третьего мира" 1/6 от показателей промышленно развитых стран, а в 1970 г. – 1/30 и продолжает увеличиваться. Население в странах "третьего мира" растет на 2,19% ежегодно, в Европе такого не было даже в XIX веке. Неправильно, что беды "третьего мира" связаны лишь с перенаселением – в Латинской Америке живет 6% населения Земли, а обрабатываемая земля составляет 17%. Неверно и то, что эти беды связаны с нехваткой капиталов – на деле в той же Латинской Америке реальные экономические излишки составляют более половины национального продукта. Однако эти излишки тратятся не на экономическое развитие в интересах страны, а для покупки предметов роскоши, недвижимости, переводятся в виде прибылей за границу. В условиях периферийного капитализма действие рыночных факторов изменяется: в расчет принимается спрос на рынке, а не действительные нужды народа: система рынка находится в равновесии, а множество людей голодает, капитал используется непроизводительно. Отсюда и другие проблемы: шаткие позиции демократии в Латинской Америке объясняются отсутствием равенства в экономических и общественных отношениях. Резкие противоречия между бедными и богатыми, серьезные различия между условиями грозят новыми политическими кризисами, которые могут привести либо к анархии, либо к деспотии. Лишь растущее

благополучие может привести к успокоению политической жизни и ее стабилизации.

Проблема асинхронности развития в современной индустриальной цивилизации может быть сведена (особенно это относится ко второй половине XX века) к запоздалым раздражательным рефлексам Востока по отношению к тому, что исходит от Запада:

- в политической сфере: демократия, права человека, парламентаризм, самоуправление;
- в экономической сфере: рыночное хозяйство, ставка на экономический рост, интенсификацию труда, высокие технологии;
- в социальной сфере: значительные и обширные гарантии трудящимся по безработице, по старости, при утере трудоспособности;
- в культурной сфере: рок – музыка, современный дизайн, мода, западные стандарты жизни.

Периоды политической истории индустриальной цивилизации

Довольно логично политическая история индустриальной цивилизации укладывается в следующую схему, которую, впрочем, не стоит принимать слишком всерьез:

- Первая мировая война.
- Межвоенный период.
- Вторая мировая война.
- Холодная война.
- Государство "всеобщего благоденствия".
- "Неоконсервативная волна".

Индустриальная цивилизация начинается мировой войной, и большевистской революцией, которые означали конец рационального и либерального XIX века. Война изменила все, она создала новые системы и структуры, новые проблемы и конфликты, высвободила новые энергии и страсти, которых до сих пор не знала история: возникла массовая демократия, современная и невиданная ранее форма национализма, империализма как реакция на внутренние проблемы, напряженность и конфликты. Политические институты оказались серьезно поколеблены в процессе утверждения народного суверенитета, особенно серьезно на них воздействовали разного рода социалистические партии.

Первая мировая война – это наивысшая точка и поворот, завершение важнейших тенденций XIX века. Апогей противоречий и исход первой мировой войны обозначают глубокий перелом, разрыв с прошлым, выразившийся в крупнейших антагонистических движениях XX века – коммунизме, социализме, нацизме, демократии.

Война завершилась не только разрушением устоев старого общества в побежденных странах, но и крушением всего старого европейского порядка, "закатом" Европы, по выражению О. Шпенглера.

В конце XX века стало ясно, что империализм, приведший к мировым войнам, был не столько продуктом развития капитализма, а в большей мере атавизмом. Империализм восходил к ценностям добуржуазной эпохи и доиндустриальных политических систем. Первая мировая война была первым общим переживанием человечества, как справедливо отмечал Макс Шелер, и это переживание знаменовалось всеобщей ненавистью, которая была направлена против немцев. Это обстоятельство имело весьма обширные последствия, ибо и во Второй мировой войне немцы оказались в центре внимания.

Главным уроком и Первой и Второй мировых войн было то, что Германия была слишком сильна для того, чтобы вписаться в европейское равновесие держав и слишком слаба, чтобы покорить Европу [8]. В целом немцы больше выигрывали сражений, но проиграли обе войны, ибо как Первая, так и Вторая мировые войны не были войнами полководческого умения, как войны прошлого, давшие целую плеяду военных гениев и известных полководцев, а скорее битвами материальных и людских ресурсов, большими мясорубками, а в этом отношении немцы совершенно отставали от своих противников. В части же боевой морали, боевой подготовки, военной дисциплины и организации немцы далеко превосходили своих противников, особенно в Первую мировую войну.

Эмоциональная национализация масс, принесенная Первой мировой войной в Европу, достигла тех слоев населения, которые имели девственные отношения с национальной политикой, (крестьяне и сельскохозяйственные рабочие). Из померанских и апулийских крестьян формировались немцы и итальянцы. В атмосфере национальных страстей и социальных конфликтов они сделались восприимчивыми к национальным лозунгам и социальным обещаниям. То, что их политическая мобилизация осуществлялась под давлением воинствующего национализма и социальной поляризации оказало тяжелое давление на молодые и нестабильные парламентские демократии, возникшие в Европе после окончания Первой мировой войны.

Два межвоенных десятилетия можно рассматривать как продолжающийся всемирный кризис. Именно краткость промежутков времени является отличительной особенностью этого периода в сравнении с долгим периодом растущего благосостояния и политической стабильности перед Первой мировой войной и тремя десятилетиями экономического роста и политической процветания после 1945 года.

После 1918 года мимолетность становление демократии во многих европейских странах быстро сменилась установлением фашистских, военно – монархических, бюрократических, авторитарных режимов и клик. К концу 1930 – х годов гражданское общество сохранялось лишь в 10 странах Европы (3 республики и 7 монархий), а на остальной части Европы раскинулось обширное автократическое пространство, в которое входило 17 стран.

Невзирая на политическое устройство, от ответственности за Вторую мировую войну не может быть освобождено ни одно государство: политика "умиротворения" англичан и французов, эгоизм восточноевропейских стран, высокомерие польских политиков, постыдное поведение СССР, жестокий экономический курс США на Дальнем Востоке... Это, конечно, не меняет сознания того, что гитлеровский режим несет бóльшую часть ответственности за войну и ее последствия.

В самой войне наиболее примечательным с точки зрения политической истории являются необычайно высокая степень идеологизации, "тотальная" война, практика массовых уничтожений людей, высокая степень мобилизация общества и готовность к весьма большим жертвам.

Главным итогом Второй мировой войны было "исчезновение – Европы" (в имперском смысле), Европа была поделена между СССР и США. Хотя на поверку оказалось, что очередной "закат" Европы оказался ее победой – вместе с мнимым "закатом" Европы закатился в скором времени и век имперской политики, наступали другие времена.

Примечательной особенностью холодной войны было то, что она породила немыслимую ранее консолидацию Запада вокруг демократических ценностей и, что особенно важно, на фоне упадка тоталитаризма с его постоянно снижающимся уровнем жизни, политической унификацией. Важной особенностью этого периода была также ведущая роль в политике внешнеполитических факторов, связанных с мнимой или действительной "советской угрозой".

Со смертью Сталина холодная война в наиболее уродливых своих формах прекращается и начинается переходный период, внутри которого разрядка чередуется с моментами высокою накала (особенно Карибский кризис, "Пражская весна").

Два последних периода политической истории индустриальной цивилизации связаны преимущественно не с политическими обстоятельствами, а с социальной эволюцией современного общества.

Направления социального развития современной цивилизации

Если до 1945 года в процессе легитимации государства определяющую роль играла сфера имперской политики и интересов национального государства, то после 1945 года их место прочно занял социальный вопрос, социальная политика. Дело в том, что нормально функционирующая демократия не требует 99,9% участия в выборах, ей не нужна перманентная политизация всего населения — наоборот, и то и другое показывают, что свободе существует угроза, если не ее полное устранение тоталитарной утопией. А в преимущественно аполитичном обществе общественные добродетели выражаются не в политической сфере, а в семье, воспитании детей, на улице, на спортивной площадке.

Таким образом, центр тяжести жизни переместился в социальную сферу, которая включает в себя все, кроме политики, экономики и мировоззренческих вопросов. Если в первой половине XX века социальный вопрос поднимался только в негативном плане, то после 1945 года начался победный марш общества "всеобщего благоденствия". После Второй мировой войны все более распространялось убеждение, что система социального обеспечения принадлежит к основным правам человека. Разумеется, это зависело от богатства общества, но оно росло очень быстро. С конца 50-х годов люди стали жить так хорошо, как никогда раньше: свой дом, автомобиль, телевизор, холодильник, пылесос, магнитофон стали обыденностью. В конечном счете, рост доходов и жизненного уровня стали непреодолимым препятствием на пути возникновения революционного классового сознания в широких массах. Ю. Хабермас указывал, что высокий уровень жизни привел к тому, что интерес к эмансипации общества не может больше выражаться непосредственно в экономических понятиях, отчуждение потеряло свое наглядное выражение" [9].

Революция уже не может быть общественно значимой целью, средством мобилизации. Поэтому классовая борьба в послевоенные десятилетия постепенно превратилась в демократическую борьбу, утратив свои революционные черты: общество разделилось на молчаливое большинство, заинтересованное в поддержании стабильности политических институтов, которые гарантируют экономический рост и социальный мир и маргинальные группы без определенной мотивации. Как остатки господствующих классов, так и пролетариат перестали представлять динамичную силу общества. В 60-е годы возникло даже сомнение, можно ли рассматривать экономику и общество Запада как капиталистические. Доля социальных расходов в европейских бюджетах заняла ведущие позиции

на фоне непрекращающегося экономического роста.

Однако, в конце 70 – х годов значительные социальные перегрузки, а также некоторые структурные проблемы вызвали значительное падение экономического роста, поэтому и последовала неоконсервативная реакция. “Неоконсерватизм”, собственно, это другое название либерализма и называется он так потому, что ратует за утверждение социального рыночного хозяйства на фоне старых добрых ценностей самостоятельности человека, трудолюбия, бережливости, семьи, дисциплины, энергии у людей. Преобразования неоконсерваторов носили преимущественно моральный характер, но были очень эффективны. Благодаря их мерам с 1983 по 1991 год наблюдался непрерывный экономический подъем, действие которого ощущается до сих пор. Естественно, никто на Западе не помышлял срубить под корень социальные достижения предшествующих поколений, их лишь пытались упростить, уменьшить, менялась также социальная философия.

Традиционные социальные беды западного общества – безработица, инфляция продолжают существовать. И пока против них не могут найти эффективных рецептов. При этом рыночная система Запада существенно дополнена, удушена введением социальных гарантий, услуг, дотаций, различных форм общественного контроля. Лишь благодаря этим мерам капиталистической системе удалось выжить, она справедливо называется “социальным рыночным хозяйством” – это название наиболее полно отражает его существо. Трезвые люди на Западе говорят, что Рейган и Тэтчер заняли свои посты потому, что за риторикой о свободе предпринимательства у них не последовало почти никаких реальных дел... Это, конечно, некоторое преувеличение.

Социальные задачи капитализма еще отнюдь не выполнены. То, что Восток видит на Западе – это не есть традиционный капитализм, это ещё незавершенная социальная демократия. У Востока и Запада в принципе одна задача: изыскать такую систему, которая наилучшим образом связала бы воедино рыночную ориентацию и ориентацию на удовлетворение социальных нужд. Разница в том, что Восток и Запад идут к этой задаче с разных сторон. В этом – то и отразился постоянно нарастающий процесс интеграции современной цивилизации, несмотря на отмеченную разность политических культур, составляющих современную индустриальную цивилизацию. Подобные же интеграционные процессы наблюдаются и в сфере обыденной жизни (мода, питание, стандарты жизни, способы использования досуга), эволюция сферы искусства, состояние мировоззренческих основ современной цивилизации (они все более

унифицируются и принимают общечеловеческий характер).

Таким образом, исходя из изложенного выше, можно констатировать, что индустриальная цивилизация XX века действительно выделяется рядом институциональных черт и особенностей динамики из всей предшествующей человеческой истории и что основой этой цивилизации, её интеграционной базой стала западноевропейская традиция, постепенно распространившая своё влияние на весь мир. Впрочем, это не очень существенно, ибо, как указывал Хойзинга, всё, что познает современная цивилизация, немедленно становится её частью. Это обеспечивает современной индустриальной цивилизации и её относительное единство, и невиданный ранее плюрализм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тавризян С.* Освальд Шпенглер. Иозеф Хойзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989. С. 198.
2. Там же. С. 205.
3. Ср: *Тоффлер О.* Столкновение с будущим // Иностранная литература, 1972. № 3.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 134.
5. *Тоффлер О.* Смещение власти. М., 1991. С. 6.
6. Там же. С. 11.
7. *Ильин И.* Наши задачи // Юность, 1990. № 8. С. 68.
8. *Thamer H.* Verfuerung und Gewalt. Berlin, 1986. S. 52.
9. *Habermas J.* Zwischen Philosophie und Wissenschaft. Berlin, 1971. S. 228.

И. Е. Никандрова

У ИСТОКОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Мы - не Восток, но и не Запад,
Особый наш уклад и род,
Мы - целостный Востоко-Запад,
Мы - путники его высот.*

П. Н. Савицкий

Попытка понять закономерности мирового исторического процесса, выделить его основные направления, определить своеобразие и роль различных культурно – исторических типов в становлении человечества как единой цивилизации ставит нас перед вопросом о месте России в этой общемировой цивилизации. Мировая история может быть рассмотрена как параллельное становление двух основных типов цивилизаций. Первый (западный) возник в бассейне Средиземноморья и, пройдя ряд стадий, привел в XIX – XX вв. к возникновению так называемых современных обществ в Западной Европе и Северной Америке. Второй (восточный) отличался значительно большей стабильностью, порождает общества, основной ценностью которых являлось следование издавна установившимся традициям. К какому же типу отнести российскую цивилизацию? А, может быть, она представляет собой особый, третий тип? Эта проблема отношения России к Западу и Востоку, к Европе и Азии питала и питает так называемую русскую идею. Первый вариант русской идеи можно найти в послании псковского инок Филофея великому князю Московскому Василию, где рассуждения об исторической миссии Руси венчаются утверждением – “Москва – третий Рим”.

Таким образом, изначально русская идея зародилась с двумя ликами – один повернут на Запад, на первый Рим, павший под ударами католицизма, другой – на Восток, на второй Рим – Константинополь, захваченный турками в 1453 г. В XVIII веке идея Москвы как третьего Рима была поглощена имперской идеологией Санкт – Петербурга. И только в 40 – х годах XIX века славянофилы попытались реанимировать эту идею.

Возрождению русской идеи предшествовал открытый вызов,

брошенный в лицо общественному мнению "Философическими письмами" П. Я. Чаадаева (1828 – 1830 гг.) В частности, в первом письме Чаадаев писал: "Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим – на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы – воображение и разум и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара. Не эту роль представило нам Провидение, напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой" [1]. Письмо Чаадаева всколыхнуло русское общественное сознание, и в этой атмосфере сформировался второй вариант русской идеи. Основоположником этого варианта стало общество любителей, возникшее в 1823 г. во главе с князем В. Ф. Одоевским (члены – И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, А. С. Хомяков и др.). Центральной для них стала проблема отношения России к Европе. На этой почве и зародилась идея об особом призвании России служить звеном между Западом и Востоком, между веком минувшим и настоящим. Славянофилы сделали следующий шаг в развитии данной идеи. Начав, как и любители, с досконального и доброжелательного изучения Запада, преклонения перед ним, они завершили его беспощадной критикой с позиций нравственного идеала, якобы утерянного Западом. Начало конца Европы славянофилы связывали с ее духовным кризисом в результате торжества духа католицизма или латинства, выразившегося в преобладании формальных, материальных начал над началами духовными. Поэтому славянофилы сформулировали тезис об особом пути развития России и ее высоком предназначении. Но, увлеченные выяснением отношений с Западом, они забыли об азиатском Востоке, т.к. этот вопрос казался им уже решенным. На самом деле проблема оставалась, и рано или поздно она должна была выйти на передний план.

После унижительного поражения России в Крымской войне 1853 – 1856 годов русская идея обрела новые формы: выделились два направления: первое – представленное Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым – утверждало абсолютную самобытность и самоценность русского типа культуры и путей ее развития; второе – представленное Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым – отстаивало тезис о всечеловечности, универсальности русской культуры.

И все же прямым и непосредственным предшественником евразийской историософии, по мнению Н. И. Цимбаева, "был известный славист В. И. Ламанский, чьи работы конца XIX века – чистое евразийство, свободное от переживаний коммунистической революции

и Советской власти. Особый интерес представляет трактат Ламанского "Три мира Азийско – Европейского материка" (1892 г.)" [2].

Данную полемику продолжил Н. А. Бердяев, который, как и В. Соловьев, увидел ограниченность славянофильства в примеси "языческого национализма", который замыкал Россию в самодовольстве на самое себя, лишал ее универсального значения. И все же, многие современные философы и историки считают, что поставленная проблема не получила у Бердяева глубокой разработки, инициатива в ее решении была перехвачена большевиками в русле марксистской идеологии. На пересечении русской идеи и большевистской идеологии и сформировалась идеология евразийства. Необходимо, правда, сразу же уточнить, что в данной статье речь пойдет именно об идейных исканиях, спорах и умозаключениях евразийцев 20 – х годов XX века, т. к. их взгляды зачастую не имеют ничего общего с современным евразийством, поскольку сегодняшнее евразийство – "достаточно аморфное течение, включающее людей разной ориентации". "Для одних рассуждения в терминах "евразийства" – свидетельство принадлежности к определенной историософской и политической традиции, восходящей к К. Леонтьеву и евразийцам 20 – х годов, для других – не более, чем псевдоним, употребляемый для обозначения искомой целостности постсоветского пространства, основания которой пока что не определились" [3].

Секрет популярности евразийства заключался, по – видимому, в том, что стержневая идея евразийской теории, ее общий строй соответствовали растерянному – трагическому состоянию весьма разнородных слоев русской эмиграции, объясняли причины происшедших событий и вселяли надежду на почетное возвращение на родину. В то же время евразийство – это реакция на вынужденное изгнание той части интеллигенции, которая уже определила свое место в борьбе за сохранение русской культуры и формы этой борьбы. Но евразийское движение не было чем – то случайным и чужеродным в русском зарубежье 20 – 30 – х годов. Многие националистически настроенные группировки – сменовеховцы, малороссы и некоторые другие – были в том или ином отношении близки к евразийцам. Многие говорили о противостоянии Запада и Востока, о том, что русские призваны спасти мир от губительных западных влияний. И все – таки большинство русских националистов спасителями человечества считали реальную русскую нацию, а не гипотетическую евразийскую" [4].

Как идейное течение евразийство оформилось с 1920 – 1921 гг. Именно в 1921 году в Софии был издан сборник "Исход к Востоку".

авторами статей в котором являлись основные идеологи евразийской концепции. А в 1922 году появился второй сборник евразийских работ – “На путях”. Кружки сторонников нового направления очень быстро организовались в Белграде, Берлине, Париже, Лондоне, но основным центром евразийского движения стала Прага. С самого начала весьма активной была и литературно – публицистическая деятельность евразийцев: кроме вышеназванных сборников, назовем хотя бы наиболее известные издания: “Евразийский временник”, “Евразийская хроника”, газета “Евразия” и др.

В разработке евразийской идеологии приняли участие этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, правоведы, богословы – люди научного склада мысли, владевшие искусством разностороннего и проницательного анализа, ясной и четкой аргументацией.

Реальным основателем нового течения стал географ и политический мыслитель *Петр Николаевич Савицкий* (1895 – 1965) – родился в Чернигове, ученик В. И. Вернадского и П. Б. Струве. Во время гражданской войны он оказался в Севастополе. Эмигрировал сначала в Болгарию, а затем в Чехословакию. Читал лекции в Русском свободном университете. Во время оккупации Гитлером Чехословакии стал директором русской гимназии. В 1945 году после освобождения Праги был арестован советскими чекистами и осужден на 10 лет лагерей. В 1956 г. реабилитирован и вернулся в Прагу, где его арестовала уже чехословацкая тайная полиция за публикацию на Западе своих стихов, полных переживаний автора о времени, проведенном в советских концлагерях. Умер в Праге. Основные работы: “Географические особенности России”, “Россия – особый географический мир”, “Евразийство”, “В борьбе за евразийство”. Всего опубликовано около 200 статей и книг.

К протагонистам евразийства принадлежали также теолог и философ *Георгий Васильевич Флоровский* и *Николай Сергеевич Трубецкой*, известный лингвист. Г. В. Флоровский (1893 – 1979) учился и преподавал в Одесском университете. После революции эмигрировал. С 1926 по 1939 гг. преподавал в Православном Богословском институте в Париже. В 1932 г. принял сан священника. С 1948 г. – профессор и декан Св. Владимирской Духовной академии в Нью – Йорке. В 1928 г. открыто порвал с евразийством. Основные труды: “Смерть на кресте”, “Пути русского богословия”, “Евразийский соблазн” и др.

Н. С. Трубецкой (1890 – 1938) родился в семье, принадлежавшей к интеллектуальной элите русского общества. Отец – известный в России философ, профессор Московского университета. Дядя – один

из крупнейших религиозных философов, профессор Киевского, затем Московского университетов. Сам Н. С. Трубецкой закончил исторический факультет Московского университета. Он стал ведущим теоретиком евразийского движения. Был одним из основоположников Пражской лингвистической школы. Преподавал в Софийском, а затем в Венском университетах. Резко выступал в печати с 1935 г. против гитлеровских порядков и пропаганды расистских теорий. Скончался в Вене в 1938 г. Основные труды: "Европа и человечество", "Русская проблема", "О туранском элементе в русской культуре", "Общевеэвразийский национализм" и др.

Несомненный интерес представляет среди идеологов евразийства и Лев Платонович Карсавин (1882 – 1952) – известный русский религиозный философ и историк культуры. Родился в Петербурге в семье известного танцовщика. Мать – племянница А. С. Хомякова. Закончил исторический факультет Петербургского университета. Эмигрировал, жил в Париже. В 1929 г. он отошел от евразийского движения. По приглашению своего друга, премьер – министра Литвы, принял кафедру всеобщей истории в Каунасском университете. В 1940 г. по обвинению в антисоветской деятельности Карсавин был арестован органами госбезопасности и заключен в режимный лагерь Абези, где и скончался от туберкулеза в 1952 г. Основные труды: "Культура средних веков", "Введение в историю", "Восток, Запад и русская идея", "Философия истории" и др.

Особенно активны евразийцы были в начале 20 – х годов, но уже к середине этого десятилетия началось концептуальное и организационное "размывание" евразийства. От его идей отошли, в частности, П. М. Бицилли, Г. В. Флоровский и др. Г. В. Флоровский, например, сам признавал, что многие евразийские конструкции опрометчивы, голословны, основаны на эмоциях. Он писал: "Морфологическое отграничение России от Запада ошибочно, а евразийское рассмотрение петровского переворота односторонне" [5]. В отличие от евразийцев, утверждавших, что встреча с Западной Европой произошла по соображениям чисто политического характера, Флоровский определил это событие иначе: "Поворот к Европе был нужен и оправдывался не техническими потребностями, но единством религиозного задания и происхождения" [6].

Правда, в 1927 году евразийцы попытались преодолеть раскол и сплотиться в партию. Был принят программный документ: "Евразийство", а вот устав основная часть евразийцев отвергла. Стало ясно, что внутренний кризис подорвал евразийство, ослабил интерес и доверие к нему в зарубежье, хотя и не свел его окончательно на

нет. В 1932 г. состоялся первый съезд Евразийской организации, после которой была опубликована принятая на нем "Декларация" и "Тезисы". Но и то, и другое были далекими от реальности и представляли собой больше демагогические заявления, нежели руководство к действию. Принципиально изменилась к этому времени и ситуация в России: события 1929 – 1930 гг. не оставляли более надежд на взаимопонимание с существовавшей в России властью.

Но вернемся к историческим и политическим взглядам евразийцев. Евразийство как идейное течение характеризуется приверженностью пяти основным положениям:

1) отрицание существования единой общечеловеческой цивилизации, которую они считали идеологическим мифом; в истории, по мнению евразийцев, существовало несколько десятков цивилизаций, которые очень оригинальны, самобытны;

2) Россия является особой евразийской цивилизацией. На данном положении есть основания остановиться более подробно. Для подлинных евразийцев Россия не есть часть европейской христианской цивилизации и не некая, идущая вслед за романо – германской, новая славянская цивилизация. Для них Россия предстает собой симбиоз ордынских, византийских, иных восточных и славянско – европейских начал. Но, по мнению Н. И. Цимбаева, основатели евразийства и их современные последователи "склонны упускать из виду, что история России – это история страны, которая колонизируется. В ходе колонизации происходило хозяйственное и культурное освоение бескрайних евразийских просторов... На протяжении столетий Россия несла основы европейской христианской цивилизации на Восток и на Юг, небольшим и часто бесписьменным народам Поволжья, Урала и Сибири, народам Средней Азии и Закавказья, которые наследовали древние и высокие цивилизации" [7]. Кроме того, надо учитывать и наличие открытой, весьма подвижной сухопутной границы на юге и востоке, что объясняет многие особенности российской истории, дает богатый материал для суждений о взаимозависимости и взаимообогащении народов разных цивилизаций и разного культурного уровня, но из этого обстоятельства вовсе не следует, что был какой – то особый евразийский путь исторического развития России:

3) евразийцы полагали, что основу прогресса общества составляет духовный прогресс;

4) ядро духовности, культуры составляют духовные, нравственные ценности, в первую очередь, православная вера;

5) России, как особой цивилизации, в будущем присущ и определенный тип государства – это идеократическое (опирающееся на определенную идею), демотическое (основанное на народовластии), гарантийное государство (гарант соблюдения свобод и прав граждан – само государство).

Евразийцы стремились по-своему осмыслить причины катастрофы, пережитой Россией в 1914–1920 гг., понять: почему произошел почти мгновенный распад российского самодержавного государства? Правда, возрождение государства, предпринятое большевиками, произошло тоже достаточно быстро, но многие евразийцы считали, что большевики очень долго у власти не продержатся, а что же тогда ждет Россию дальше? Кроме того, евразийцы полагали, что к 1914 году были подточены духовные и нравственные основы российского государства посредством пагубного западноевропейского влияния. Далее, многие евразийцы связывали возрождение великой России с помощью белого движения, но позднее они поняли, что у белого движения не было великой объединительной идеи, противостоящей коммунизму.

Евразийцы разработали свою концепцию исторического развития России. Свои идеи в этом вопросе они противопоставляли и марксистским, и традиционным буржуазно – либеральным. Евразийцев особенно привлекали следующие периоды в истории России: период феодальной раздробленности и татаро – монгольского ига, эпоха петровских реформ, события 1914 – 1920 гг. XX в. В целом история Евразии интерпретировалась ими как история борьбы между "лесом" (оседлыми славянами лесной зоны) и "степью" (урало – алтайскими степными кочевниками). В монгольский период "евразийско – русской истории" "степь" победила "лес". В середине же XV в. "лес" в лице Московии взял реванш. И хотя отечественная историческая наука не обнаружила татарский источник русской государственности, евразийцы считали, что Московское государство образовалось на развалинах Золотой Орды и является наследником не Киевской Руси, но империи Чингис – хана. Духовный же источник Москвы – Византия.

По мнению П. Н. Савицкого, без татарщины не было бы и России. Эту идею он постоянно проводит в своей работе "Степь и оседлость". Савицкий, в частности, пишет: "Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и не кому другому" [8]. Такую точку зрения Савицкий и его сторонники аргументировали тем, что на протяжении XI – XII веков шел процесс измельчания русской культуры и русской

государственности. После распада Киевского государства сложилась ситуация, когда русские земли неизбежно должны были попасть под власть более сильных государств, например, Турции или Германии, но такое развитие событий было бы гораздо хуже для Руси, чем татаро-монгольское иго, т. к. татаро-монголы — это нейтральная среда, принимавшая любых богов, любую культуру. Кроме того, монголы с их способностью создавать мощное милитаристское государство передали подобный опыт и русским. Отсюда, как уже выше отмечалось, государственным предшественником Российского государства была не Киевская Русь, а монгольская феодальная империя.

По мнению Н. С. Трубецкого, Киевская Русь занимала лишь 1/20 нынешней территории России, а Золотая Орда приблизительно соответствовала всей этой территории. Куликовскую битву евразийцы рассматривали не столько как сражение за освобождение Руси от татаро-монгольского ига, сколько как попытку вмешаться русских князей во внутриаордынские дела: на стороне Тохтамыша и против Мамаю.

И, наконец, евразийцы полагали, что татаро-монгольское иго было тем своеобразным горнилом, в котором ковалось российское благочестие. Именно в этот период сложился своеобразный цивилизационный лик России, она вышла из данного этапа своей истории мощным и окрепшим государством. Кроме того, русское духовное возрождение, по их мнению, тоже приходится на период господства татаро-монгольского ига на Руси: активное градостроительство, творчество А. Рублева и т. п.

Евразийцы постоянно отделяли себя и от западников, и от славянофилов. Славянофилы все же тяготели к европейскому духу, европейской ментальности. Они рассматривали Россию как новый, высший этап европейской цивилизации, видели Россию во "главе общеевропейской семьи".

Но, тем не менее, своих главных противников евразийцы видели в западниках. Так, Н. С. Трубецкой в своей работе: "Мы и другие" подчеркивал, что реакционеры (читай — славянофилы) стремились к могущественному, сравнимому с Европой государству "даже ценой отказа от просветительских и гуманистических европейских традиций" [9]. А прогрессисты (западники), наоборот, стремились к реализации западноевропейских ценностей, даже если за это придется платить дорогой ценой отказа от русской государственности" [10]. Сторонники евразийства дали собственную трактовку преобразованиям Петра Великого. В реформах Петра они видели стремление усвоить европейский опыт для увеличения военной мощи России, но за счет

полного духовного и культурного порабощения России Западом. "Европеизацию" России этого периода считали явлением, изуродовавшим самобытность страны. И то, что у Петра не нашлось достойных продолжателей его дел, считает Н. С. Трубецкой, — это не случайность, а закономерность.

Существенную роль в развитии российского государства евразийцы отводили православию, причисляя себя к православным христианам. По их мнению, в России господствующая православная церковь есть осуществление высшей свободы, ибо она проповедует согласие государства и народа, в отличие от католицизма, который опирается только на власть. Много негативного евразийцы видели в политике Екатерины II. Особенно вредным они считали процесс секуляризации церковных земель, считая это ударом по положению монастырей, которые, по их мнению, являлись истинными центрами культуры в российском государстве.

Поводя итоги анализа западноевропейского влияния на развитие нашей страны, сторонники евразийства полагали, что за 200 с лишним лет татаро — монгольского ига Русь серьезно продвинулась вперед в своем развитии, а начавшаяся с Петра I "европеизация" России привела к плачевному финалу — революциям 1917 года. То есть, евразийцы понимали установление большевистского господства как логическое, естественное следствие ошибочной "европеизации" России. Но положительный момент, по их мнению, заключался в том, что большевизм — это своеобразный бунт против западноевропейской культуры, который разрушил старые русские государственные, общественные и культурные структуры, появившиеся в России в результате искусственных и вредных петровских реформ. Сохранение коммунистического режима по этой причине казалось евразийцам меньшим злом в сравнении с политической зависимостью страны от Запада. Евразийство, считает А. И. Новикова, "было практически первым послереволюционным направлением общественной мысли и политическим движением русского зарубежья, покончившим с иллюзиями "белого движения", его надеждами на возрождение былой Российской империи и обратившимся к весьма противоречивым реалиям советской действительности. Евразийцы первыми почувствовали..., что большевистские Советы в России всерьез и надолго. Евразийцы, люди молодые, решили включиться в социальный эксперимент в лице большевистской России с надеждой изнутри модифицировать советскую большевистскую систему, используя ее социальные структуры для реализации своей утопии — единой и

великой Евразийской державы" [11]. Кстати, необходимо отметить, что многие "предчувствия" евразийцев свершились: вынужденное признание европейскими странами советской России, буржуазная демократия постепенно сдавала свои позиции тоталитарным режимам и идеологиям и т. п.

На наш взгляд, стоит более подробно остановиться на оценке евразийцами Октябрьской революции 1917 г. и на евразийской концепции будущего устройства России.

Революция представлялась евразийцам явлением неоднозначным. С одной стороны, они рассматривали это событие как завершение "европеизации" России, а с другой, как факт, означавший "выпадение" России из рамок европейского опыта и с этим связывали начало новой русской культуры. В октябре 1917 года произошло столкновение евразийских черт российской цивилизации и "западноевропейского нароста", сформировавшегося со времени петровских реформ. Таким образом, как уже ранее отмечалось, революция воплотила в себе радикальный протест народа против того, что было создано Петром I, она явилась конечным следствием раскола нации, вызванного петровскими преобразованиями. Петр уничтожил фундамент, на котором покоилась внутренняя мощь России. Иными словами, Октябрьская революция 1917 года — это суд над послепетровской Россией.

Но, в то же время, идеологи евразийства видели в трагедии революции и гражданской войны глубокий исторический смысл. Им казалось, что неслыханные испытания, выпавшие на долю России, ставят ее решительно выше Западной Европы. Вообще идею европейского превосходства евразийцы рассматривали как своего рода бич человечества, как главный источник кризисов XX века. Даже большевистская Россия, по их мнению, с течением времени все более становилась зависимой от Европы. Отчасти поэтому евразийская концепция будущего устройства России противопоставлялась и реставраторским планам консерваторов, и планам большевиков, т. е. евразийцы отвергали и капитализм, и коммунизм.

Хотя ряд моментов все — таки роднит их с большевиками. Как и большевики, евразийцы свято верили в закономерность исторического процесса и считали революцию неизбежной. С их точки зрения, русский народ воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своей страны. Но в перспективе большевизм должен быть устранен, большевики обязаны или внутренне трансформироваться и сохранить

власть в стране, превратившись в евразийцев, или в противном случае они будут отторгнуты. То есть евразийцы полагали, что евразийское движение должно сменить большевизм. Но как этого достичь?

Вооруженный путь они отвергали. Следовательно, преодоление большевизма возможно и необходимо путем эволюционного обновительного процесса, постепенного воздействия изнутри. На смену большевистской власти в политической области придет идеократическое, демотическое и гарантийное государство.

Относясь с уважением к большевизму и фашизму, идеологи евразийства не считали, однако, эти режимы "подлинными идеократиями". Фашизму, по их мнению, не удалось создать контридеологию, способную конкурировать с большевистской. Большевизм же, в свою очередь, не сумел создать подлинной альтернативы идеям, господствовавшим на Западе. Другой упрек большевикам заключался в том, что, хотя они и спасли от распада Российскую империю, они не в состоянии обеспечить единство страны на длительное время.

Государство, которое придет на смену большевистскому, полагали евразийцы, может быть прочным только в том случае, если оно будет покоиться на канонах православной веры. Кроме того, они выдвигали идею социальной гармонии, социального согласия в обществе. В экономической сфере идеологи евразийства основам рыночной экономики и марксистской политэкономии противопоставляли "православную экономику" с краеугольной идеей "доброго хозяина".

В заключение подведем некоторые итоги. Закончились 20-е годы, закончилось и время идеологических экспериментов, закончилась юность и самих евразийцев. Их желания повлиять "изнутри" на сталинский тоталитарный режим обнаружили свою несостоятельность. Слепое послушание и безоговорочное принесение себя в жертву тоталитарному государству были принципами, на которых строились сталинский и нацистский режимы. Таким политическим силам, как евразийцы, там не было места.

Евразийство имело сравнительно недолгую историю. Оно просуществовало как направление общественной мысли немногим более десяти лет. Большинство историков рассматривают евразийство как "консервативную утопию", но с другой стороны, многие мысли евразийцев очень ценны и хорошо аргументированы.

Евразийское учение, несомненно, было заметным эталом в развитии русской философской и исторической мысли, сыграло свою роль в поисках ответов на вопросы о смысле и конце истории, об отношении Востока и Запада, европейской и русской культур, о месте России в

общеисторическом процессе, о мессианской роли русского народа.

Интересно и поучительно представление евразийцев о реальном и сильном азиатском влиянии на российский менталитет, политическую традицию. Заслуживает внимания стремление евразийцев по – новому взглянуть на связи России с исламским миром.

В целом, евразийство дает весьма спорное толкование истории российской цивилизации. Речь идет в первую очередь об идеализации и даже прославлении азиатского влияния, что означает "делать из нужды добродетель" и поддерживать в русском прошлом как раз то, что было губительным для развития России. По мнению некоторых исследователей, именно "полуазиатский" характер России во многом препятствовал и препятствует восприятию западной политической культуры и движению к рыночной экономике" [12].

Вопреки ожиданиям евразийцев, после октября 1917 года Россия в культурном отношении не обратилась к Востоку, а опиралась на ценности прежде всего отечественной культуры. Что касается тезиса евразийцев о неотразимой притягательности западной культуры, то он подтверждается: вопреки пророчествам о закате Европы распространение европейских идей продолжается, и российская цивилизация не является в этом плане исключением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чаадаев П. Я. Статьи и письма // М., 1989. С. 47.
2. Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 1995. № 6. С. 16 – 17.
3. Там же. С. 3 – 4.
4. Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии, 1993. № 6. С. 108 – 109.
5. Цит. по: Игнатов А. Евразийство и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии, 1995. № 6. С. 55.
6. Там же.
7. Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 1995. № 6. С. 17.
8. Савицкий П. Н. Степь и оседлость. Цит. по: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 17. См. также: О Евразии и евразийцах (библиографический указатель) / Под ред. Антощенко А. В. и Кожанова А. А. Петрозаводск, 1997. С. 60
9. Цит. по: Игнатов А. Евразийство и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии, 1995. № 6. С. 52 – 53.
10. Там же.
11. Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 23.
12. Игнатов А. Евразийство и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии, 1995. № 6. С. 63.

А. В. Юртов

К ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО-ШВЕДСКОГО ГОСТИННОГО ДВОРА В ПСКОВЕ В XVII ВЕКЕ

В средневековье и в раннее новое время во многих европейских и, в частности, в российских городах существовали гостинные дворы, предназначенные для иностранных купцов. На гостинных дворах приезжие торговцы получали жилье и место для хранения товаров; местным властям полагалось обеспечивать им личную и имущественную безопасность, а также право торговли в соответствии с условиями действовавших в то время международных договоров. Наличие гостинных дворов было удобно и властям, поскольку иностранцы таким образом находились под постоянным контролем, что позволяло ограничить их нежелательные контакты с местным населением, нелегальные торговые операции и случаи сокрытия товаров от таможенного обложения.

В Пскове — крупнейшем, наряду с Новгородом, торговом центре на Северо-Западе Руси, с раннего средневековья включенном в сферу балтийских торговых связей, — в XVI—XVII вв. действовали Немецкий (Немецкий — Шведский) и Любекский гостинные дворы [1].

Немецкий гостинный (“приезжий”) двор был основан не ранее 20-х годов XVI в. [2] Первоначально он располагался на Запсковье, “от Примостья на Пскове реке на востоке” [3]. Постояльцами двора были купцы из Ливонии и Прибалтики. Прежде им приходилось арендовать дома у псковичей в том же районе.

где впоследствии и был открыт гостинный двор; этот район в документе 1498 г. и в более поздних источниках назывался "Немецким берегом" [4].

После пожара 1562 г. под Немецкий двор отвели место за пределами городских укреплений, на Завеличье, напротив Кремля. Там он был устроен не позднее 1585–1587 гг. [5] и просуществовал на этом месте до закрытия.

Немецкий гостинный двор в Пскове действовал и в начале XVII в., в период "Смуты" и польско–шведской интервенции. В то время Псков поддерживал торговые связи главным образом с подчиненными Речи Посполитой ливонскими городами Ригой и Дерптом (Юрьевом Ливонским). Это было возможно, благодаря заключенному между псковскими и ливонскими властями местному перемирию, направленному на сохранение взаимовыгодной пограничной торговли [6].

В ходе шведской интервенции в 1611 г. Россия потеряла собственный выход к Балтийскому морю – Ижорскую землю с устьем Невы. В результате успешных военных действий в Польше шведы в 1621 г. заняли Ригу, а в 1625 г. – Дерпт. Таким образом, вся балтийская торговля России в XVII столетии должна была производиться через территорию Швеции и ее владения в Прибалтике под контролем шведских властей. Столбовский мирный договор 1617 г. окончательно оформил и закрепил "прибалтийский барьер", препятствовавший прямым экономическим связям России и Западной Европы. Согласно условиям договора, русские торговые люди не могли совершать самостоятельные поездки на Запад, за пределы шведских владений; соответственно торговля русских земель с западноевропейскими странами на Балтике могла проходить лишь при посредничестве подвластного Швеции прибалтийско–немецкого купечества – в первую очередь, городов Таллина (Ревеля, Колявани), Нарвы (Рутодыва), Риги [7].

В успешном развитии торговли Российского и Шведского государств были заинтересованы обе стороны: для России это была единственная возможность участвовать в выгодной международной торговле на балтийском направлении, а для Швеции – способ получения значительных таможенных доходов [8].

В Столбовском договоре 1617 г. в целях создания благоприятных условий для торговли купцов из Шведского государства в России предусматривалось устройство шведских гостинных дворов в Москве, Новгороде и Пскове [9].

21 июня 1618 г. в Москве российское правительство вручило шведским послам во главе с Г. Стенбуком жалованную грамоту купцам – шведским подданным, в которой, в частности, содержалось

обязательство в соответствии с условием Столбовского договора предоставить купцам из Шведского государства гостинные дворы в трех российских городах и указывались места, где они должны быть устроены. В отношении Пскова в жалованной грамоте отмечалось, что место для строительства шведского двора будет предоставлено "в каменном в Окольном в большом городе или на Завеличье блиско гостина немецкого двора" [10].

Спустя несколько дней, 29 июня, из Посольского приказа была послана грамота в Псков воеводе И. Троекурову с кратким изложением содержания жалованной грамоты шведским купцам, в том числе и условий, которые требовалось создать для их торговли в Пскове. В частности, псковскому воеводе предписывалось "для приезду" купцов – подданных Шведского государства "дати во Пскове в каменном и в Окольном в большом городе или на Завеличье блиско гостина немецкого двора пустое порожнее место, вдоль 30 сажень, а поперек 20 сажень, где пригоже" [11].

Тем самым российское правительство допускало, что гостинный двор мог быть построен в одном из двух указанных в жалованной грамоте шведским купцам, а затем и в распоряжении псковскому воеводе, мест: как в пределах городских укреплений, в соответствии с интересами шведской стороны, стремившейся расположить свою торговую факторию в большей безопасности от возможных военных действий и в максимальной близости от жизненноважных центров – торгового приказной избы – и, наконец, городских районов, где проживали торговые партнеры шведских купцов, так и в неукрепленной периферийной части посада на Завеличье, вблизи от находившихся там с XVI в. Немецкого и Любекского дворов, что отвечало требованиям режима пограничного города, власти которого опасались размещать внутри городских стен подданных иностранного государства.

Наиболее оптимальный вариант разрешения вопроса о месте устройства шведского гостиного двора, впоследствии получивший поддержку и со стороны правительства, предложили псковские власти. Они считали, что вместо строительства нового шведского двора уместнее будет использовать для торговли купцов из Шведского государства уже действующий Немецкий гостинный двор. В пользу этого решения было и то обстоятельство, что со времени основания двора на нем останавливались в основном прибалтийско – немецкие купцы, до 1563 г. – подданные Ливонского государства, а после его распада – Швеции и Речи Посполитой. К тому же, после заключения Столбовского мира российское правительство распорядилось

размещать приезжавших в Псков купцов из шведских владений именно на этом дворе [12].

Однако в те годы и позднее на Немецком гостинном дворе останавливались имевшие право на торговлю в Пскове купцы не только из Шведского государства, но и из других стран. Так, в декабре 1630 г. на гостинном дворе, наряду с шведскими подданными из Таллина (Херт Григорьев, Ханс Рот), Риги (Яган Иванов) и Дерпта (Данила Самойлов), жили купцы и приказчики из Голландии (Вилим Фандаблок) и крупнейшего на Балтике немецкого торгового города Любека (Гарман Офромеев, Асмас Хентман, Антон Андреянов сын Фанарп, Отт Евертов, Пантелей Иванов) [13]. Известно, что до начала русско – польской войны 1632 – 1634 гг. в числе постояльцев Немецкого гостинного двора были также и “литовские торговые люди” из пограничных городов Речи Посполитой – Себежа, Полоцка, Витебска, Вильны, Орши, Могилева [14].

Немецкий двор имел статус “государева” гостинного двора, означавший его принадлежность в плане собственности Российскому государству. Власти формировали администрацию двора (исключительно из российских подданных); казна несла все расходы по его содержанию. Ежегодно назначался голова гостинного двора (из числа дворян), а также дворник, целовальники, дрягили. Стрельцы несли обязанности по охране двора и следили, “чтоб на немецкой двор никто без ведома не приезжали и товаров, не объявля, не привозили” [15].

На средства казны на гостинном дворе производились строительные и ремонтные работы. В 1624 г. в связи с заявлением головы гостинного двора Василия Корина о том, что построенные ранее клетки “перегнили” и постояльцам негде класть свои товары, а от дождя “товаром чинится шкота”, отчего “государеве таможенной пошланы поруха великая”, были построены амбары [16].

В октябре 1631 г. были закуплены стройматериалы (лес, драницы, гвозди) и на территории двора построена изба с печью. Строительные работы продолжились в мае 1632 г. В июне в поварне был сделан горн. В июле “у неметцкой коморки” плотник возвел сени. В “неметцкой столовой коморке” в августе каменщик сложил печь [17].

Шведские власти требовали от российского правительства выполнения обязательств по созданию условий для устройства собственно шведского гостинного двора в Пскове. Однако по вопросу о месте для его строительства с первых после заключения Столбовского договора и издания жалованной грамоты русско – шведских переговоров 1626 г. начались многолетние дипломатические дискуссии [18].

На деятельности Немецкого гостиного двора отразились войны, которые Россия вела с сопредельными государствами – Речью Посполитой и Швецией. В 1632 г., накануне русско – польской войны, сократилось число приезжавших на гостиный двор в Пскове купцов из польских пограничных городов. Поездки торговых людей прекратились совсем, когда на границе были установлены заставы, через которые купцов не пропускали на территорию России. Такое положение, по мнению псковского таможенного головы Агея Федорова, привело к сокращению таможенных сборов на Немецком гостином дворе в 1631/32 гг. (более чем на 40 руб. по сравнению с 1630/31 гг.) [19].

В предвоенные месяцы зимы 1631/32 гг. российское правительство, желая укрепить свои отношения с Швецией, идет навстречу и принимает решение ввиду военной опасности предоставить под шведский гостиный двор участок в Окольном городе “против гостина двора (для российских торговцев – А. Ю.) и таможи”, чего настоятельно добивалась шведская сторона. Псковский воевода Н. М. Мезецкий предоставил в указанном месте участок 30 x 20 саж. На время строительства шведским купцам было позволено складывать свои товары на расположенном поблизости гостином дворе, предназначенном для российских торговцев. Однако строительство вскоре не было начато, а его возможность отпала в 1633 г. в связи с переменой в русско – шведских взаимоотношениях. Тогда же шведским купцам пришлось перенести свои товары вновь на Немецкий двор. В феврале 1634 г. во время нападения польского отряда на окрестности Пскова и Печеры, псковский воевода не позволил купцам из шведских владений укрыться внутри крепости, но разрешил им сложить в укрепленной части города (по – видимому, на том же гостином дворе для российских купцов) свои товары [20].

В связи с началом новой русско – польской войны 1654 – 1667 гг. “из литовских городов за воинкою торговые люди с товары во Псков не ездили” [21]. С 1656 г. по причине состояния войны между Россией и Швецией на гостиный двор перестали приезжать купцы из шведских владений [22]. Тогда же в качестве заложников были арестованы и “засажены в Пскове”, оказавшиеся на Немецком гостином дворе – шведский подданный Петр Иванов и гданчанин Андрей фон Горн [23]. Таким образом, в 1656 г. гостиный двор фактически прекратил свою деятельность.

По условиям Валлесарского перемирия 1658 г., шведские гостиные дворы, существовавшие ранее в российских городах, в числе которых был назван и Псков, полагалось восстановить на прежних

местах. В Пскове это относилось к Немецкому гостиному двору, где до войны останавливались шведские купцы [24]. Однако выполнение этого условия российской стороной затягивалось.

В январе 1659 г. псковский воевода С. А. Щербатый направил в Посольский приказ отписку, в которой изложил просьбу российского (прежде всего, псковского) купечества о возобновлении прерванных войной торговых связей между Псковом и прибалтийскими городами — Ригой, Таллином, Нарвой и др. В Москве поддержали эту просьбу и, в частности, указали шведских подданных, которые будут приезжать в Псков, размещать на "свейском гостином дворе за Великою рекою" [25]. Однако в ближайшее время двор так и не начал действовать.

Это произошло, по — видимому, только после заключения 21 июня 1661 г. Кардисского мирного договора, в котором было закреплено обязательство России возвратить Швеции прежние гостиные дворы [26].

После переговоров российского правительства с шведским послом Б. Горном в марте 1662 г. Посольский приказ распорядился в Пскове "прежней свейской двор на Завеличье" передать "принимщикам", которые будут присланы шведскими властями, составив опись всех построек и взяв с них расписку. Но в случае, если на средства казны за последние годы были возведены какие — либо новые строения, шведская сторона должна была оплатить их стоимость, равно как и российской стороне надлежало нести расходы в пользу Швеции в случае утраты ранее существовавших построек. Грамота об этом псковскому воеводе Ф. Ф. Долгорукому была направлена 9 апреля, а затем повторно — в конце 1662 — начале 1663 гг. [27]

Однако, 14 апреля 1662 г. в Пскове произошел пожар, в огне которого пострадали строения гостиного двора и товары иностранных купцов. Поэтому передача двора шведским представителям была отложена [28].

Роспись новых построек на "гостине немецком свейском дворе", составленная стрелецким головой Ф. Вельяшевым 11 марта 1663 г., уже после завершения строительных работ и в связи с предполагаемой передачей двора прибывшему в Псков 4 марта шведскому приказчику Х. Штраусу, позволяет составить представление о его микрофотографии [29]. Согласно росписи, на территории гостиного двора находились: таможенная изба (3 x 3 саж.) с чуланом и сенями, важня, караульная изба (2 x 2 саж.), каменная палата (11 x 6 саж.) [30] с погребом, изба гостиная с сенями и 3 чуланами, сарай для соли. Двор был огорожен забором, на его территорию вели ворота.

Известно, что ни один из шведских приказчиков, присланныхся

в Псков нарвским генерал – губернатором за период 1663 – 1686 гг. (в 1663 и 1667 гг. – Х. Штраус; в 1671 – 1672 гг. – В. Риттер; в 1673 г. – Г. Герберс; в 1684 и 1686 гг. – Д. Стевен), не принял гостиный двор в ведение Швеции. В качестве основной причины отказа принять гостиный двор они выдвигали завышенную оценку строений на его территории, возведенных не по их "извачаю" (обычаю) [31]. Первая сумма, которая была названа Х. Штраусу в марте 1663 г., сразу после восстановительных работ, составляла 3227 руб. медными деньгами и 17 руб. серебряными [32]. В. Риттору в 1671 г. было предложено заплатить 1070 руб.: 900 руб. – за каменную палату с погребами и 170 руб. – за новые постройки: 4 деревянные коморы (жилые помещения для иноземных купцов) и 2 сарая для хранения товаров [33]. В 1686 г. Д. Стевен отказался заплатить 900 руб. "за каменное полатное и погребное строение", 50 руб. – за 2 деревянных сарая и 92 руб. с полтиной – за новые 3 коморы [34]. Шведские приказчики отказывались и от предоставляемого российской стороной места под новый гостиный двор на Завеличье между Немецким и Любекским дворами [35]. А с середины 80-х годов XVII в. вопрос о шведском гостинином дворе в Пскове более не поднимался ни одной из сторон.

Таким образом, до конца XVII в. в Пскове так и не был построен новый шведский гостиный двор. Купцы – подданные Шведского государства пользовались Немецким двором, который в официальных документах нередко называли "свейским немецким" или "свейским" гостининым двором. Попытки в соответствии с дипломатическими договоренностями начала 60-х годов изменить статус двора, передав его под юрисдикцию Швеции, не осуществились. Характерно, что этот вопрос был достаточно актуальным именно в дипломатической практике, но в реальной жизни, как только дело касалось материальных затрат, власти Шведского государства предпочитали не обременять себя дополнительными расходами по содержанию гостиного двора в Пскове. Тем более, что на Немецком дворе были созданы достаточно благоприятные условия для торговли купцов – шведских подданных [36].

В последней трети XVII в., как и прежде, на гостинином дворе проводились строительные и ремонтные работы. В 1670/71 гг. был осуществлен ремонт одной из комор, под ней выкопан погреб, к таможенной избе построен крылец [37].

В 1695 г. на средства от таможенных доходов была построена новая деревянная таможенная изба на подклете с сенями и чуланом [38].

В перечне построек на гостинином дворе в годовой смете Пскова 1699 г. (за год до закрытия двора) названы: таможенная изба, важня,

каменная палата, большой сарай, амбар "ветхой", 2 коморы с комнатами [39].

Немецкии — Шведский гостинный двор действовал в Пскове до начала Северной войны (1700 — 1721 гг.), в результате которой к России отошла Прибалтика с торговыми городами, чьи купцы составляли основную часть торговавшего в Пскове иностранного купечества и постояльцев гостинного двора. Получив собственный выход к Балтийскому морю и ликвидировав "прибалтийский барьер", Россия стала крупнейшей балтийской державой, способной вести самостоятельную морскую торговлю на Балтике без посредничества иностранного купечества. В начале XVIII в. роль центра балтийской торговли перешла от Новгорода и Пскова к Санкт-Петербургу. В связи с этим надобность в гостинном дворе для иностранного купечества отпала навсегда.

О торговой деятельности Немецкого — Шведского гостинного двора в XVII в. в российских архивах сохранились немногочисленные, главным образом отрывочные свидетельства (в делопроизводственных документах Псковской приказной избы и московских приказов: в приходе — расходных книгах и сметных списках по Пскову; в книгах "обидных дел"; в переписке Посольского и Разрядного приказов с псковскими воеводами и др.).

Вместе с тем, необычайно важное значение для исследования темы имеет единственная дошедшая до нашего времени таможенная книга Государева гостина немецкого двора в Пскове за 1670/71 гг. [40]. В этом ценнейшем документе, составленном в таможенной избе гостинного двора при голове Я. А. Сырникове, отражены явки товаров, проданных российскими купцами иноземцам на гостинном дворе для переправки за границу, а также явки части товаров, самостоятельно вывезенных россиянами за рубеж через Псков в 1670/71 гг. (другая часть товаров "в отвоз" была явлена в Большой таможне) [41]. Материал таможенной книги содержит сведения о торговавших на гостинном дворе иноземных купцах и их российских поставщиках, объемах торговых операций отдельных торговцев, ассортименте экспортных товаров и их количестве, направлениях экспорта и объемах товаропотоков, размерах товарооборота гостинного двора и т.д.

Сведения о размерах товарооборотов и величине собранных таможенных пошлин на Немецком — Шведском гостинном дворе в XVII в. крайне скудны. Известно, что таможенные сборы на гостинном дворе в 1622/23 гг., через пять лет после заключения Столбовского мира,

составили 1198 руб. 22 алт., в 1623/24 г. — 1241 руб. 32 алт. 1/8 д. [42]. Однако, в начале 30-х годов отмечается их снижение, связанное главным образом с русско-польским конфликтом и войной 1632—1634 гг. В 1630/31 гг. таможенных пошлин было собрано на сумму 1230 руб. 1/8 д., в 1631/32 гг. — 1187 руб. 7 алт. 2 д. [43]. Совсем отсутствовали таможенные доходы с гостиного двора в 1657—1659 гг. [44] и, по-видимому, в 1660 г., поскольку “на Гостини немецкой двор иноземцом ни с какими товары приезде и торговли и псковичем и из замосковных городов торговым людем за немецкой рубеж отъезде для воинского времени во вес год не было и торговать было не с кем” [45].

После заключения Кардисского мирного договора 1661 г. в развитии торговли наблюдается заметный рост. По данным таможенной книги, в 1670/71 гг. на гостиниом дворе было собрано пошлин на сумму 1688 руб. 30 алт. 2,5 д. [46]. Общий объем вывезенных через гостиниый двор товаров за рубеж достиг 25612 руб. 25 алт. 0,5 д. [47], что составляет около 50 % от всего объема годового экспорта Пскова (вторая половина приходится на Большую таможию) [48].

В числе иностранных купцов и торговых агентов (приказчиков), торговавших в Пскове на гостиниом дворе, в книгах “обидных дел” за 1661—1663 и 1663—1666 гг. называются: нарвские купцы Данила Стевен (до 1662 г. — житель Любека, затем — шведский подданный) и его брат Юстр Стевен, Ефим Михайлов сын Паттур (приказчик Л. Нумменса), Христофор Беккер (приказчик Ю. Тундера); купцы из Риги Фредерик Балсырев (Веселинк) и Отто (Артемий) Фабьянов (начал торговать в Пскове не позднее 1655 г.); торговец из Таллина Ганс (Ханс) Романов сын Дейн; из Любека Филипп Фингаген, Вастьян Риттор, Александр Брандес [49].

По данным таможенной книги, в 1670/71 гг. на Немецком—Шведском дворе жили и торговали 8 иноземных купцов: рижанин Фредерик Балсырев (Веселинк), нарвские купцы Юрген (Юрий) Тундер и Лоренц (Логин) Лаврентьев Нумменс; торговцы из Любека Филипп Иванов Фингаген, Андрей Андреев Брønник; Захарий Захарьев Кроненберх (предположительно, также из Любека), Иван Иванов (из Любека или Бремена) и помочанин Гаврила Иванов [50].

По размерам товарооборотов на первом месте стоит крупный рижский купец Фредерик Балсырев (Веселинк). За год он закупил льна — 2388 п., пеньки — 4093,5 п., лняной и пеньковой пакли — 234 п., льяняного и пенькового полубрака — 1205,5 п., сала топленого — 281, 2 п., юфти — 543,7 п., сырых кож — 450 шт. и различных мехов (куниц — 61 шт., котов — более 176, рыси — 3, лису, норку) на сумму 6227 руб. 25

алт. 1,5 д., что составляет 41,5 % от суммы, на которую с гостиного двора вывезли товаров все иноземцы. Ф. Балсырев имел давние связи с Псковом. Еще около 1623 г. здесь торговал некто Балсырка; возможно, это был сам Фредерик или кто-то из его сородичей [51]. В 1666 г. должниками Ф. Балсырева являлись 11 псковичей [52]. В 1673 г. в Пскове торговал его приказчик Е. Фохт [53].

Второе место занимает один из наиболее значительных нарвских купцов, бургомистр Юрген (Юрий) Тундер (в дворянстве — Тундерфельдт), скупивший в сентябре в результате двух торговых сделок пеньки — 2517,5 п., юфти — 343,25 п., дубленых (задубных) кож — 185 шт., рогож — 1000 шт. и войлыков — 470 шт. на сумму 2571 руб. 20 алт. (17 % — от вывоза иноземцев). В середине 60-х годов в Пскове бывал его приказчик Х. Беккер [54]. Ю. Тундер вел также активную торговлю в Новгороде [55].

На третьем месте — купец из Любека Андрей Андреев Брюник [56]. Он купил льна — 1155 п., пеньки — 358,7 п., пакли — 18 п., полубрака — 192,7 п., сала топленого — 15,5 п., различных мехов (норки — 51 п., белых мехов — 16 шт. и котов — 32) на сумму 2234 руб. 20 алт. 4,5 д. (14,9 %). Торговал также в Тихвине (март 1666 г.) [57].

Четвертую позицию занимает крупный нарвский купец, ратман Лоренц (Логин) Лаврентьев Нумменс. Он вывез юфти — 560,5 п. на сумму 2178 руб. 27 алт. 1 д. (14,5 %). Причем, 2 партии товара (юфти — 25 п. и 218,2 п.) были куплены от его имени Ф. Балсыревым (11 марта и 3 мая) и одну (юфти — 317 п.) он приобрел самостоятельно (16 мая). Первые сведения о торговле Л. Нумменса в Пскове относятся к 1635 г. [58]. В феврале 1650 г. он приезжал в Псков по поручению шведского правительства для приема 10 тыс. четвертей хлеба, который российские власти решили продать Швеции в счет 190 тыс. руб. долга за перебежчиков, и пострадал в ходе начавшегося в городе восстания [59]. Л. Нумменс в первой половине 50-х годов продолжал торговать в Пскове [60]. Торговал также и в Новгороде [61].

Пятый — Захарий Захарьев Кроненберх (предположительно, любекский купец). Он закупил в Пскове льна — 495,2 п., пеньки — 230,2 п., юфти — 224,2 п. и кож сырых — 100 шт. на сумму 1328 руб. 2 алт. 2,5 д. (8,8 %). Известно о его торговле в Тихвине (март 1666 г.) [62].

Далее следует Иван Иванов (купец из Любека или Бремена) [63] вывез юфти — 26,7 п. на сумму 213 руб. 18 алт. 4,5 д. (1,4 %). Торговал также в Тихвине (февраль 1665 г.) [64].

Купец из Любека Филипп Иванов Фингаген [65] купил на гостином дворе льна — 38 п., пакли — 236,5 п., полубрака — 95,5 п.,

юфтей — 90,4 п., кож дубленых (задубных) — 7 шт., подошвенной кожи (хазов) — 40 шт. на сумму 175 руб. 13 алт. 5,5 д. (1,2 %). В середине 90-х годов он являлся приказчиком шведского гостиного двора в Новгороде [66].

И, наконец, торговый мещанин из Полоцка Гаврила Иванов вывез пеньки — 456,5 п. на сумму 86 руб. 9 алт. 1 д. (0,6 %).

Итак, из далеко неполного списка иностранных купцов, торговавших в Пскове в 1661 — 1666 гг., составленного по материалам книг "обидных дел" и данным таможенной книги 1670/71 гг., видно, что на гостинном дворе торговали преимущественно прибалтийско-немецкие купцы (преобладают торговцы из Нарвы), а также купцы из городов Германии (Любек; возможно, Бремен) и Речи Посполитой (Полоцк). В 1670/71 гг. число купцов из немецких городов (3 — 4) не уступало количеству торговцев из Прибалтики (из Нарвы — 2; из Риги — 1).

Показатели размеров их товарооборотов свидетельствуют, что в Пскове на гостинном дворе торговали иностранные купцы различного уровня. Прибалтийское купечество представляют крупные оптовики Ф. Балсырев, Ю. Тундер, Л. Нумменс; к ним примыкают любекский торговец А. Брюник и З. Кроненберх (предположительно, тоже из Любека). На долю этих купцов приходится 96,8 % от вывоза всех иноземцев. Остальные торговцы (И. Иванов, Ф. Фингаген, Г. Иванов др.) существенно уступали им; товарообороты этих купцов не составили и 500 руб.

Всего иностранные купцы в 1670/71 гг. вывезли из Пскова за рубеж товаров на сумму 115016 руб. 4 алт. 0,5 д. (58,8 % от товарооборота гостиного двора и около 30 % от псковского годового экспорта). Остальная часть товаров, прошедшая через таможенную избу на гостинном дворе, была доставлена за границу российскими купцами (причем, вывоз товаров на сумму, составляющую 37,6 % от товарооборота гостиного двора приходится на Нарву; для 3,6 % направления экспорта не указаны). Возможно, относительно их поставки с иностранными покупателями были заключены предварительные сделки или соответствующие соглашения.

Материал таможенной книги позволяет рассмотреть структуру и объемы экспортных товаров, явленных на гостинном дворе на продажу иноземным торговцам или "в отпуск" за рубеж.

Ведущее место в экспорте занимала продукция сельского хозяйства. Прежде всего, это пенька и лен. Пенька изготавливалась из конопли и поступала в Псков как из ближайшей сельской округи, из пригородов, так и из отдаленных районов Смоленска, Вязьмы, Переяславля, Ржева, Старицы, Белева, Ржевы Володимировой [67].

Пеньковое полотно и канаты считались прочными и широко применялись в европейском судостроении. Псковская земля традиционно выделялась производством высокосортного льна. Пенька и лен различались по качеству и степени обработки — чистый лен (пенька), полубрак, пакля, плохая пенька. По количеству пенька преобладала. За год на гостином дворе чистой пеньки было продано 17220,5 п. на сумму 8605 руб. 23 алт. 2 д. (33,6 % от всего вывоза); чистого льна — 8096,7 п. на 6098 руб. 11 алт. 5 д. (23,8 %); пенькового и льняного полубрака — 2926,7 п. на сумму 443 руб. 10 алт. 2 д. (1,7 %); пеньковой и льняной пакли — 2280,5 п. на сумму 105 руб. 5 а. 2 д. (0,4 %).

Из продуктов питания сала топленого, которое высоко ценилось в Европе, продано 1571,2 п. на сумму 928 р. 3 а. 3 д. (3,6 %). Его производили в Пскове, а также привозили из пригородов, Порхова, Новгорода, Торопца, Великих Лук, Старицы.

Итак, сельскохозяйственная продукция составляет 63,1 % от суммы экспорта товаров через гостиный двор.

Продукция промыслов и отчасти ремесла представлена кожами и мехами. Значительная часть экспортных товаров приходилась на красную юфть — особый сорт мягкой кожи, которая использовалась в изготовлении верха обуви (мужской и женской), сумок, седел и др. изделий. С 30-х годов XVII в. Россия считалась главным поставщиком этого сорта кож в европейские страны. В Псков большое количество юфти поступало из Ярославля и Углича. В 1670/71 гг. на гостином дворе было продано 2269 п. юфти на сумму 7784 руб. 39 алт. 2,5 д. (30,4 %). Кроме юфти, было вывезено кож дубленых (задубных) — 192 шт., сырых — 850 шт., козлиных — 100 шт., подошвенных (хазов) — 160 шт. на сумму 530 руб. 6 алт. 4 д. (2 %). Кожи в Псков поставлялись из пригородов, Печер, Новгорода, Торопца, Осташкова, Великих Лук, Твери, Торжка, Старицы, Устюжны Железопольской и др. районов.

Удельный вес мехов в торговле на гостином дворе был невелик: куница (61 шт.), коты (более 438 шт.), норка (более 50 п.), рысь (3 шт.), меха белые (16 шт.), лиса, Всего мехов продано на сумму 184 руб. 13 алт. 3 д. (0,7 %). Меха в Псков поступали из Печер, Порхова, Новгорода, Твери, Торжка, Осташкова.

Проданы были также рогожи (1500 шт.) на сумму 97 руб. 16 алт. 4 д. (0,4 %), войлоки (670 шт.) на сумму 20 руб. 3 алт. 2 д. (0,07 %), рукавицы (100 пар) на сумму 5 руб. (0,01 %).

В отношении направлений и объемов экспорта товаров, проходивших через гостиный двор, удастся установить, что большая их часть приходится на прибалтийские города — Нарву и Ригу (более

80 % от суммы вывоза). Причем, преобладает вывоз в Нарву (около 56 %); на Ригу приходится около 24 %. В немецкие города — Любек и, возможно, Бремен вывоз составил около 15 %. Незначителен вывоз в Речь Посполитую (0,3 %).

Такая ситуация объясняется тем, что значение Нарвы во второй половине XVII в. существенно возросло, во многом за счет других торговых центров Восточной Прибалтики: совсем потерял свое значение в транзитной торговле России Дерпт в силу своей отдаленности от балтийского побережья; в отличие от XVI в. падает значение Таллина. В то же время увеличивается русская торговля через Ригу. Причем, с Ригой — самым крупным торговым центром Шведского государства, — ориентированной главным образом на белорусско — литовские земли, из российских городов торговал только Псков [68].

Значение торговых связей Пскова с белорусскими городами Речи Посполитой в первой половине XVII в. в историографии несколько преувеличено [69], но объемы этой торговли во второй половине века, по — видимому, все же снизились и составляли малую часть псковской зарубежной торговли,

Из прибалтийских городов, закупленные в Пскове товары, перепродавались в страны Западной Европы (в города Северной Германии, Нидерланды, Англию, Швецию и др.). Эстонский историк Х.А. Пийримяэ, изучавший вывоз Нарвы в 1661 — 1700 гг. по сохранившимся таможенным книгам этого крупного портового города, установил, что подавляющая часть товаров, поступивших из Пскова и Новгорода, направлялась по Балтийскому морю в северогерманский город Любек (лен, пенька, меха и др.), Англию, Нидерланды и в небольших размерах в Швецию [70].

Ассортимент товаров, привозившихся иностранными купцами из — за рубежа на гостиный двор для продажи, включал готовые изделия мануфактурной промышленности и городского ремесла, поступавшие в прибалтийские портовые города из западноевропейских стран (Германии, Нидерландов, Англии, Франции и др.): дорогие ткани (из Нидерландов, Англии, Германии), драгоценные камни (в частности, жемчуг), соль, вина, шампанское, изюм и др. [71].

Швеция, экономика которой в XVII в. занимала первое место в Европе по развитию металлургической промышленности, экспортировала в Россию в основном металлы — медь, железо — и изделия из них. В этих товарах остро нуждалась российская экономика в XVII в. Поскольку Псков почти не вел торговли со Стокгольмом [72], то изделия металлургической промышленности поступали на

псковский рынок через прибалтийские города — Нарву, Ригу, Таллин. Их поставляли на гостиный двор купцы этих городов (в 1663 г. медью на гостином дворе торговали рижские торговцы О. Фабьянов и Ф. Балсырев), но большая часть металлов, по — видимому, поступала в Псков в результате поездок российских торговых людей за рубеж. Нередко эти закупки производились купцами по поручению российского правительства, особенно такие заказы практиковались в период существования в Пскове Денежного двора [73].

Итак, Немецкий — Шведский гостиный двор в XVII в. по традиции являлся главным центром торговли иностранного купечества в Пскове. На этом дворе жили и вели торговлю купцы различных государств — Швеции, Германии, Нидерландов, Речи Посполитой. Появление во второй половине века в названии двора определения "свейский", связанное с обязательствами России по международным договорам со Швецией, указывает на то, что преимущественно на гостином дворе торговали купцы — шведские подданные из прибалтийских городов.

Из сведений об ассортименте экспортных и импортных товаров, о географии торговых связей Пскова вполне очевидно, что приезжавшие в Псков прибалтийско — немецкие купцы являлись связующим звеном в торговле, которая велась между Россией и странами Западной Европы через портовые города в Восточной Прибалтике. Наряду с этим, существовали и прямые контакты с европейским рынком через купечество немецких городов (преимущественно, Любека).

История Немецкого — Шведского гостиного двора, его торговая деятельность являются важнейшим свидетельством значительной роли Пскова во внешней торговле Российского государства в XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Любекский гостиный двор был открыт, вероятно, в 1588 г. (*Angermann N. Zu den deutschen Handelsniederlassungen in Pleskau und Krasnyj // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 89. Köln — Wien, 1970. S. 80*) и действовал до начала XVII в. Затем двор был восстановлен в 1636 — 1637 гг. (*Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г. // Скандинавский сборник. Вып. 10. Таллин, 1965. С. 95*), но просуществовал, по — видимому, недолго. Любекский двор располагался на Завеличье, рядом с Немецким гостиным двором (Русско — шведские экономические отношения. Сборник документов. М. — Л., 1960 (далее — РШЭО). № 152. С. 226).

2. Казакова Н. А. Русско — ливонские и русско — ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 139, прим. 38.

3. Сборник Московского архива Министерства юстиции (далее – Сб. МАМЮ). Т. 5. М., 1913. С. 10–11.
4. Казакова Н. А. Русь и Ливония 60–х – начала 90–х годов XV в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 319–320; Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985. С. 142.
5. Кирпичников А. Н. Сообщение немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. Публикация источника и исследование. Часть 2 (исследование) // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 2. Вып. 3 (№ 16). СПб., 1994. С. 14; Angermann N. Zu den deutschen Handelsniederlassungen... S. 86–87.
6. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 59, 87–90; Замятин Г. А. “Псковское сиденье” (героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. Прил. 1. С. 211; Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов... С. 93.
7. Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994. С. 3–4.
8. Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов... С. 86.
9. РШЭО. № 1. С. 25.
10. Там же. № 2. С. 27.
11. Шаскольский И. П. Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира // Скандинавский сборник. Вып. 11. Таллин. С. 68.
12. Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов... С. 92–93.
13. Сб. МАМЮ. Т. 6. М., 1914. № 5. С. 25.
14. Отдел рукописных, старопечатных фондов и редких книг Псковского государственного объединенного историко–архитектурного и художественного музея–заповедника (далее – Древлехранилище ПГОИАХМЗ). Ф. 608. № 293. Л. 65–66 об.
15. Сб. МАМЮ. Т. 6. № 5. С. 23–34; РШЭО. № 153. С. 227–228.
16. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 137. Оп. 1 (Псков). № 4. Л. 82 об.–83.
17. Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. 608. № 293. Л. 55 об.–56, 61 об., 62 об., 63–63 об., 64 об.
18. О ходе дискуссий см. Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов... С. 91–104.
19. Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. 608. № 293. Л. 65–66 об.
20. Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов... С. 96–98.
21. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Псков). № 8. Л. 98.
22. Там же. Л. 361 об.
23. Там же. Л. 436 об.–437.
24. РШЭО. № 128. С. 188.
25. Там же. № 129. С. 189–190.
26. Там же. № 136. С. 200; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 228 об.
27. Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Документы из советских архивов. Москва–Стокгольм, 1978. № 70. С. 112, прим. 4. Там же указано, что в случае “неприятельских приходов” на Псков шведским подданным должно быть временно предоставлено место под гостиный двор “в Каменном

городе".

28. Там же. № 85. С. 128.

29. РШЭО. № 152. С. 225—226. А.Н. Кирпичников предположил, что двор имел размеры 20—30 саж. (Кирпичников А. Н. Ук. соч. С. 54—55).

30. Возможно, эта палата была построена в конце XVI в. В XVII в. она использовалась в качестве склада для хранения товаров (Кирпичников А.Н. Ук. соч. С. 14).

31. Шведские приказчики были недовольны тем, что на гостинном дворе находились караульная изба, таможня и важня. (РШЭО. № 153. С. 227; № 263. С. 449; № 280. С. 474).

32. РШЭО. № 153. С. 227.

33. Там же. № 263. С. 449.

34. Там же. № 280. С. 474.

35. Там же. № 212. С. 345—346; № 263. С. 451—452; № 268. С. 458—459.

36. Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов... С. 103—105.

37. Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. 608. № 307. Л. 448—457.

38. Сб. МАМЮ. Т. 6. № 44. С. 253.

39. Там же.

40. Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. 608. № 307. Л. 383—457; Таможенную книгу Пскова 1670/71 гг. в составе которой и находится книга гостинного двора, в 1940—е годы изучала Е. В. Чистякова (Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950. С. 198—235).

41. Записанные в таможенной книге явки не отражают всех сделок между российскими и иноземными купцами, поскольку часть торговых операций не фиксировалась документально: заключались устные соглашения или имел место прямой обмен (Чистякова Е. В. Ук. соч. С. 219).

42. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Псков). № 4. Л. 7 об.—8.

43. Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. 608. № 293. Л. 54—66.

44. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Псков). № 8. Л. 361—362, 449 об.; № 10. Л. 7 об.

45. Там же. № 8. Л. 361 об.—362.

46. Чистякова Е. В. Ук. соч. С. 203.

47. Результат наших подсчетов размеров экспорта с гостинного двора отличается от приведенного у Е. В. Чистяковой, у которой он составил 25691 руб. 13 алт. 0,5 д. (Чистякова Е. В. Ук. соч. С. 218).

48. Товарооборот по "отвозным товарам" в Большой таможе составил 25171 руб. 19 алт. 5 д. (Чистякова Е. В. Ук. соч. С. 218).

49. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 101—268 об.; Кн. 75. Л. 1—196 об.

50. Этот список не может считаться полным: в источнике не названы имена и не зафиксированы явки торговых мещан из городов Речи Посполитой, которые уплатили пошлин на сумму 7 руб. 4 д. (по 2 алт. — с рубля). Соответственно их товарооборот составил 117 руб. По-видимому, они продали на гостинном дворе привезенный товар. (Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. 608. № 307. Л. 447—447 об.).

51. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 37. Л. 3—4.

52. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 185 об. — 188 об.

53. РШЭО. № 210. С. 340 – 344; № 220, С. 379 – 380.
54. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 75. Л. 177 об. – 178.
55. Шаскольский И. П. О деятельности Шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л., 1984. С. 196.
56. Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М, 1994. С. 97. Купечество города Любека. № 1 (1665 г.).
57. РШЭО. № 177. С. 286.
58. Там же. № 66. С. 102 – 103.
59. РШЭО. № 112. С. 173; Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, С. 50 – 55.
60. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 37. Л. 162 об. – 163.
61. Шаскольский И. П. О деятельности Шведского гостиного двора... С. 196.
62. РШЭО. № 177. С. 286.
63. Демкин А. В. Ук. соч. Вып. 2. С. 98. Купечество города Бремена. № 4 (1658 г.).
64. РШЭО. № 172. С. 280. Здесь Иван Иванов назван торговцем "Любской земли".
65. Демкин А. В. Ук. соч. Вып. 2. С. 98. Купечество города Любека. № 55 (1665, 1675 гг.).
66. Шаскольский И. П. О деятельности Шведского гостиного двора... С. 193.
67. Здесь и далее сведения о том, откуда в Псков поступили те или иные товары приводятся по данным приходной части таможенной книги Большой таможни Пскова 1670/71 гг. (Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. 608. № 307. Л.142 – 335.
68. Пийримяз Х. А. Ук. соч. С.39; Шаскольский И. П. О деятельности Шведского гостиного двора... С. 197.
69. Чистякова Е. В. Ук. соч. С. 215.
70. Пийримяз Х. А. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661 – 1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы // Скандинавский сборник. Вып. 5. Таллин, 1962. С. 93.
71. РШЭО. № 154. С. 228; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 63. Л. 230, 232 об., 239, 262, 262 об.
72. Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 44 – 45.
73. РШЭО. № 165. С. 248 – 253.

Работа выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97-01-00555). -

В. Н. Гарбузов

КОНСЕРВАТИЗМ: ЦЕННОСТИ, ИДЕИ, ПОЛИТИКА

Понятие и идейные основы

Среди множества идейно — политических течений, существующих в современном мире, значительное место принадлежит консерватизму. Консервативной линии в практической политике придерживались О. Бисмарк и Б. Дизраэли, К. Миттерних и У. Черчилль, Ш. де Голь и Л. Эрхард, В. Жискард'Эстен и Ж. Ширак, Р. Рейган и М. Тэтчер.

Что же такое "консерватизм"? Ответы на этот вопрос существуют разные. Так, толковый словарь В. И. Даля, не включающий в себя данный термин, дает, однако, объяснение понятия "консерватор". Это "боронитель, сохранитель, охранитель, охранник; кто блюдет настоящий порядок дела, управленья, противник новизны, перемен" [1]. Но только этим ограничивать содержание интересующего нас явления не следует.

Дело в том, что такие понятия как "либерализм", "консерватизм", "левые", "правые", "центр", используемые в современной политической лексике, вошли в обиход еще в первой половине XIX в. Как отмечает известный отечественный исследователь К. С. Гаджиев, за прошедшие десятилетия вкладываемое в них содержание значительно изменилось. Одни и те же идеи и концепции в разные исторические периоды и в различных ситуациях, различными личностями использовались и интерпретировались ради

достижения определенных целей неодинаково [2]. Чаще всего каждое из них, в том числе и "консерватизм", представляет собой гибридное образование, некий сплав очень разных идей, теорий и даже настроений. В разных странах порой одно и то же понятие ассоциируется с совершенно противоположными концепциями.

На протяжении многих десятилетий в отечественной исторической и особенно политической литературе под "консерватизмом" понималась "косная приверженность ко всему неизменному, устаревшему, отжившему и противодействие прогрессу, всему новому в общественно – политической жизни, науке, искусстве и т. д.". В политической деятельности консерватизм определялся как "реакционное направление, отстаивающее незыблемость капиталистического строя и господства эксплуататорских классов, выступающее против революционных, народно – освободительных, прогрессивных движений, за империалистическую внешнюю политику в интересах монополистического капитала" [3].

Подобные трактовки долгое время преобладали в учебниках и учебных пособиях, используемых как в средней, так и в высшей школе.

Однако победа консерваторов на выборах в ряде европейских стран (Великобритания, ФРГ) и США в конце 70 – х – начале 80 – х годов, успехи консервативных кабинетов в проведении экономической политики, сопровождавшиеся самым длительным за все послевоенные годы подъемом, да и в целом переосмысление и переоценка прежних подходов, заставили по – новому взглянуть на это явление.

Отечественным исследователям приходится мириться с тем, что до сих пор отсутствует и основательно разработанная и достаточно обоснованная теория консерватизма, и само понятие "консерватизм", пригодное для характеристики как явления в целом, так и его разнообразных типов и вариантов. Это приводит к значительному разбросу концепций и суждений. Зарубежные и отечественные ученые сталкиваются с трудностями в раскрытии характера взаимосвязи между политической, социальной, идеологической и психологической сторонами консерватизма, каждая из которых обладает относительной самостоятельностью. Сложности возникают и при выявлении соотношения национально – специфических и общих признаков [4].

Одни видят в консерватизме определенный образ мышления, умонастроение, другие – стиль поведения, третьи – форму идеологии. Но чаще всего под консерватизмом понимают политическую философию, тип политики, ориентированные на защиту традиционных

устоев, общественной жизни, незыблемых ценностей, противостоящие резкому обновлению, радикальным новациям [5]. Дать же универсальное определение понятия "консерватизм" очень трудно, поскольку "для каждой социально – культурной и политико – экономической традиции объектом сохранения оказываются совершенно различные, а зачастую противоположные и враждующие комплексы идей, ценностей, идеалов" [6]. На протяжении десятилетий "консервативными" назывались самые разные идеологические и политические течения.

Консерватизм существовал и существует в двух измерениях: как политическое движение и как идеология, причем консервативная система ценностей, консервативное мировоззрение не равнозначны консервативной политике, практике.

Возникновение консерватизма как политической идеологии связывают, как правило, с новым временем, с эпохой Просвещения и Великой французской революцией XVIII в., бросивших вызов "старому порядку". Тогда же началось и формирование самого понятия "консерватизм" (хотя сам термин как таковой и не употреблялся). Консерватизм стал своеобразной реакцией на угрозу традиционным ценностям, привычному образу жизни и мыслей, исходившую от революции. В конце XVIII в. противодействие революции шло прежде всего от дворянства. Это была своеобразная защитная реакция феодальной аристократии на развитие промышленного капитализма, угрожавшее ее привилегиям. Она была свойственна не только аристократии, но и имущим классам вообще, по мере развития революционных событий [7].

Общепризнанным "пророком консерватизма" считается английский политический деятель, философ и публицист *Эдмунд Бёрк* (1729 – 1797). В 1790 г. вышла в свет его книга *"Размышления о революции во Франции"*. В ней впервые были сформулированы главные принципы консерватизма. Выступая как противник идей европейского Просвещения и Французской революции, он доказывал, что общественная жизнь основывается на традициях, обычаях, моральных и материальных ценностях, унаследованных от предшествующих поколений и взаимосвязанных между собой. Стабильность, равновесие, постепенное обновление, спокойствие, естественность, преемственность и целостность – вот принципы, которым, по мнению Бёрка, должно следовать общество [8].

Сам термин "консерватизм" впервые был употреблен французским писателем *Франсуа Рене де Шатобрианом* (1768 –

1848), который в 1818 г. стал издавать журнал "Консерватор". С тех пор слова "консерватизм" и "консервативный", не имея четких значений и порою меняя их, употреблялись зачастую произвольно, что вызывает определенные трудности при научном анализе рассматриваемого явления.

В развитие консервативной мысли значительный вклад внесли Ж. де Местр, Л. де Бональд, А. де Токвиль, Ф. Генц, С. Колридж, У. Вордсворт, Ф. Ламенне, Х. Доносо Кортес, М. Шелер, О. Шпенглер, К. Поппер, М. Вебер и др. Они выработали главные принципы, систему ценностей, ставшей основой, на которой в течение многих десятилетий развивалась и трансформировалась консервативная идеология. Это: религиозная упорядоченность и целостность мира; понимание общества как духовной реальности, целостного организма, имеющего свою внутреннюю жизнь и хрупкую структуру; несовершенство общественных отношений и невозможность существенно изменить их к лучшему; приверженность общепризнанным человеческим нормам морали, традициям, авторитетам; сохранение стабильности, упорядоченности, естественного пути развития; недоверчивое и подозрительное отношение к радикальному отрицанию; преемственность, историческое единство прошлого, настоящего и будущего; уважение к мудрости предков; неизменность и несовершенство природы человека, ограниченность человеческого разума; естественное неравенство людей; скептицизм, свобода и ответственность [9].

Большинство современных отечественных исследователей консерватизма вплоть до недавнего времени видели в нем явление прежде всего тормозящее общественный прогресс, противодействующее развитию и совершенствованию человеческой личности.

Так, А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир понимают под ним "тип политики господствующих классов антагонистического общества с соответствующей идеологической надстройкой, с определенной партийно – организационной базой, который возник как реакция на Великую французскую революцию, вобрав в себя как феодально – аристократические, так и буржуазные компоненты. Консерватизм направлен против общественного прогресса, противодействуя ему разнообразными методами – от провозглашения готовности к ограниченным реформам до откровенного насилия..." [10].

"Будучи прежде всего социально – политическим и идеологическим явлением, разновидностью стратегии верхов, консерватизм, – по мнению авторов, – имеет также чрезвычайно важную психологическую сторону. Ему придают силу и

жизнеспособность глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, коренящиеся в психологии массовых слоев населения" [11].

В последние годы, однако, подходы российских ученых к определению сущностных черт данного феномена начали меняться.

Так, широкий, вневременной и даже аморфный взгляд характерен для С. П. Сокольского, который определяет консерватизм как приверженность ко всему существующему, устоявшемуся, независимо от того, что это значит в каждом отдельном случае [12].

А вот как пишет о консерватизме Л. Сигал: "Консерватизм — универсальное свойство человеческой природы... Человек консервативного склада это тот, кто по поводу новой затеи склонен заявить: — Подождите не надо спешить, давайте поразмыслим, быть может, старая система не так уж плоха, не стало бы еще хуже". Если негодность старой системы очевидна, консерватор, по мнению автора, попытается внести в нее такие изменения, которые были бы минимально достаточны. Он — решительный противник всякой крутой ломки, разрыва преемственности, попрания традиций [13].

Следует отметить, что консерватизм как тип политики привлекает исследователей в большей степени, нежели консерватизм как идеология. Последний — объект внимания немногих авторов (А. Ю. Мельвиль, П. Ю. Рахшмир, К. С. Гаджиев и др.). В этом плане интересна позиция А. М. Миграняна, который в качестве одной из центральных идей консерватизма определяет "представление о том, что человеческий разум ограничен в своих возможностях восприятия общества в его тотальности, осознания смысла и цели социального процесса и определения места человека в этом процессе" [14]. В глазах консерваторов "социальный процесс — это результат проб и ошибок, накопленный и переданный из поколения в поколение опыт, воплощающийся в институтах и ценностях, которые человек не сконструировал сознательно, а потому и не в состоянии ими управлять" [15].

Рассматривая соотношение революционного и эволюционного, автор обращает внимание на то, что консервативная мысль, проанализировав революционные процессы, происходившие во многих странах, многочисленные попытки осуществить радикальный разрыв с действительностью и реализовать на практике рационально сконструированную схематическую модель общества, в рамках которой были бы сняты все антагонистические противоречия, утверждает: все они неизбежно ведут к прямо противоположным результатам, укреплению эволюционных элементов общественного развития [16].

Для консерватизма, так же как и (а, пожалуй, даже в большей

степени, чем) для других идейно – политических течений, характерны отсутствие внутреннего единства и теоретическая разнородность. Поэтому обобщающий подход, рассмотрение явления в целом не дают полного представления о нем. Этому может способствовать типологический анализ. Именно он создает возможность выявления общих и особенных черт в национальных и исторических вариантах консерватизма.

Типология

Классификация консерватизма, особенно в историческом разрезе, крайне сложна. Объясняется это рядом факторов:

1. Любое явление, возникшее десятилетия, а то и столетия тому назад, не остается неизменным, раз и навсегда данным. В зависимости от исторической обстановки, национальных особенностей, позиций теоретиков и действий политических деятелей оно приобретает новые, порой изначально несвойственные ему черты, все время эволюционируя и трансформируясь в процессе приспособления к реальной политической ситуации. То, что в определенной политической и национальной культуре считается консервативным, не обязательно должно быть таковым же в контексте иной политической и национальной культуры, иной исторической ситуации.

2. Деление общества на либералов, консерваторов, социал – демократов и т.п. не обязательно совпадает в подходе к экономическим, политическим, социальным и культурным проблемам [17]. Многочисленные исследования общественного мнения показывают, что по разным вопросам люди могут выражать свое отношение по – разному, становясь одновременно носителями многих политических течений сразу.

3. Политическая философия консерватизма обладает определенной самостоятельностью по отношению к политическим программам соответствующих партий, позициям и заявлениям политиков [18]. Теория и практика не всегда накладываются друг на друга.

4. Сложность состоит также и в том, что каждое течение консерватизма в теории или на практике охватывает не какую – либо одну, а много проблем. Поэтому проблемный критерий систематизации, казалось бы, самый разумный и наиболее часто применяемый, неизбежно страдает однобокостью и узостью.

5. Типологизация затрудняется и еще одним обстоятельством. Очень часто то или иное течение политической мысли в ходе своего

развития, а чаще всего при реализации на практике, воспринимает отдельные элементы совершенно противоположных направлений, меняя при этом свою суть при минимальных изменениях в терминологии. Так консерваторы у власти, как показывает опыт, действуют более реалистично, сдержанно и осмотрительно, чем в оппозиции, порой прибегая к методам своих оппонентов [19].

Попытки типологизации консерватизма в научной литературе предпринимались не часто. Работы зарубежных авторов в большинстве своем не содержат подробного типологического анализа. Внимание отечественных исследователей, как правило, сосредоточено на современном консерватизме. Анализ же его исторических корней, истоков, различных исторических и национальных вариантов порой отходит на второй план.

В этом смысле в качестве удачного примера следует назвать работу А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира, в которой прослеживается возникновение и развитие консерватизма со времен Великой французской революции и дается подробная характеристика различных исторических типов этого общественно – политического течения. Авторы показывают, что в своем развитии консерватизм прошел ряд этапов. Начальный этап связан с концом XVIII – серединой XIX в., когда консерватизм оформился как идеология феодально – аристократической реакции на Французскую революцию и идеи Просвещения, для которой были характерны апология феодальных устоев и дворянских привилегий. Среди главных теоретиков этого типа консерватизма они выделяют Э. Бёрка, Ж. де Местра, Л. де Бональда, Ф. Генца, С. Колриджа, У. Вордсворта, Ф. Ламенне и др.

С середины XIX до начала XX в. консерватизм интенсивно наполняется буржуазным содержанием, представляя теперь своеобразный синтез феодально – аристократических и буржуазных элементов. Эволюцию консерватизма в подобном направлении авторы объясняют реакцией на революционные события 1848 – 1849 гг., объединившие все антиреволюционные силы и течения в "партию порядка". Идеологом такого консерватизма был Х. Доносо Кортес.

В основе различий между этими двумя типами лежало разное соотношение феодально – аристократических и буржуазных элементов в консервативной политике и идеологии [20].

В начале XX в. консерватизм превращается в одну из "разновидностей общеполитической политики" [21]. С одной стороны, растущее организованное рабочее движение и буржуазный

реформизм, ставший важнейшим инструментом политики верхов, а с другой стороны, рост правого радикализма привели к все большей внутренней дифференциации явления, в ходе которой и сложились его основные типы, сохранившиеся в общих чертах до сегодняшнего дня [22]. Авторы выделяют три основных типа консерватизма: *традиционалистский, реформистский (умеренный, либеральный), экстремистский (радикальный)* [23].

Традиционалистский консерватизм был связан с прошлым в большей степени, чем все остальные разновидности. В начале века значительную часть его сторонников составляла та землевладельческая аристократия, которая хуже приспособилась к капиталистическим методам ведения хозяйства. Традиционалисты, для которых была свойственна крайняя степень исторического пессимизма, отстаивали старые ценности и общественные устои [24].

Реформистский (либеральный, умеренный) консерватизм многое воспринял у либерализма. Это и приверженность социальным реформам, и стремление укрепиться в рабочей среде, и умеренная регулирующая деятельность государства. По словам П. Ю. Рахшмира, консерваторы – реформисты “ведут борьбу с либеральным и социал – демократическим реформизмом на его поле, принимая его правила игры” [25]. Консерватизм подобного типа преобладал в странах Запада в послевоенное тридцатилетие, когда там сложился либерально – консервативный консенсус.

Экстремистский (радикальный) консерватизм возник в начале столетия в рамках традиционалистского течения. Для него характерны крайние методы борьбы с политическими противниками и конкурентами в собственном лагере, стремление к национальному консенсусу на основе националистической пропаганды и практики авторитаризма [26]. Экстремистское направление сыграло существенную роль в формировании правого радикализма, в частности, фашизма (первая половина XX в.) и движения “новых правых” (70 – е годы XX в.).

Особенность приведенной выше типологии состоит в очевидной ее привязанности к европейскому региону и в том также, что она в большей степени может быть отнесена к консерватизму как разновидности политики, но не как к теоретическому направлению.

С иных позиций подходят авторы энциклопедического словаря “*Политология*”. В статье “Консерватизм” речь ведется о консервативной идеологии и выделяются три ее разновидности:

Традиционализм ставит акцент на необходимости сохранения

социальных устоев и соблюдения моральных традиций, присущих классическому рыночному капитализму, а в чем — то и феодализму (Бёрк, де Местр, де Бональд). "Вульгаризированным выражением" традиционализма является движение "новых правых" в США в 70—80-е годы XX в. Традиционализм, по выражению авторов словаря, — это "консерватизм в основном на уровне чувств и срежиссированных политических инициатив, игры на массовых настроениях".

Либертаризм характеризуется приверженностью идеям крайнего антиэтатизма, неограниченной свободы индивида. Теоретики этого течения (Ф. Хайек, Дж. Роулс) считают, что права индивида первенствуют перед интересами коллектива, государственное вмешательство в экономику недопустимо, государство всеобщего благоденствия является всего лишь вариантом социализма. Особенно усилились позиции либертаризма с конца 70-х годов нынешнего столетия.

Неоконсерватизм по ряду важнейших политических и социальных вопросов он очень близок к неолиберализму. От него была воспринята идея общественного развития, исторической, социальной и политической активности человека, демократизации политики и социальных отношений. Центральный аргумент неоконсервативной экономической политики — неэффективность "социалистических" (кейнсианских) методов государственного регулирования [27].

Этой типологии, не во всем совпадающей с классификацией Галкина и Рахшмира, но наиболее распространенной и частоупотребительной, придерживается целый ряд исследователей, в частности, английский историк Н. Эшфорд [28]. (Кстати, П. Ю. Рахшмир не употребляет для обозначения особого типа консерватизма термин "неоконсерватизм", объясняя это тем, что он не несет в себе содержательной методологической нагрузки, а только фиксирует новизну явления по сравнению с предшествующим этапом его эволюции. "Конкретно и содержательно эта новизна, по его мнению, раскрывается в современных модифицированных формах реформистского, традиционалистского и экстремистского консерватизма" [29].)

Свой вариант классификации, в основу которого положен критерий степени терпимости и жесткости по отношению к переменам, предлагают А. Щербинин и Н. Щербинина. По их мнению, в "качественном отношении" консерватизм имеет две разновидности:

1. *Культурный консерватизм* — терпим к переменам в обществе

и довольствуется лишь сохранением традиционной формы. В качестве примера такого консервативного политического сознания авторы приводят английское политическое течение эпохи Тюдоров, образовавшее консервативную партию.

2. *"Тупой" консерватизм* – является противоположностью первому. "Его уже не удовлетворяет только формальное воспроизведение "основ", и он не столь терпим к другим точкам зрения. Он требует буквального сохранения "принципов построения" старого общества. Авторы считают, что эта разновидность по содержанию ближе к реакции. Для них примером такого варианта консерватизма является характеристика российского консерватизма начала XX в., приведенная Н. Бердяевым в книге "Судьба России". Отмечая в качестве главной особенности российского консерватизма его разрушительный, а не охранительный характер, русский философ не считал его "истинным" консерватизмом [30].

Своеобразную типологизацию разработал В. Смолянский. Рассматривая эволюцию от теории конвергенции к неоконсерватизму, он условно выделяет три варианта современного неоконсерватизма:

1. *Конвергентно-неоконсерватистский вариант*, среди представителей которого – Д. Белл, автор концепции "постиндустриального общества". Он считал, что "социалистические и капиталистические общества, представлявшие собой разновидности индустриальной системы, могут конвергировать в своем экономическом развитии и давать тип централизованно – децентрализованной рыночно – плановой системы" [31].

2. *Собственно-неоконсерватистский вариант*. Его сторонники утверждают, что современное капиталистическое общество – это такое образование, которое исключает любые попытки изменить его, а его развитие всецело связывают лишь с традициями и привычками.

3. *Неоконсервативно- "глобалистский" вариант*. Он представлен прежде всего видным исследователем немецкого неоконсерватизма Г. Кальтенбруннером. По его словам, неоконсерватизм – не мировоззрение, а скорее искусство, своего рода терапия. Он не соотносится с какой – то определенной социальной системой, а идентифицируется с конкретно – исторической ситуацией; охватывает все идеологии, представляет интересы всего человечества. В. Смолянский видит в этом подходе стремление добиться создания такого "всечеловеческого сознания", которое строилось бы на современных буржуазных неоконсервативных взглядах [32].

В отличие от В. Смолянского, известный немецкий теоретик и идеолог современного консерватизма К. Биденкопф ограничивается выделением лишь двух его типов:

1. *Ценностный* — основывается на убеждении, согласно которому цель общества состоит в сохранении и воплощении основных ценностей: гражданское и человеческое достоинство, свобода слова, политический и идейный плюрализм, правовое государство и т. д.

2. *Структурный* — исходит из того, что стабильность общества обеспечивается "не сохранением ценностей, а общественными структурами". По словам Биденкопфа, раньше эти два типа консерватизма совпадали, но с развитием общества вступили в противоречие друг с другом [33].

Все перечисленные выше многообразные варианты не исчерпывают множественность существующих подходов к типам консерватизма. Консервативная идеология, как отмечалось выше, имеет национальную специфику. С учетом этого вариативность консервативных типов расширяется, а их классификация приобретает свои особые характеристики и оттенки, по многим параметрам отличающиеся от общей типологии.

Наиболее показателен в этом плане американский консерватизм. Сложность его типологического анализа состоит в том, что США традиционно считаются страной, в общественно — политической жизни которой преобладающей была либеральная тенденция, а консерватизм играл как бы подчиненную роль. Мы уже упоминали о том, что в Европе функции консерватизма первоначально заключались в сохранении старых, феодальных порядков. Но Америка, как известно, феодализма не знала. В таком случае, какое же место занимал консерватизм в американском обществе? Какова была его роль? В чем заключались его функции?

США представляют собой пример того, как явление, консервативное для одной нации, одной политической культуры, не является таковым же для другой. Да и применение к США европейских стандартов не всегда удачно, т. к. они не учитывают специфику американского общества, его сегментированность, децентрализованность и историю этой страны в целом. Парадокс и специфика американского консерватизма состоят в том, что он направлен не на сохранение феодализма, которого, как известно, не было на американском континенте, а на защиту, сохранение той либеральной традиции, тех либеральных

ценностей, которые, став основополагающими для американцев, были закреплены в Декларации независимости и Конституции США (подробнее об этом см. работы В. В. Согрина).

Проблемы типологического анализа применительно к США достаточно обстоятельно, подробно и, что очень ценно, в историческом разрезе рассматриваются в ряде работ А. Ю. Мельвиля. Анализируя исторические и идейные традиции консерватизма в США, он выделяет три основных направления, по которым шло формирование различных типов консервативной идеологии в этой стране.

Первое направление представляло собой заимствование компонентов классической европейской консервативной идеологии. На протяжении американской истории этот тип консерватизма, называемый автором "социальным", существовал в нескольких различных формах, обслуживающих интересы различных группировок американской буржуазии: 1) южной плантаторско-рабовладельческой аристократии XVIII – середины XIX вв.; 2) буржуазии, не сумевшей приспособиться к бурным темпам индустриализации и монополизации американского общества в конце XIX в., апеллировавшей к прошлому как к эпохе социальной стабильности; 3) буржуазии, взявшей на вооружение в 30 – 40 – е годы XX в. элементы классического консерватизма, которые составили основу новой формы консерватизма – *традиционализм*. Требуя невмешательства государства в сферу рыночных отношений, больше всего традиционалисты были озабочены социальной и морально-религиозной проблематикой [34].

Второе направление связано с инверсией классического либерализма в период перехода к ГМК, когда либеральные идеи приобрели консервативное значение, а консервативные постулаты, наоборот, наполнились либеральным содержанием. В конце XIX в. свободный рынок перестал быть критерием скорости прогресса. В итоге классическая либеральная идеология "свободного рынка" приобретает консервативную функцию. На ее основе и формируется специфически американский тип идеологии "*рыночного*" консерватизма, называемый иногда "твердым индивидуализмом". Этот тип консерватизма возник из противоречий американской либеральной традиции. Зародился он после победы северян в гражданской войне и широко распространился в 80 – 90 – е годы XIX в. Из него – то и вышел *либертаризм* – реакция на реформы "нового курса" со стороны тех буржуазных кругов, которые не могли

приспособиться к перерастанию капитализма свободной конкуренции в ГМК. Он отражал интересы широких кругов бизнеса, не связанного с государственным сектором и резко противящегося государственному вмешательству. А. Ю. Мельвиль называет этот тип "экономическим консерватизмом".

Третье направление (неоконсерватизм) представляет собой реакцию на кризис в 70-е годы XX в. господствующих государственно-монополистических форм американского либерализма, его идеологии и социально-экономической политики. Его сторонники в принципе признают необходимость вмешательства государства в экономику и принятия им на себя целого ряда социальных функций, однако требуют ограничения и сокращения этого вмешательства в противовес увеличению роли рыночных механизмов [35].

К. С. Гаджиев, правда, считает "не совсем корректной" позицию А. Ю. Мельвиля в отношении включения либертаризма в консервативное течение [36], предлагая свой вариант типологии современного американского консерватизма. Он выделяет три его разновидности: 1) группировку *неоконсерваторов*, сформировавшуюся в 70-е годы в результате отхода части бывших либералов "нового курса" от буржуазного реформизма; 2) "*новые правые*", представлявшие собой конгломерат разнородных группировок, сформировавшихся в 80-е годы и отличавшиеся сильным популизмом, экстремизмом и нетерпимостью; 3) *традиционализм* и "*старые правые*" [37].

Проблема типологизации консерватизма, но уже применительно к ФРГ, рассматривается и А. А. Френкиным [38]. Причем, сам автор, сравнивая различные типологии, ставит ряд проблем, от решения которых зависит многое в научном анализе консерватизма как идеологического и идейно-политического течения. Так, анализируя подходы к этой проблеме ряда немецких авторов, он приводит систематизацию К. Хорнунга, выделившего среди консервативных политико-философских теорий XIX в. четыре направления: *либеральное* (Берк, Штайн, Токвиль, "федералисты", в США), *легитимистское* (де Местр, де Бональд, Доносо Кортес), *романтическое* (Мюллер, Геррес) и *реальнополитическое* (Бисмарк, Дизраэли) [39]. Френкин, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает уязвимость подобной классификации, т. к. в ней в один ряд произвольно сведены философы и политики (кстати, это характерно и для многих других вариантов типологии, а не только для приведенного выше).

А. А. Френкин приводит и систематизацию современного консерватизма, данную К. Хорнунгом. В ней выделяются 6 типов:

1. *"Ордолиберализм"* главное видит в разрешении противоречия между рынком и бюрократией. Сторонники этого направления выступают как против бесконтрольности монополий, так и против тоталитарной угрозы свободам со стороны государства, в случае если оно берет на себя неограниченные социальные функции. Безграничное же господство рыночных структур представляет опасность в плане разрушения морали. Общество, функционирующее на принципах рыночного хозяйства, должно иметь нравственные основы.

2. *Католический неоконсерватизм* простирается от христианской социальной философии до универсалистских консервативных теорий, исходящих из естественного права.

3. *Национал-консерватизм* – скорее правое, а не консервативное направление. Пытается продолжить идеи "консервативной революции" и ницшеанской критики культуры.

4. *Технократический неоконсерватизм* связан со сменой традиционных идейно – политических течений, когда левые восприняли классические консервативные позиции в критике цивилизации и технического прогресса, а консерваторы обратились к проблемам науки, техники и индустриального общества.

5. *Политико-экологический неоконсерватизм* продолжает либерально – консервативную традицию, требует консервативных политических мер для сохранения правового государства. Центральная тема социальной философии – управляемость общества.

6. *Просвещенный неоконсерватизм*, не противопоставляя себя демократии, считает, что ей угрожает плюрализм, социальные притязания и бюрократизация [40].

Несмотря на множество типов консерватизма, выделенных Хорнунгом (а в этом плане он – один из рекорсменов), его классификация представляется А. А. Френкину также не вполне удовлетворительной, т.к. она не охватывает современный консерватизм во всей его широте [41] : проблемный подход оставил за пределами такие фундаментальные для неоконсерватизма элементы, как концепция "врага", тема приоритетности внешней политики и т. д. [42].

В книге А. А. Френкина приводится и типология консервативных мыслителей видного западногерманского теоретика неоконсерватизма К. фон Шренк – Нотцинга, который делит их на три категории: 1) *"контрреволюционеры"*, исходящие из необходимости

восстановления заданного порядка как с точки зрения естественного права, так и в философском отношении; 2) "либеральные консерваторы", которые, исходя из существующего, из статус – кво, выделяют опасности, возникшие перед личностью, и противостоят им; 3) "номиналисты", которые хотят не восстановления какого – то старого порядка, а формирования нового [43].

Все приведенные выше классификации, по мнению А. А. Френкина, имеют один существенный недостаток – разнородную основу систематизации, отсутствие ее четко обозначенных критериев. И это действительно так. Но, может быть, само анализируемое явление, в основе своей достаточно расплывчатое, множественное и понимаемое разными исследователями по – разному, провоцирует к этому?

Сам автор при определении типов консерватизма предлагает исходить прежде всего из политической философии изучаемого объекта. В ней он выделяет две центральные идеи: а) подчинение индивида государству и б) обеспечение политической и духовной общности нации. Первая направлена на укрепление власти, вторая выполняет интеграционную функцию. Реализация этих идей предусматривает: "усиление политических институтов при ограничении демократии; установку на кризисные ситуации и готовность в связи с этим к чрезвычайным средствам для подавления "врага"; опору на идеологию и религию как на интеграционные структуры".

Это и составляет суть концепции современного консерватизма, исходя из которой А. А. Френкин выделяет три главных течения в неоконсерватизме ФРГ: либеральное, "умеренное" и правое [44]. При этом он не склонен отождествлять "умеренный" консерватизм с либеральным, как это делает в своих трудах А. А. Галкин [45], точно так же как и с реформистским, т. к. реформизм, по его мнению, присущ всем направлениям консерватизма [46].

Особенность научного анализа А. А. Френкина состоит в том, что при типологизации он избегает нередко встречающегося у исследователей смешения консерватизма как теории и консерватизма как политического движения [47], хотя с точки зрения терминологии существенной разницы в его подходах не наблюдается. Классифицируя современный консерватизм в ФРГ как политическое движение, он выделяет его разновидности в соответствии с приведенными выше течениями: *либеральный (технократический), "умеренный", правый* [48].

Более полное и наглядное представление о многообразии существующих типов классификации консерватизма дает таблица:

ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Авторы	Типы консерватизма
Рахшмир П. Ю.	либеральный (реформистский), традиционалистский, экстремистский
Мельвиль А. Ю.	традиционализм, либертариизм, неоконсерватизм
Гаджиев К. С.	традиционализм, неоконсерватизм, "новые правые"
Смолянский В.	конвергентно-неоконсерватистский, собственно-неоконсерватистский, неоконсервативно-"глобалистский"
Щербинин А. Щербинина Н.	культурный консерватизм, "тупой" консерватизм
Френкин А. А.	либеральный, "умеренный", правый
Злобин К. С.	традиционализм, либертариизм, неоконсерватизм, "новые правые"
Хорнунг К. (ФРГ)	ордолиберализм, католический неоконсерватизм, национал-консерватизм, технократический неоконсерватизм, политико-экологический неоконсерватизм, просвещенный неоконсерватизм
Биденкопф К., Эпплер Э. (ФРГ)	ценностный, структурный
Джирвин Б. (Великобритания)	либерально-консервативный, христианская демократия, авторитарный консерватизм
Гранд Э. (Великобритания)	авторитарный, экоконсерватизм, консерватизм рабочего класса, неоконсерватизм

Источники: Рахшмир П. Ю. Типология современного консерватизма. М., 1986. С. 16 – 41; Мельвиль А. Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно – политической жизни США 80 – х годов. М., 1986. С. 37 – 44; Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980. С. 56 – 140; Гаджиев К. С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 55 – 74; Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации. М., 1990. С. 19; Смолянский В. Развешанные мифы советологов. М., 1981. С. 64; Щербинин А., Щербинина Н. Консерватизм: удаля или пути? // Вестник высшей школы. 1992. № 1. С. 53; Френкин А. А. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990. С. 45 – 46; Злобин К. С. Влияние неоконсерватизма на внешнюю политику США в 80 – е годы. Автореферат ... канд. истор. наук. М., 1988. С. 16; Гарбузов В. Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Политические исследования (Полис), 1995. № 4. С. 60 – 68. The Transformation of Contemporary Conservatism / Ed. by B. Girvin. L., 1988. P. I – VII, 64.

Пестрота и многообразие типов консерватизма, а также разнообразные подходы исследователей к нему, не охватывают все стороны этого сложного и внутренне противоречивого идейно –

политического течения [49]. Возможно, и не следует стремиться к созданию какой-либо универсальной классификации. В любом случае она будет слишком условной. Специфика же консерватизма, заключающаяся прежде всего в охранительном аспекте (незыблемость традиций, связь с историческим прошлым, сохранение моральных, идеологических, экономических, политических и культурных ценностей) проявляется по-разному, в зависимости от исторических обстоятельств и политических реалий, формируя различные типы одного и того же явления.

Приведенные выше многочисленные, но далеко не все варианты типологий консервативной мысли актуализируют вопрос о научно выверенных критериях типологизации. Его неразработанность — одна из причин чрезмерной вариативности в подходах к исследуемому явлению, что не только не способствует конструктивному научному анализу, а наоборот, усложняет его. Главная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что при классификации консерватизма ученые в значительном своем большинстве даже не затрагивают вопрос о критерии, не говоря уже о его обосновании. Разнородная основа типологизации неизбежно приводит к соединению в одном направлении идеологов и политиков, либо к необоснованному дроблению типов и классов консерватизма. Так что создание классификации, включающей в себя все их многообразие, и решение проблемы научного критерия их качественной однородности, очевидно, дело будущего.

Современный консерватизм

Во второй половине XX в., особенно с середины 70-х годов, само понятие консервативного становится несколько иным. Не отказываясь от старой системы ценностей, основы которой были заложены еще в конце XVIII в., консервативная идеология под влиянием перемен приобрела новые черты. Именно они и придали специфику современному консерватизму (неоконсерватизму). (Кстати, даже в использовании самого термина "неоконсерватизм" в научной литературе наблюдается отсутствие единства. Первоначально он использовался для характеристики американских идеологов — либералов 70-х годов, чьи взгляды претерпели сдвиг вправо, в результате которого они перешли на позиции консерватизма. Тогда ряды демократической партии США, главной силы либерализма, покинуло около четверти ее членов. Позже под неоконсерватизмом одни

исследователи стали понимать современный консерватизм в целом, а другие — одну из его разновидностей.)

Политическая теория неоконсерватизма исходит из идеи сильного государства и порядка. Государство не должно испытывать воздействие со стороны групповых интересов. Единство общества, основанное на общности нации, государственных целей и интересов, имеет решающее значение, а социальные, партийные, групповые и иные различия — подчиненное. Сильное, даже авторитарное государство — основа политического и социального развития общества, залог стабильности и порядка. Идея сильного государства, как правило, в большей степени воплощается во внешней политике, требующей серьезной координации со стороны государственных органов.

Социальная концепция неоконсерваторов, исходя из неизбежности социального неравенства, основывается на антиэгалитаризме. Искусственное уравнивание вредно, поскольку подрывает естественный порядок, сложившийся в обществе как саморегулирующейся системе, а также вертикальную мобильность в нем. По мнению консерваторов, следует говорить о "равенстве возможностей", но не о "равенстве результатов". Именно в этом и должна проявляться свобода индивида. "Если каждому дать свободу проявлять свои возможности, то справедливость установится в итоге самой конкуренции". Социальное неравенство оправдано и приемлемо тогда, когда у всех есть *равенство шансов* [50].

Со второй половины 70-х годов все более и более популярной в странах Запада становится *экономическая теория* неоконсерватизма. Связано это было с технологической революцией и структурным кризисом современного капитализма, который проявлялся в длительной стагнации старых, традиционных отраслей промышленности, в сбоях функционирования кредитно — денежной системы и международной торговли, стагфляции, кризисе сложившихся к тому времени форм организации экономики, а также с невозможностью решения возникших проблем на путях усиленного государственного регулирования [51]. Ввиду особой важности этой проблемы для понимания анализируемого нами явления остановимся на ней более подробно.

На протяжении послевоенных десятилетий многие ученые и политики считали, что возможности экономики западных стран практически беспредельны, а главной заботой регулирующей деятельности государства должно стать обеспечение платежеспособного спроса.

Товарное производство можно представить в виде двух чаш весов: спроса и предложения. Соотношение между ними является наиболее зрительным показателем состояния дел в любой экономике.

Под *совокупным спросом* понимается общая сумма денежных средств, расходуемых на покупку товаров и услуг за определенный период времени. Эта сумма включает платежеспособный спрос населения на потребительские товары и услуги, спрос всех частных и акционерных учреждений и фирм на станки, машины, оборудование, сырье, строительные материалы, услуги и т. д., спрос государственных учреждений на товары и услуги. Размеры спроса зависят в первую очередь от уровня доходов населения и сумм, выделяемых производителями на приобретение средств производства.

Результаты производства, принимающие форму товара, выражает *предложение*. Под ним, как правило, понимается товар или услуги, которые могут быть поставлены на рынок. Проще говоря, это то, что находится на прилавках магазинов, а также предлагается потребителю в виде услуг [52].

Увеличение спроса способно вызвать соответствующее увеличение масштабов производства, ускорение темпов его развития, сокращение безработицы. Воздействие на спрос предполагало увеличение государственных расходов, особенно на социальные нужды (пенсии, пособия по безработице и т. п.), бюджетные методы стимулирования деловой активности (система государственных закупок, заказов), государственное субсидирование корпораций в целях роста производства. Необходимость проведения такой политики была обоснована в работах одного из крупнейших экономистов XX в. Дж. Кейнса. Он считал, что негативные тенденции, сопутствующие ей (дефицит бюджета, инфляция) не опасны. Более того, они рассматривались как важнейший рычаг стимулирования экономики через расширение спроса, средство борьбы с безработицей и экономическими кризисами.

Учение Кейнса (кейнсианство) заняло ведущее место в экономической политике развитых государств Запада (особенно США и Англии) в послевоенный период. Им руководствовались почти все американские президенты, начиная с Ф. Д. Рузвельта (особенно демократы). Рекомендации Кейнса во многом оказались полезными: они смягчали удары кризисов и способствовали трансформации капитализма в более совершенное, социализированное общество.

Но на рубеже 70–80-х годов они уже исчерпали себя, уступив место неоконсерватизму. Экономическая концепция неоконсерваторов основывается на *антиэтатизме*, теории классического буржуазного либерализма (отсюда — путаница в понятиях), предусматривающей решительное ограничение вмешательства государства в хозяйственную сферу. Государственные функции, по мнению неоконсерваторов, следует применять преимущественно в политических целях. Когда же дело касается экономики, консерваторы становятся либералами, доказывающими, что государственное регулирование, регламентирование, планирование, любые формы централизации и контроля мешают свободному предпринимательству и душат конкуренцию, которые являются единственными двигателями общества. Радикальное вмешательство в него нарушает естественное состояние, приводит к непредсказуемым, часто негативным, даже катастрофическим последствиям, хроническому расстройству всей системы.

Наиболее яркими представителями современного консерватизма являются *Милтон Фридман* и *Фридрих фон Хайек*. В основе их подходов лежит *"экономика предложения"* и теория *"монетаризма"*, предусматривающая жесткий контроль над денежным обращением. Рецепты этих экономистов — полная противоположность теории Кейнса. В соответствии с ними, воздействие на спрос — губительно для рыночной экономики. Именно кейнсианские методы регулирования и завели ее в тупик. Благодаря им западная экономика приобрела хронические болезни — ползучую инфляцию и постоянный бюджетный дефицит. Государственное вмешательство, превысив все мыслимые пределы, стало представлять угрозу свободному предпринимательству. Регулирование спроса нарушило естественный процесс хозяйственных корректировок с помощью механизмов конкуренции и свободного ценообразования.

Кроме этого, взваливая на себя непосильный груз планирования, регулирования и социальных программ, государство тем самым способствует увеличению бюрократии, введению новых налогов и росту цен. Все это снижает эффективность государственного управления.

Активная социально – экономическая деятельность государства ведет также к опасным трансформациям в общественном и индивидуальном сознании – “к деморализации бедных, паразитизму, тунеядству, лени, социальному иждивенчеству, непомерно и необоснованно растущим притязаниям и претензиям к государству, парализует инициативу, нарушает суверенность и свободу личности...” [53], подрывая традиционные ценности буржуазного индивидуализма.

Необходимо реабилитировать классический капитализм, говорили неоконсерваторы, возродить веру в его эффективность и возможности экономического роста без дополнительных подпорок со стороны государства и денежных вливаний из государственного бюджета. Итак, вместо воздействия на спрос Фридмэн и Хайек предлагали стимулировать предложение. Как же эти теоретические установки были реализованы на практике?

Обратимся к истории США 80 – х годов, поскольку находившаяся тогда у власти республиканская администрация Р. Рейгана проводила свою социально – экономическую политику именно в духе неоконсерватизма. С целью стимулирования предложения, изменения его структуры, активизации предпринимательской деятельности программа Рейгана предусматривала сокращение ставок личных подоходных налогов и налогов на прибыли, ограничение роста правительственных расходов (в том числе ликвидация ассигнований на большинство программ вспомоществования) в целях уменьшения дефицита государственного бюджета, пересмотр и сокращение объема законодательства, регламентирующего различные аспекты экономической деятельности, контроль над массой денег в обращении.

Уже в 1981 г. начали осуществляться основные мероприятия программы Р. Рейгана. Главной из них была налоговая реформа. В июле произошло самое значительное в истории США снижение налогов. Сокращались ставки личного подоходного налога, ставки налогов на незаработанные доходы – от акций, облигаций, продажи недвижимости. Закон предусматривал налоговое стимулирование сбережений. Большие налоговые льготы получили корпорации, специальные льготы предоставлялись малому бизнесу. Налоговый акт 1986 г. снизил максимальную ставку налогообложения до 28% (в 1980 г. она составляла 50%) [54].

Основной целью снижения налогов было стимулирование не спроса, а предложения, т. е. развитие производства, повышение его технического уровня, изменение структуры товаров и услуг, предлагаемых населению и т. д. Администрация исходила при этом

из того, что группировки с высокими доходами большую часть денег, остающуюся у них после сокращения налогов, направляют в сбережения, которые будут использоваться для кредитования капиталовложений, т. е. для расширения и совершенствования производства, особенно наукоемких отраслей. Ранее эти средства шли в федеральный бюджет, а оттуда – на социальные программы.

Параллельно с этим администрация Рейгана ограничила рост бюджетных расходов за счет сокращения ассигнований на социальные нужды (чем вызвала недовольство части американцев), содержание правительственного аппарата, проводила ряд других мероприятий.

Экономические преобразования Р. Рейгана ("рейганомика") явились одним из факторов длительного экономического подъема в США (с ноября 1982 по 1990 гг.), которого они не знали за все послевоенные годы.

Однако не следует воспринимать Р. Рейгана и его администрацию как неистовых и крайних консерваторов, стремившихся вернуть общество к некогда существовавшему и теперь забытому статус – кво. В своей политике, особенно во второй половине 80–х годов, американские консерваторы не шли на полное разрушение той системы государственно – монополистического регулирования, которая была создана после войны (особенно при администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона). Речь велась о ее совершенствовании, модификации и приспособлении к реалиям последней четверти XX в.

Реформы в неоконсервативном русле проводились также кабинетами М. Тэтчер в Великобритании, правительствами Г. Коля в ФРГ и Ж. Ширака во Франции [55].

...

Подведем итоги. Консерватизм как течение общественно – политической мысли, возникший в конце XVIII в. и первоначально направленный на защиту от влияния Французской революции старого, привычного образа жизни и мыслей, традиций и авторитетов, за два столетия своего существования претерпел существенную эволюцию. В результате этого понятия "консерватизм" и "консервативный", особенно сегодня, приобрели более широкий смысл и значение. Конечно, основные компоненты, свойственный консерватизму изначально, сохранились. Они являются базой для дальнейшей постоянной трансформации самого явления. Но, вбирая в себя различные концепции, теории и даже психологию масс, консерватизм приобрел противоречивость, разнородность, аморфность и

незавершенность своих теоретических положений. Не случайно, некоторые ученые склонны видеть в консерватизме скорее определенное умонастроение, чем сколько — нибудь последовательно и четко сформулированный комплекс идей и понятий. Так что говорить о консерватизме как о едином и целостном направлении общественно — политической мысли вряд ли возможно.

Разнородность консервативной идеологии и политики проявляется в различных типах и вариантах. Их систематизация, как и систематизация любого многоструктурированного, расплывчатого и развивающегося явления, крайне затруднена. Исследователь, изучающий проблемы консерватизма, сталкивается с препятствиями, преодоление которых не всегда приводит к желаемым и определенным результатам. В чем же здесь причина? Она состоит в самом явлении. Сам консерватизм провоцирует к этому. Действительно, ведь объект сохранения, консервации в разных странах, у разных народов, в различные исторические эпохи — почти всегда неодинаков. Это приводит к тому, что каждый период истории, каждая нация привносит в понимание "консервативного" что — то новое, свое, а это в свою очередь ведет к несовпадению национально — специфических особенностей с общими характеристиками.

Этим, возможно, объясняется и отсутствие до сих пор научно — обоснованного критерия (или критериев) типологии консерватизма, что позволяет ученым достаточно свободно группировать те или иные идейные и политические течения, внося тем самым еще большее разнообразие в его научное осмысление.

Следует признать, что консерватизм, при всей вариантивности подходов к нему, существующих как за рубежом, так и в нашей стране, чаще всего рассматривается как одно из течений идеологии и политики (наряду с либерализмом, социал — демократизмом и др.). Но консерватизм, в отличие от всех этих течений, существующих рядом и вместе с ним, обладает, на наш взгляд, очень важной и в своем роде уникальной особенностью, суть которой состоит в следующем: **консерватизм существует и внутри каждого из этих течений.** Что здесь имеется в виду?

Известно, что окружающий нас мир постоянно меняется, но характер, масштабы и скорость перемен, происходящих в нем, различны. Любой теоретик или политик (если он не окончательно оторван от реальности), разрабатывающий или реализующий на практике преобразования, вносящие новое в сложившийся образ жизни и мыслей, на какой — то определенной стадии будет заинтересован в том, чтобы

закрепить, зафиксировать, законсервировать их. Стремление жить в стабильном, спокойном и определенном мире, а не пребывать в состоянии постоянных перемен или (что еще хуже) хаоса, является преобладающим. В этом плане даже самый революционный революционер консервативен, т. к. рано или поздно к нему приходит осознание неизбежности фиксации тех преобразований, на которые потрачены силы.

На первый план в данном случае выходит уровень жесткости в попытках закрепить перемены. Причем, в большей степени это относится к консервативной практике, чем к теории. Большой или меньший уровень жесткости в стремлении к фиксации приводит к самым разнообразным вариантам консерватизма. Наложённые на национальную, историческую и географическую специфику, они способны вызвать к жизни еще большее количество типов. И так — до бесконечности. Однако, учитывая все это разнообразие и калейдоскопичность, важно помнить о действительности. А она заключается в том, что очень часто типы консервативной теории и политики как бы наплаывают, накладываются друг на друга, если не целиком, то частично, приводя к стиранию четких граней между собой. Вероятно, поэтому трудно делать окончательные выводы и говорить определенно о явлении, которое по сути своей определенным не является.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1994. С. 386.
2. *Гаджиев К. С.* Американский консерватизм (Проблемы типологизации) // Проблемы американистики. Вып. 8: Консерватизм в США: прошлое и настоящее: Сборник / Под ред. *Язькова Е. Ф.* М., 1990. С. 165.
3. Краткий политический словарь. М., 1983. С. 145. См. также БСЭ. Т. 13. С. 38.
4. *Рахшмир П. Ю.* Консерватизм в современном мире // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 200–201; *Рахшмир П. Ю.* Типология современного консерватизма. М., 1986. С. 7.
5. См.: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 139–141.
6. *Пияшева Л. И.* Экономическая сущность неоконсерватизма // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 3. С. 78.
7. *Галкин А. А., Рахшмир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987. С. 10.
8. См.: *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993; *Галкин А. А., Рахшмир П. Ю.* Ук. соч. С. 11–16; Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 54–55.

9. Мигранян А. М. Переосмысливая консерватизм. // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 115.
10. Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Ук. соч. С. 5.
11. Там же.
12. Сокольский С. П. Консерватизм, либерализм, социализм... // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 8. С. 89.
13. Сигал Л. Совесть консерватора // Век XX и мир. 1992. № 2. С. 9.
14. Мигранян А. М. Ук. соч. С. 114–122.
15. Там же. С. 116.
16. Там же. С. 121.
17. Гаджиев К.С. Ук. соч. С. 159–160.
18. Френкин А. А. Западнoгерманские консерваторы: кто они? М., 1990. С. 45.
19. Там же. С. 43.
20. Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Ук. соч. С. 61.
21. Там же. С. 60.
22. Там же. С. 61.
23. Там же. С. 61–62.
24. Там же. С. 62.
25. Всеобщая история: дискуссии, новые подходы... С. 205.
26. Там же. С. 206.
27. Политология. Энциклопедический словарь... С. 139–141.
28. Кирьянов И. К., Подвинцев О. Б. Консерватизм в современном мире // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 279.
29. Всеобщая история: дискуссии, новые подходы... С. 210.
30. Щербинин А., Щербинина Н. Консерватизм: удаля или путы? // Вестник высшей школы. 1992. № 1. С. 53.
31. См.: Смолянский В. Развеванные мифы советологов. М., 1981. С. 64.
32. Там же. С. 64–65.
33. См.: Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации. М., 1990. С. 19.
34. Мельвиль А. Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно–политической жизни США 80–х годов. М., 1986. С. 37–44.
35. Там же. С. 37–44. Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980. С. 56–140.
36. Гаджиев К. С. Американский консерватизм (Проблемы типологизации)... С. 176.
37. Там же. С. 179–180.
38. Френкин А. А. Ук. соч. С. 45.
39. Там же.
40. Там же. С. 45–46.
41. Там же. С. 46.
42. Там же. С. 47.
43. Там же. С. 49.
44. Там же. С. 47.
45. Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Ук. соч. С. 161–164.
46. Френкин А. А. Ук. соч. С. 47.

47. Там же. С. 43.
48. Там же. С. 48.
49. Более подробно о других вариантах классификации консерватизма см.: Трансформация современного консерватизма. М., 1990.
50. Френкин А. А. Ук. соч. С. 18–19.
51. См.: История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945–1990 / Под ред. Язькова Е. Ф. М., 1993. С. 270.
52. Политическая экономия. Словарь. М., 1983. С. 421–422; Борисюк В. И., Шамберг В. М. Экономический и социальный портрет США. М., 1990. С. 14.
53. США глазами американских социологов: политика, идеология, массовое сознание. М., 1988. С. 19; Френкин А. А. Ук. соч., С. 18.
54. История новейшего времени... С. 295; См. также: Борисюк В. И., Шамберг В. М. Ук. соч.
55. См.: История новейшего времени... С. 307–313, 331–333, 321; Перегудов С. П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996; Степанова Н. М. Британский неоконсерватизм и трудящиеся. 70–80–е годы. М., 1987; Диманис М. ХДС и СДПГ: два концептуальных подхода к государству. // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 7.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. О заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.
2. Востриков П. Неоконсервативная экономическая теория и практика "рейганомики" // Мировая экономика и международные отношения, 1984. № 11. С. 94–107.
3. Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. 50–70–е годы. М., 1982.
4. Гаджиев К. С. Современные идеологические течения в США. М., 1982.
5. Гаджиев К. С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 55–74.
6. Галкин А. А., Рахмимир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987.
7. Гарбузов В. Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Политические исследования (Полис), 1995. № 4. С. 60–68.
8. Гарбузов В. Н. Проблемы типологии американского консерватизма в работах отечественных исследователей // Кн.: Национализм, консерватизм и либерализм в новой и новейшей истории Запада: Межвузовский сборник научных трудов. Калининград, 1996. С. 80–87.
9. Григорьян Б. Т. "Просвещенный" консерватизм // Вопросы философии, 1979. № 12.
10. Замошкин Ю. А., Мельвиль А. Ю. Между неолиберализмом и неоконсерватизмом // Вопросы философии, 1976. № 11. С. 97–108.
11. Капелюшников Р. Философия рынка Ф. Хайека // Мировая экономика и международные отношения, 1989. № 12. С. 15–26.
12. Кепеци Б. Неоконсерватизм и "новые правые". М., 1986.

13. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы "круглого стола") // Политические исследования (Полис), 1995. № 4. С. 33–59.
14. Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980.
15. Мельвиль А. Ю. Современное политическое сознание в США. М., 1980.
16. Мельвиль А. Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно – политической жизни США 80–х годов. М., 1986.
17. Миграция А. М. Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии, 1990. № 11. С. 114–122.
18. Осадчая И. Теоретическая платформа современного консерватизма в США // Мировая экономика и международные отношения, 1982. № 7.
19. Осипова Е., Соколова Р. Кризис цивилизации и неоконсерватизм // Общественные науки и современность, 1993. № 3. С. 94–106.
20. Проблемы американистики. Вып. 8: Консерватизм в США: прошлое и настоящее: Сборник / Под ред. Язькова Е. Ф. М., 1990.
21. Пяшева Л. И. Экономическая сущность неоконсерватизма // Рабочий класс и современный мир, 1988. № 3. С. 78–92.
22. Рахшмир П. Ю. Типология современного консерватизма. М., 1986.
23. Рахшмир П. Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история, 1990. № 1. С. 48–62.
24. Сигал Л. Совесть консерватора // Век XX и мир, 1992. № 2. С. 9–13.
25. Согрин В. В. Этапы американского консерватизма // Новая и новейшая история, 1991. № 5. С. 47–64.
26. Согрин В. В. Либерализм и консерватизм – центральные идейно – политические традиции США // Американский ежегодник. 1992. М., 1993.
27. Согрин В. В. Идеология в американской истории: от отцов – основателей до конца XX века. М., 1995.
28. США: консервативная волна / Под ред. Мельвиля А. Ю. М., 1984.
29. Френкин А. А. Феномен неоконсерватизма // Вопросы философии, 1991. № 5. С. 66–74.
30. Френкин А. А. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990.
31. Щербинин А., Щербинина Н. Консерватизм: удаля или пути? // Вестник высшей школы, 1992. № 1. С. 53–59; № 7–9. С. 76–81.

В. Т. Юнгблюд

Ф. Д. РУЗВЕЛЬТ И У. ЧЕРЧИЛЛЬ: ДВА ЛИДЕРА В ОДНОЙ ВОЙНЕ

В сознание человечества 1939—1945 годы вошли как время, когда было покончено с нацистской угрозой и победоносные народы антигитлеровской коалиции впервые за всю историю обрели надежду на справедливый мир и всеобщую безопасность.

Разгром фашистско— милитаристской “оси” был важнейшим, но отнюдь не единственным итогом тех лет. Война ускорила закат могущества некогда всесильной Британской империи и, одновременно, обеспечила превращение Соединенных Штатов в один из доминирующих силовых центров. Испытание в 1945 г. ядерного оружия окончательно подвело черту под процессом складывания новой конфигурации мироустройства и фактически произвело революцию, как в военной стратегии, так и в методах международного общения.

Президент США Ф. Д. Рузвельт и премьер— министр Великобритании У. Черчилль, безусловно, принадлежат к числу деятелей, чей вклад в историю мира тех лет был самым крупным. Воля, ум, проицательность, выдающиеся организаторские способности, чувство времени и понимание своей роли в истории делали из них безусловных лидеров западной цивилизации в переломные годы ее развития. Вместе с И. В. Сталиным они стояли во главе антигитлеровской коалиции, победившей во Второй мировой войне.

Уже не одно поколение историков изучает их наследие, обращая внимание на

мельчайшие нюансы их личных отношений, анализируя происхождение совместных инициатив и характер разногласий.

Адмирал У. Леги, входивший в ближайшее окружение президента, характеризовал отношения, сложившиеся между этими деятелями, как стабильное и эффективное "сердечное согласие" [1]. Большая группа американских авторов всецело разделяет такую оценку. Обширная историография международных отношений периода Второй мировой войны включает и полярную точку зрения. Например, Р. Низбет полагает, что в годы войны Рузвельт игнорировал интересы Великобритании, занимаясь поиском новой формулы международного порядка, при котором цели Черчилля должны были быть принесены в жертву иллюзорной схеме американо-советского альянса в послевоенном мире [2].

Ни один из приведенных взглядов нельзя считать исчерпывающим. Безусловно, взаимоотношения двух лидеров не были стабильными. Вряд ли справедливо оценивать их, как безоговорочную "антанту", поскольку обоюдные симпатии слишком часто вступали в конфликт со стратегическими расчетами и идеологическими пристрастиями. Тем более не кажется убедительной эвристичная, но односторонняя и слабо аргументированная теория Низбета. Отмеченные позиции фиксируют диаметрально противоположные точки зрения. Промежуток между крайностями заполнен огромным числом оценок самых различных тональностей и оттенков, создающих исключительно богатый по своей насыщенности спектр. Настоящая статья есть попытка систематизировать и упорядочить имеющееся разнообразие суждений.

Первая встреча двух руководителей произошла в августе 1941 г. во время Атлантической конференции, состоявшейся в укромной бухте острова Ньюфаундленд. Именно тогда был заложен фундамент будущего сотрудничества. Впрочем, начало знакомства отнюдь не обнадеживало. Во время совместного ланча в президентской каюте на борту линкора "Огаста" премьер-министр пожелал произнести спич, чтобы выразить переполнявшую его радость в связи с воплощением его давней мечты — личным знакомством с президентом США. Присутствовавшие при этом члены обеих делегаций затаили дыхание, увидев, как побледнел президент. Дело в том, что Рузвельт часто рассказывал о своем путешествии в Англию в 1918 г., во время которого он был впервые представлен Черчиллю, уже тогда очень известному и влиятельному члену британского кабинета. Премьер-министр имел бездонную память, но этого эпизода он, вероятно, не помнил. Самолюбие эгоцентричного Рузвельта был нанесен неприятный укол. Потребовалось незаурядное дипломатическое мастерство главного

“устранителя проблем” президента Г. Гопкинса, чтобы сгладить неловкость [3]. Эпизод не имел отрицательных последствий.

Черчилль гордился своей дружбой с президентом. Очевидно, его подкупало беспримерное мужество Рузвельта, руководившего страной в невероятно сложных условиях из инвалидной коляски. Вызывало восхищение умение президента тактически безошибочно спланировать любую политическую акцию. “Рузвельт, являвшийся главой государства, равно как и главой правительства, говорил и действовал авторитетно в любой отрасли... Я сознавал, что имею дело с великим человеком; он был также и сердечным другом и выдающимся борцом за высокие цели, которым мы служили” [4]. Признание Черчилля, высказанное в мемуарах, написанных после войны, звучит вполне искренне. А. Гарриман зафиксировал реплику Черчилля, прозвучавшую в 1942 г. незадолго до начала американо – английской кампании в Северной Африке: “Я лояльный лейтенант президента” [5]. Британскому руководителю не казалось предосудительным вслух признать достоинства главы союзной державы и даже, в ограниченных пределах, допустить право Рузвельта доминировать в рамках союза.

Оба деятеля привыкли главенствовать. Их беседы никогда не протекали спокойно, а переписка изобиловала примерами острых разногласий. И все же, президент, называвший Черчилля “настоящим тори старой школы”, считал его “идеальным премьер – министром военного времени” [6]. “Большая радость жить в одно время с Вами” [7], – писал он Черчиллю в 1942 г., и нет оснований считать, что в данном случае Рузвельт кривил душой.

Атмосфера дружбы и уважения, установившаяся в отношениях двух руководителей, была частью общей англо – американской гармонии, характерной для военных лет. Об этом свидетельствует британский наблюдатель И. Берлин, изучавший во время войны состояние общественного мнения США. В мае 1943 г., например, он сообщал, что реакция американцев на появление Черчилля в Западном полушарии и его выступления с речами свидетельствует о наличии огромного “потенциала доброй воли по отношению к Британии, не имеющего параллели”. В сентябре 1943 г. тот же автор указывал на “исключительность места, занятого Черчиллем в национальной жизни США” [8].

Необходимо отметить, что в отдельные моменты отношения между главой британского кабинета и хозяином Белого дома достигали такой высокой отметки, которая намного превосходила обычные нормы общения между руководителями государств. Это обстоятельство не находит прямого и исчерпывающего объяснения в том, что Великобритания и США были в

тот период союзниками. Рузвельт, например, вскоре после личного знакомства заменил в переписке официальное обращение "Господин премьер — министр" фамильярным "Уинстон". Черчилль, в свою очередь, позволял себе во время визитов в Вашингтон подолгу жить в Белом доме на правах неофициального гостя, при этом вводя в смущение персонал президентской резиденции своими утренними прогулками по лужайке перед дворцом босиком и в пижаме [9].

Проявление знаков дружбы, взаимных симпатий и человеческой привязанности создало почву для возникновения романтической версии англо — американского альянса, весьма популярной, но очень далекой от истины. Безусловно, узы персональных контактов были мощным средством укрепления союза. Еще более важным фактором коалиционного благополучия было наличие общей цели — необходимости вести войну до окончательной победы. Когда же речь заходила о конкретных политических программах, военной стратегии или планах послевоенного мироустройства — то разногласий (причем весьма острых и принципиальных) было более чем достаточно.

Болезненным и трудноразрешимым был вопрос о том, кому принадлежит роль первого лица в принятии решений. Внешне такая проблема, естественно, не обнаруживалась. Напротив, подчеркивался дух партнерства и равенства. Разногласия, возникавшие при обсуждении многих тем, далеко не всегда находили взаимоприемлемое разрешение. В тех случаях, когда Черчилль и Рузвельт не могли выработать общей позиции, последнее слово оставалось за Рузвельтом [10].

Очевидно, соображениями укрепления своих личных позиций в антигитлеровской коалиции во многом объяснялось отношение двух деятелей к Советскому Союзу и Сталину. И Рузвельт и Черчилль пытались во время встреч с руководителями СССР добиваться таких результатов, которые укрепляли бы их личный авторитет, способствовали бы росту престижа их стран и повышали бы шансы на воплощение их внешнеполитических целей.

Рузвельту часто адресуют упрек в том, что в 1943 — 1945 гг. он проводил политику уступок Москве, ради того, чтобы Сталин поддержал его планы послевоенного мироустройства. Черчилль противопоставляется президенту, как сторонник реалистичного, бескомпромиссного и жесткого курса в отношении Советского Союза [11].

Такая оценка не вызывает возражений лишь в той части, где говорится о готовности президента идти на компромиссы, обеспечивающие беспроблемное претворение в жизнь его послевоенных замыслов. Следует лишь добавить, что с той же целью президент использовал практику уступок при проведении курса в отношении Великобритании и Китая.

Необоснованными и некорректными представляются обвинения Рузвельта в предательстве интересов западного союзника. О том, что на протяжении всей войны президент первостепенное внимание уделял укреплению связей с Британией, свидетельствует регулярность его встреч с Черчиллем (девять совещаний за период с августа 1941 по февраль 1945 г.). Важным инструментом личной дипломатии Рузвельта была переписка, позволявшая поддерживать интенсивный обмен мнениями, не вовлекая в него государственный департамент. По подсчетам У. Кимболла, за годы войны президент направил премьер-министру 788 писем и телеграмм, получив в ответ 1161 послание [12].

Иногда, Рузвельта упрекают в излишнем настойчивом стремлении организовать встречу со Сталиным без участия Черчилля. Одновременно отмечается, что президент ни разу не посетил Великобританию, несмотря на многочисленные приглашения главы кабинета и членов королевской семьи. Сумма этих двух фактов неизбежно складывается в выводы о желании главы американского правительства дистанцироваться от Англии и продемонстрировать свое недоверие к целям премьера. Подобные интерпретации не выдерживают критики и могут существовать только при условии выборочного и тенденциозного освещения событий.

Рузвельт несколько раз был готов посетить столицу Великобритании. В октябре 1942 г. во время визита в Лондон супруга президента Элеонора вместе с королем Георгом VI даже осмотрели апартаменты, предназначенные для высокого гостя из – за океана [13]. Президент, тем не менее, был вынужден отказаться от этого замысла, главным образом потому, что в конце 1942 г. выяснилось нежелание Сталина принять участие в американо – советской встрече на высшем уровне. Появление президента США на берегах Темзы при таких обстоятельствах грозило разрушить видимость коалиционной гармонии. Возможность поездки в Англию рассматривалась и позже (например, в начале 1945 г.), но реализована она так и не была. Вместе с тем, не нашел воплощения и план личной встречи Рузвельта с советским руководителем. (Лишь отчасти эта лакуна была заполнена во время переговоров в Тегеране и Ялте). Неосуществленные идеи президента вряд ли могут служить доказательством его стремления нарушить пропорции в англо – американо – советском треугольнике в ущерб Великобритании.

Следует подчеркнуть, что в годы войны британский премьер дважды (1942 и 1944 гг.) побывал в Москве и имел возможность с глазу на глаз беседовать со Сталиным. Причем оба раза на переговорах затрагивались проблемы первостепенной важности. Во время Московской конференции (1944 г.) было, например, достигнуто

знаменитое "процентное" соглашение о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе между Великобританией и СССР, ошеломившее американцев. При этом Черчилля не обвиняют в симпатиях к социализму и желании "умиротворить" Сталина за счет Америки.

Английский историк У. Макнейл в своем фундаментальном исследовании "Америка, Британия и Россия. Сотрудничество и конфликт" отмечая, что при первой же личной встрече британский лидер произвел впечатление на Сталина, подчеркивал, что "президент никогда не достигал такой же степени близости с русским диктатором, как Черчилль..." [14]. Указанная точка зрения, впрочем, не нашла большого числа последователей.

Какими бы ни были глубинные мотивы Рузвельта и Черчилля, их курс в отношении СССР во многом определялся стремлением заручиться поддержкой Москвы в осуществлении собственных военных и послевоенных планов. Одобрение Сталина автоматически повышало шансы каждого из них на преобладание в рамках англоамериканского альянса. Расхождения между ними, вследствие этого, вытекали из различия конечных политических целей (Рузвельт настаивал на первоочередности решения проблем послевоенного устройства на основе принципов демократии, равенства прав и антиколониализма; Черчилль же больше беспокоился о сохранении территориальных владений и политического влияния Британской империи).

И президент и премьер – министр, таким образом, готовы были идти на компромиссы с Кремлем – первый в вопросах военной стратегии (активно поддерживал идею открытия второго фронта на севере Франции), а также при решении конкретных проблем, связанных с определением будущего Польши и послевоенным урегулированием на Дальнем Востоке. Второй склонялся к тому, чтобы еще до окончания войны признать западные границы СССР в том виде, как они сложились к июню 1941 г., и соглашался на превращение территорий Болгарии, Румынии и Венгрии в зону советского влияния, при условии ответного согласия Сталина в отношении Греции и Югославии.

В 1941 – 1944 гг. шли острые споры по поводу определения стратегии разгрома Германии. Главной темой дебатов был вопрос: есть ли необходимость открывать в Европе второй фронт, а если есть – то в каком направлении следует вести наступление. Черчилль был убежденным и последовательным сторонником средиземноморской стратегии и доказывал преимущества нанесения удара с юга в "мягкое подбрюшье" Европы. Президент же усматривал в предложениях британского руководителя стремление при помощи американской мощи защитить имперские интересы Англии в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в бассейне Средиземного моря и на Балканах.

Военные преимущества наступления с юга Рузвельт признавал. Но идея Черчилля была все же отвергнута, очевидно, по трем причинам. Во – первых, средиземноморский театр он считал зоной ответственности Великобритании, следовательно, превращение его в основной район боевых действий логически вело к подчинению американского командования англичанам. Президента подобная перспектива не устраивала. Во – вторых, американские генералы, прежде всего Дж. Маршалл и Д. Эйзенхауэр, настаивали на том, что самый верный путь к победе – это самый короткий путь, и он пролегает по маршруту северная Франция – Берлин. И в – третьих, Рузвельт никогда не забывал, что под понятием “второй фронт” Сталин понимает высадку союзнической армии в северной Франции и ничто другое не согласится считать адекватной заменой [15].

Дебаты по этому вопросу длились до августа 1943 г. и были окончательно решены в пользу американской стороны на конференции в Квебеке (14 – 24 августа 1943 г.).

Особое место в диалоге Рузвельта – Черчилля занимало обсуждение будущей судьбы колоний и зависимых территорий. Тактика Рузвельта в этом вопросе заключалась в постоянном напоминании премьеру о долге Великобритании отказаться от привилегий колониальной державы. Начало их спорам было положено на Атлантической конференции 1941 г. Впоследствии масштабы дискуссии расширились, вобрав в себя обсуждение системы торговых преимуществ Великобритании в своих колониях, дебаты по поводу послевоенной судьбы Индии, Бирмы и других частей Британской империи, разногласия в вопросе об установлении опеки ООН над некоторыми Тихоокеанскими островами.

Наиболее взрывоопасным был поднятый Рузвельтом вопрос о предоставлении независимости Индии. 25 февраля 1942 г. президент направил “дорогому Уинстону” длинное послание, в котором любезно предложил план поэтапного освобождения Индии. Через два года в феврале 1944 г. Рузвельт переслал в Лондон длинный документ, вошедший в историю под названием “Меморандум Харли”, снабдив его сопроводительным письмом, где говорилось о том, что сам он вполне приветствует “предложенный здесь общий подход”. Центральная мысль “Меморандума” формулировалась следующим образом: “Британию можно поддерживать, как первоклассную державу, но, чтобы получить эту поддержку со стороны американского народа, она должна... отказаться от удушающих принципов империализма” [16]. Эти и многочисленные подобные выпады, естественно, с порога отвергались Черчиллем. В вопросе о судьбе империи Черчилль был непримиримым и на компромиссы не шел.

Рузвельт отдавал себе отчет в том, что проблема целостности Британской империи для английского руководства являлась самой животрепещущей. Очевидно, по этой причине он не предлагал форсировать события, опасаясь, что излишняя настойчивость может внести лишь разлад в отношения союзников, поэтому "его стиль состоял в том, чтобы откладывать конечную конфронтацию по этому вопросу до победы" [17]. Вместе с тем образ действий президента отражал его желание в будущем свести размер Британской империи до границ Британских островов, и это объективно предвосхищало одну из главных тенденций мирового развития ближайших десятилетий. Черчилль в этом вопросе до конца оставался "настоящим старым тори".

Касаясь других расхождений между двумя руководителями, необходимо отметить, что их политика в отношении Италии, Франции и Польши в 1943 – 1945 гг. также была несогласованной.

Значительные трения возникали в связи с обсуждением вопроса о контроле за ядерными разработками. Причем Рузвельт, еще в 1942 г. согласившийся возложить на США полную ответственность за материальное обеспечение Манхэттенского проекта и создание промышленной базы для производства ядерного оружия, уже в 1943 г. пытался ограничить доступ британских ученых к информации о ходе ядерных разработок. Демарш Рузвельта вызвал панику у Черчилля, поскольку он рассматривал будущую атомную бомбу как орудие поддержания баланса сил в послевоенной Европе и, одновременно, как средство сдерживания советских сил.

Один из парадоксов 1943 г. состояла том, что Черчилль думал, как при помощи нового оружия "отгородить белые снега России от белых утесов Дувра". Рузвельт же использовал монопольное владение сверхсекретной информацией для того, чтобы оказать нажим на Черчилля в вопросе о втором фронте. Не случайно соглашение о неограниченном обмене информацией между Великобританией и США и решение об открытии второго фронта в Нормандии были достигнуты на одной и той же конференции (конференция в Квебеке, август 1943 г.) [18].

Признавая присутствие в подходах Рузвельта и Черчилля разногласий по многим вопросам, следует отметить, что проблема прочности англо – американского союза не может быть решена арифметическим подсчетом случаев совпадения или расхождения взглядов его руководителей. Отношения двух лидеров отразили сложную диалектику времени. Нет оснований считать, что их сотрудничество было бы более тесным в том случае, если бы в их взглядах на некоторые проблемы царил полное согласие. Президента и премьер – министра сближало не столько совпадение внешнеполитических идеалов, сколько

понимание логики своего собеседника.

История взаимодействия руководителей США и Великобритании, на наш взгляд, не может получить объяснения в выражениях типа "Рузвельт находился под влиянием Черчилля". Оба деятеля обладали качествами харизматических лидеров и настолько упорно придерживались собственных воззрений, что любая попытка оказать нажим, могла привести лишь к негативным результатам. Как уже отмечалось, в случае возникновения непреодолимых разногласий, последнее слово обычно оставалось за Рузвельтом, который в таких случаях мог себя вести исключительно жестко.

"Черчилля было нелегко убедить. Он мог согласиться, но через несколько недель вернуться к прежним аргументам. Эти деятели в своем историческом, почти уникальном партнерстве понимали друг друга великолепно" [19], — отмечается в одном авторитетном исследовании. Можно добавить, что понимали, но далеко не всегда уступали друг другу. Когда же компромисс был невозможен и Черчиллю приходилось, скрепя сердце, соглашаться с американскими предложениями, его действия были капитуляцией перед неизбежным.

Историки объясняют изменение соотношений в американо — британском диалоге в пользу Вашингтона на завершающей фазе войны экстраординарным возрастанием экономического и военного могущества США. Этот факт, по мысли Кимболла, заставлял Черчилля строить свою концепцию послевоенной безопасности на основе идеи укрепления американо — британских связей. Хотя президенту гораздо сильнее нравились глобальные и менее определенные конструкции, он не сказал своему английскому собеседнику категоричного "нет". Более того, в годы войны многое делалось для того, чтобы проторить дорогу будущим "особым отношениям" Великобритании и Соединенных Штатов. Например, американцы не имели секретов от своих британских союзников в сфере производства новых систем вооружения (такого рода информация тщательно скрывалась от советской стороны) [20].

Рузвельта и Черчилля отличали глубокие различия в видении перспективы. Президент жил категориями будущего, его идеи, новаторский стиль дипломатического общения и понимание необходимости радикальных международных перемен отодвигали горизонты его внешнеполитических прозрений до конца XX в. Черчилль, обладавший не меньшей политической дальностью, тем не менее не стремился объять своим взором весь мир. Его задача была более скромной — удержать Британию на том уровне влияния, на котором она оказалась в пору своей имперской славы. Поэтому взор премьера был обращен к прошлому. Именно это обстоятельство

вело к росту влияния Рузвельта и превращению главы британского кабинета (который по возрасту на 8 лет был старше президента) в "младшего партнера" по коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Leahy W.* I Was There. N. Y. 1950. P. 110.
2. *Nisbet R.* Roosevelt and Stalin. The Bailed Courtship. Wash., 1988. P. 49.
3. *Adams H.* Harry Hopkins. A Biography. N. Y. 1977. P. 244.
4. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 1991. С. 316.
5. *Harriman W. A. and Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin 1941 – 1946. N. Y., 1975. P. 169 – 172.
6. Рузвельт Э. Его глазами, М., 1947. С. 51, 52.
7. *Kimball W.* (ed.) Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1; Alliance Emerging. Princeton, 1984. P. 4. (Далее: Churchill and Roosevelt).
8. Washington Despatches 1941 – 45. Weekly Political Reports from British Embassy (Ed. by *Nicholas H. G.*). Chicago, 1981. P. 193, 244.
9. *Hassett W.* Of the Record with FDR, 1942 – 1945. New Brunswick, 1958. P. 67.
10. *Rosenman S. and D.* Presidential style. Some giants and a pigmy in the White House. N. Y., 1976. P. 106.
11. *Nisbet R.* Op. cit; *Perlmutter A.* FDR and Stalin. A not so Grand Alliance, 1943 – 1945. Columbia and L., 1993.
12. Churchill and Roosevelt. Vol. 1. P. 4, XII.
13. Churchill and Roosevelt. Vol. 2; Alliance Forged. Princeton, 1984. P. 42.
14. *Mc Neill W. H.* America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict 1941 – 1946. L., 1953. P. 200.
15. *Rosenman S. and D.* Op. cit. P. 397 – 399.
16. Churchill and Roosevelt. Vol. 1. P. 401 – 402; *Ibid.* Vol. 3; Alliance Declining. Princeton, 1984. P. 7.
17. *Rosenman S. and D.* Op. cit. P. 393.
18. *Powaski R.* March to Armageddon. The United States and the Nuclear Arms Race, 1939 to the Present. Oxford, 1987. P. 8.
19. *Rosenman S. and D.* Op. cit. P. 393.
20. *Aronsen L., Kitchen M.* The Origins of the Cold War in Comparative Perspective. L., 1988. P. 12.

О. В. Попова

СОПРОТИВЛЕНИЕ ФАШИСТСКОМУ ОККУПАЦИОННОМУ РЕЖИМУ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (проблемы историографии)

История Великой Отечественной войны является одной из сложнейших научных проблем. Ученые – историки проделали огромную работу по изучению и освещению в печати различных ее аспектов, опубликовав тысячи книг, брошюр, научных статей. Эти исследования показывают, что многие проблемы истории войны изучены достаточно полно и обстоятельно и необходимы лишь частные дополнения и уточнения. Но наряду с этим, целый ряд вопросов требует более тщательного анализа, новых оценок, выводов и обобщений. Поэтому сегодня все большую актуальность приобретают историографические исследования. Именно они позволяют оценить источниковую базу публикаций, сопоставить новые факты и документы, введенные в научный оборот, проанализировать методы и приемы исследований и определить перспективы для дальнейших научных разработок.

Сопrotивление фашистскому оккупационному режиму на территории СССР, всенародная борьба советских людей в тылу врага в 1941 – 1944 гг – одна из страниц героической летописи Великой Отечественной войны. Разработка этой проблемы в отечественной историографии – начиная от постановки проблемы и кончая выводами и обобщениями – проходила в острых научных спорах. Однако до сих пор многие ее аспекты нельзя считать окончательно решенными. Это касается научной терминологии, употребляемой в печати, периодизации изучения темы, определения круга ее источников и т. д.

Анализ исторической научной литературы по проблеме антифашистского движения в тылу врага свидетельствует о том, что и сегодня есть разночтения в употреблении научных терминов, определяющих различные ее аспекты. На первых этапах изучения проблемы историками отождествлялись понятия "партизанское движение" и "всенародная борьба в тылу врага". Впервые на это обратил внимание Н. И. Супруненко [1]. В работе, изданной в 1956 году, он попытался систематизировать термины, употребляемые в научной печати, но убедить историков в необходимости унифицировать научную терминологию ему не удалось. В 60 – 70 – е годы для

обозначения всех форм борьбы в тылу врага исследователи использовали самые разнообразные термины – “партизанская война” [2], “партизанское движение” [3], “движение сопротивления” [4]. Проведенные тогда в печати дискуссии по вопросу об упорядочении научной терминологии дали определенные научные результаты – в 80 – е годы общепринятой стала точка зрения, согласно которой борьбу населения на оккупированной территории следует обозначать термином “всенародная борьба в тылу врага”. Этот термин употреблялся в научных исследованиях Н. И. Макарова, А. И. Залесского, А. Ф. Юденкова и др. Термин включал три основные формы борьбы: партизанское движение, подпольную борьбу и невооруженное сопротивление – срыв экономических планов германского командования. Такая градация позволяла более детально анализировать специфику и особенности каждой из форм. Безусловно, жесткой грани между этими формами борьбы не было, они были взаимосвязаны, перерастали из одной в другую, и этот факт признается всеми исследователями.

Введение в научный оборот термина “всенародная борьба в тылу врага”, признание его как наиболее точного всеми исследователями, не прекратило дискуссии по вопросам упорядочения научной терминологии. Так, в середине 80 – х годов выяснилось, что не выработана единая трактовка термина “партизанское формирование”. А. И. Красюк выдвинул довольно спорный тезис, что отряды и группы специального назначения, формировавшиеся в советском тылу и забрасываемые в тыл противника не следует считать партизанскими [5]. Совершенно противоположную оценку этим соединениям давал В. Андрианов [6], полагая, что условия, в которых сражались соединения, формы и методы борьбы, которые они использовали, позволяют считать их партизанскими формированиями. Позиция В. Андрианова кажется нам более предпочтительной, но вопрос этот пока еще не решен окончательно.

Для определения подпольной борьбы, как показал анализ, историки также употребляли самые разнообразные характеристики – партийное, патриотическое, советское, партизанское, антифашистское подполье. Точку в этих разногласиях попытались поставить авторы коллективной монографии “Партийное подполье” [7], но и этот вопрос все еще остается открытым.

Научные споры показывают, что интерес к проблеме по – прежнему высок, что ее разработка приносит новые результаты и вызывает необходимость проведения серьезных исследований методологического и историографического характера.

Известно, что отечественная историческая наука уже давно получила мировое признание. На современном этапе стали более тесными и глубокими научные контакты, историки России участвуют в международных конференциях и дискуссиях, издают свои работы на Западе. На наш взгляд, в связи с этим, целесообразно было бы вновь вернуться к вопросу об использовании научных терминов и, в целях унификации, рассмотреть возможность введения в научный оборот термина "движение сопротивления", общепринятого на Западе и обозначающего борьбу на оккупированных территориях. Безусловно, борьба советских людей в фашистском тылу имела свои особенности, которые необходимо выявлять, но, в то же время, следует анализировать общие черты, объединяющие антифашистскую борьбу на территории всех стран, которые были оккупированы Германией.

Серьезным методологическим и дискуссионным вопросом является проблема периодизации изучения истории всенародной борьбы советских людей в тылу врага. От правильного решения этого вопроса зависит уровень научных исследований, так как точная периодизация способствует выявлению закономерностей развития основных этапов изучения проблемы. Позиция историков, которые считают, что различия в оценках периодизации "не являются принципиальными", вызывает сомнение, так как историографический анализ неизбежно предполагает деление литературы по проблеме на периоды, а такие анализы стали обязательной частью любой научной монографии. Итог научных споров по периодизации был подведен в сборнике "Историография Великой Отечественной войны" [8], в статьях П. А. Жилина и А. Ф. Юденкова. Всю историческую литературу по проблеме эти авторы делят на три основных периода: 1. Литература военного времени и первого послевоенного десятилетия. 2. Историческая литература конца 50–60–х годов. 3. Литература 70–80–х годов.

Такая периодизация наиболее точно отражает процесс накопления знаний в предшествующий период. Сегодня мы должны говорить о формировании нового этапа исследования проблемы – этапа, который начался в конце 80–х годов и продолжается сейчас. Выделение этого этапа в самостоятельный обусловлено тем, что формируются новые методологические подходы к изучению вопроса, рассекречены и вводятся в научный оборот неизвестные ранее документы, которые требуют глубокого анализа, новых выводов и обобщений. Значительно также расширена сама проблематика исследований, подняты вопросы, которые не освещались еще в исторической литературе.

Чем же характеризуется каждый этап изучения темы?

В первый период выходят несколько десятков работ, посвященных различным аспектам всенародной борьбы в тылу врага [9]. Все они имели общие недостатки: публицистичность, описательность, отсутствие научно – справочного аппарата, опирались на очень узкий круг источников (так как доступ к документам был закрыт), ограничивались, как правило, отдельными регионами и т. д. Вместе с тем, в них впервые поднимались вопросы, которые до сих пор остаются предметом глубоких научных исследований – о всенародном характере борьбы в тылу врага, о закономерности и правомерности партизанской борьбы, о формах и методах этой борьбы, о роли партизанской печати и многие другие. Глубокий историографический анализ работ этого периода практически не проведен, историки более позднего времени игнорируют, как правило, публикации тех лет, отрицают их научную значимость. Среди публикаций того периода следует особо отметить работы П. Р. Шевердалкина, которые отличала четкость постановки проблемы, многообразие используемых источников, попытки теоретических обобщений [10].

В послевоенное время началась разработка проблемы и в диссертационных исследованиях, что свидетельствовало о стремлении более детально изучить отдельные аспекты темы [11]. Всего за это время было подготовлено около 70 кандидатских диссертаций [12]. Конечно, следует признать, что многие работы отличались методологической незрелостью, отсутствием или скудностью документальных источников, субъективизмом, шаблонностью научных представлений и выводов. Это объяснялось тем, что доступ историков в архивы практически был закрыт и провести серьезный анализ документов было просто невозможно.

Положение изменилось к началу 60 – х годов, когда складывались более благоприятные условия для работы исследователей, был расширен доступ к архивным документам, пополнились сами архивы. Тогда и начался новый этап изучения истории антифашистской борьбы на временно оккупированной территории СССР. Правда, главной темой научных исследований становится организаторская роль КПСС в годы войны. Именно этой теме и были посвящены наиболее крупные и значительные монографии. Да и большинство работ, изданных в 60 – е годы, также выдерживались в историко – партийном аспекте, хотя их проблематика была довольно обширной и предметом исследования становились отдельные вопросы большой проблемы [13]. Тогда же значительно увеличилось число публикаций малых форм, появились десятки статей в научных периодических изданиях [14]. В этот же

период предпринимаются первые попытки подведения итогов накопленных научных знаний и, как следствие этого, появляются первые работы историографического характера [15].

Все работы второго периода отличают четкая постановка проблемы, более глубокая научная аргументированность, попытки теоретических обобщений на основе имеющихся фактических знаний. Но по – прежнему вопросов оставалось больше, чем ответов.

Третий период историографии характеризуется, прежде всего, обилием публикаций [16], актуальностью проблематики отдельных исследований, разнообразием форм, а самое главное, более высоким научно – теоретическим уровнем изданных работ. Начинается разработка методологических, источниковедческих и историографических аспектов темы. Впервые разрабатывается вопрос об историографических источниках, отмечается их специфика и особенности. В работах по теоретическому источниковедению делаются выводы о том, что историографические источники должны во – первых, отражать процесс формирования знаний, а во – вторых, характеризовать состояние науки на различных этапах ее развития. Эти выводы позволили определить круг историографических источников и включить в него опубликованные сборники документов, мемуары участников всенародной борьбы, обобщающие труды по проблеме, коллективные монографии, исследующие отдельные аспекты темы, научные статьи и т. д.

Главной предпосылкой успешного изучения темы на этом этапе явился тот факт, что документы о народном сопротивлении в достаточном количестве отложились в архивах. Задачу их сбора и упорядочения начали решать уже в ходе войны. В декабре 1941 года была создана специальная комиссия по изучению истории Великой Отечественной войны, которую возглавил начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, его заместителем стал известный историк И. И. Минц. Позже подобные комиссии были созданы в областях и республиках. Деятельность этих комиссий имела огромное значение, им удалось собрать и упорядочить довольно значительное число документов, создать в центральных и местных архивах страны отдельные фонды, содержавшие материалы по антифашистскому движению на оккупированной территории СССР. В послевоенный период доступ к этим документам был ограничен, что в значительной мере затрудняло работу исследователей. Однако в 1962 году была разработана "Инструкция по подготовке к изданию сборников "Документы Великой Отечественной войны

Советского Союза". Местные архивы приступили к планомерному изданию архивных документов. Началась также большая работа по публикации мемуаров, писем и дневников участников войны. Почти все эти издания были снабжены научно – справочным аппаратом – предисловиями, примечаниями, различного рода хрониками и указателями. Наряду с публикацией документов продолжали разрабатываться вопросы теоретического источниковедения – определение принципов отбора источников, классификации, пределов использования их в научных целях и т. д.

Особое место в кругу опубликованных источников занимают мемуарные издания. Вопрос об использовании мемуаров в историческом исследовании на уровне достоверных источников долгое время был предметом острых дискуссий. Историки, как правило, относили мемуары к "источникам личного происхождения", но четкого определения понятия "мемуары" в исторической литературе не было, что усложняло их отбор и использование. В ряде публикаций утверждалось, что воспоминания не являются документальными источниками и играют в источниковедческой базе вспомогательную роль. Такая позиция наносила особый ущерб изучению интересующей нас проблемы, так как восстанавливать события и имена часто приходилось лишь по воспоминаниям очевидцев и участников событий.

Разработка теоретических проблем мемуаристики [17] позволили разрешить вопрос практического использования мемуаров, при условии проведения тщательного источниковедческого анализа, логического, текстологического и сравнительного их изучения. Вопросы, поднятые авторами мемуаров, стимулировали развитие научной мысли, расширяли круг научных проблем, вводили в научный оборот новые факты. Сегодня мы с полным правом можем говорить о том, что многие мемуары о всенародной борьбе в тылу врага смыкаются с исследовательской, монографической литературой. Их авторы отходят от беллетристики, пытаются научно осмыслить те или иные события, делать общие выводы, выявлять закономерности. В свою очередь, уровень развития научной мысли, аргументированные исторические концепции оказывают существенное влияние на субъективную оценку авторами воспоминаний тех или иных событий.

Особую роль в современной мемуарной литературе играют сборники воспоминаний партизан и подпольщиков [18], состоящие из отдельных статей, различных по содержанию, структуре и стилистике. Посвященные отдельным эпизодам они легче поддаются источниковедческой критике, которая позволяет установить

достоверность описываемых событий с помощью документов, имеющих в распоряжении историков. Информативность сборников воспоминаний, как правило, выше, чем отдельные мемуары, так как эпизоды борьбы, описанные различными авторами, помогают составить целостное представление о борьбе народа в тылу врага.

В середине 80-х годов в печати появилось несколько историографических работ [19], которые как бы подводили итоги развития науки по проблеме, отмечая серьезные успехи в разработке темы всенародной борьбы на временно оккупированной территории СССР. Эти исследования замыкают третий этап историографии темы.

Работы, вышедшие в конце 80-х – начале 90-х годов, представляют следующий, новейший этап историографии [20]. Необходимость выделения этого нового этапа объясняется тем, что в современных условиях происходит переоценка основных периодов отечественной истории, отказ от сложившихся стереотипов и догм, от слишком идеологизированных подходов. Это закономерный процесс, т. к. наука развивается, становятся известными новые факты и документы, которые требуют более глубокого анализа, осмысления, новых оценок. Но процесс этот нельзя форсировать и в угоду политической конъюнктуры делать скороспелые и потому поверхностные выводы.

Необходим тщательный анализ того материала, который оказался вне поля зрения историков, по причинам от них не зависящим. Речь идет прежде всего о документах оккупационных властей, которые содержались в местных архивах регионов, подвергшихся оккупации. Долгое время эти материалы были засекречены, доступ к ним ограничен и сейчас, в научный оборот они вводятся очень осторожно.

Кроме того, их использование затруднено ввиду целого ряда факторов. Прежде всего, следует отметить неполный состав таких документов, что объясняется их трофейным характером и неоправданными изъятиями в оперативных целях органами безопасности. Между тем изучение и критический анализ подобных источников необходим: они помогут составить более полную картину военного и идейного противостояния нашей страны и Германии в годы войны. Конечно, историки знакомы с этими документами и раньше, но, как правило, ограничивались рассмотрением полицейских функций оккупационных властей, которые, безусловно, были главными, но не единственными. В местных архивах хранятся документы городских и районных Управлений периода оккупации, сельскохозяйственных комендатур, газеты, издаваемые оккупационным режимом и т. д.

Благодаря труду архивистов, эти документы археографически обработаны (сброшюрованы в дела, пронумерованы, описи снабжены предисловиями), что значительно облегчает их использование в научных исследованиях. Правда, в составе фондов значительную часть документов составляет распорядительная документация, которая дает представление об основных направлениях деятельности немецкой администрации, но не позволяет в полной мере дать оценку эффективности этой деятельности. Поэтому документы оккупационного режима необходимо анализировать в комплексе с советскими документами, отражающими всенародную борьбу в тылу врага.

Отечественная историография сопротивления фашистскому оккупационному режиму на территории СССР, вступая в свой четвертый период, имеет серьезные научные результаты. Целый ряд проблем уже достаточно изучен историками и требует лишь частных дополнений и уточнений. Прежде всего это вопрос о партийном руководстве всенародной борьбой. Историки и публицисты проделали огромную работу по освещению этой темы в печати. Капитальные труды, изданные республиканскими партийными органами [21], очерки истории местных партийных организаций, (существует более 100 таких изданий) [22], монографии, посвященные отдельным аспектам темы — все это представляет собой солидный вклад в историографию. Обобщающие итоги деятельности партии по руководству всенародной борьбой в тылу врага были подведены в коллективной монографии "Партийное подполье" [23]. В этих работах рассмотрены особенности формирования нелегальных партийных органов в различных регионах, методы партийного руководства всеми формами борьбы, идейная работа партии в партизанских формированиях, организационная работа в специфических условиях оккупации и другие проблемы.

Достаточно полно разработан также вопрос о партизанском движении, именно этой проблеме посвящено наибольшее количество опубликованных работ [24]. В поле зрения ученых оказались самые разнообразные ее аспекты — принципы формирования партизанских соединений, особенности тактики в зависимости от региональных условий, координация деятельности партизанских отрядов с частями регулярной Красной Армии, снабжение партизанских соединений, идейно — политическая и организационно — партийная работа в партизанских формированиях, партизанская печать и ее роль, национальный состав партизанских отрядов и многие другие. Особое место в истории партизанской борьбы занимает разработка теоретических аспектов — вопросов закономерности партизанской

борьбы и ее всенародного характера.

Значительное количество работ посвящено невооруженному сопротивлению на оккупированной территории. Первым разработку этого вопроса начал А. И. Залесский [25], весомый вклад внесли также В. Смирнов [26] и В. Гриднев [27], обстоятельным характером отличается монография М. М. Загорулько и А. Ф. Юденкова [28]. В этих научных публикациях рассмотрены (правда, не все с одинаковой полнотой) вопросы о сущности оккупационного режима, формах сопротивления ему, идейной работе среди населения и т. д.

В 80-х годах в научной печати появился ряд работ, посвященных идеологическому противостоянию Советского Союза и Германии в годы войны, проблемам пропаганды и контрпропаганды на оккупированных территориях. Эта работа была начата А. Ф. Юденковым [29] и успешно продолжена Н. И. Кондаковой [30]. Сегодня интерес к этой теме усилился. Это объясняется тем, что значительно пополнилась документальная база, и историки получили возможность познакомиться с пропагандистскими материалами оккупационных властей. Эти документы позволили обозначить новые вопросы, которые еще не разрабатывались в отечественной научной литературе. Появились статьи, освещающие основные направления пропагандистской деятельности немецких служб, контрпропагандистскую деятельность в коллаборационистских формированиях, систему пропагандистских служб самих этих формирований и другие [31].

Четвертый этап историографии всенародной борьбы в тылу врага на временно оккупированной территории СССР только начался. Несомненно, в будущем появятся новые интересные исследования как проблемы в целом, так и отдельных ее аспектов.

Проведенный историографический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Необходимо еще раз вернуться к вопросу об унификации научной терминологии и рассмотреть возможность использования в научной литературе терминов "антифашистское сопротивление" или "движение сопротивления", общепринятых в мировой исторической науке для обозначения борьбы на временно оккупированных территориях.

2. Актуальной задачей сегодняшнего дня является всесторонний анализ документов оккупационных властей, рассекреченных совсем недавно и хранящихся в центральных и местных архивах в достаточном количестве. Причем рассмотреть следует не только полицейские, но и хозяйственные, идеологические, а также другие функции местных

управлений. Чтобы эта работа была плодотворной, необходимы теоретические разработки вопросов о принципах отбора, приемах источниковедческой критики, пределах использования этих специфических документов.

3. Следует рассматривать не три, а четыре периода историографии проблемы всенародной борьбы в тылу врага, выделив в самостоятельный этап историографии работы, изданные в конце 80 – х – 90 – е годы.

Научную разработку проблемы на сегодняшний день вряд ли можно считать законченной. Дополнительного и более глубокого изучения требуют такие вопросы как:

1) взаимоотношения партизан и местного населения, особенно такой аспект, как противостояние партизан и отрядов "самообороны", созданных немцами из местного населения;

2) православная церковь на оккупированной территории, основные направления и цели ее деятельности, формы и методы работы с населением, их эффективность, специфика отношений с немецкой администрацией, контакты и конфликты с партизанами и подпольными организациями и т. д.;

3) школы и их деятельность на оккупированной территории, цели, характер и особенности работы, пропаганда и контрпропаганда среди учащихся, эффективность учебной работы и т. д.

4) вопросы, связанные с идейным противоборством на оккупированной территории, разработка которых только началась.

Это далеко не полный перечень проблем, которые еще ждут своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Супруненко Н. И. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941 – 1945. Киев, 1956.
2. Война в тылу врага. Вып. 1. М., 1974. С. 253.
3. Павлов Я. С. В. И. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975. С. 320.
4. Вопросы истории КПСС периода Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 290.
5. См.: Красюк А. И. Страницы героической летописи. Киев, 1984. С. 31.
6. См.: Андрианов В. Организационная структура партизанских формирований в годы войны // Военно – исторический журнал, 1984. № 1. С. 39.
7. Партийное подполье. М., 1983.
8. Историография Великой Отечественной войны. М., 1983.
9. Всенародная партизанская война в тылу врага. Сб. статей. М., 1941; Партизанская борьба советского народа против немецко – фашистских

- захватчиков. Сб. док. М., 1942; Народные мстители. Сб. статей. Л., 1942; Сидельский Р. Борьба советских партизан против фашистских захватчиков. М., 1944; Никитин М. Партизанская война в Ленинградской области. Л., 1943; Пономаренко П. К. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М., 1943; Виноградов И. Ясски. Очерк о партизанской борьбе. Псков, 1948; Он же Партизанская война на Псковщине. Псков, 1950.
10. Швердакин П. Р. Ленинградские партизаны. Л., 1947; Он же. Партизанская война на Новгородской земле. Новгород, 1957; Он же. Героическая борьба Ленинградских партизан. Л., 1959.
11. См.: Чапуркин А. Ф. Партизанское движение в Калининской области (1941 – 1944). Автореферат ... канд. истор. наук. Л., 1947; Погост Ф. Д. Партизанская печать – острое оружие Коммунистической партии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Автореферат ... канд. истор. наук. Л., 1953; Чурилова М. Д. Партизанское движение в Ленинградской области. (1941 – 1944). Автореферат ... канд. истор. наук. Л., 1954.
12. Загоруйко М., Юденков А. Крах плана "Ольденбург". М., 1983. С. 15.
13. Слободянюк И. П. Славные страницы истории. Печать подполья и партизан в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. М., 1962; Храбрейшие из храбрых. Очерки о ленинградских партизанах Героях Советского Союза. Л., 1964; Залесский А. И. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага. М., 1964.
14. Швердакин П. Р. Коммунисты – организаторы народной вооруженной борьбы в тылу вражеской армии // В кн.: Вопросы истории КПСС. Уч. зап. Ленинградского гос. ун – та. № 289. Вып. 33. Л., 1960; Лесняк Т. Некоторые вопросы организации и ведения партизанской борьбы в первые месяцы войны // Военно – исторический журнал, 1963. № 9; Моисеева Л. А. Колхозное крестьянство северо – западных областей РСФСР в борьбе за сохранение и возрождение колхозов и советов в тылу врага (1941 – 1942) // В кн.: Общественные и исторические науки. Уч. зап. ПГПИ. Вып. 19. Псков, 1964.
15. Самсонов А. М., Курносоев А. А. Обзор современной исторической литературы о народном сопротивлении // Вопросы истории, 1964. № 12; Логунова Т. А. Советская историография партийного подполья и партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // В кн.: Очерки историографии советского общества. М., 1967.
16. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории. 1941 – 1944. М., 1971; Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941 – 1944. Л., 1973; Логунова Т. А. Партийное подполье и партизанское движение в центральных областях РСФСР. Июль 1941 – 1943. М., 1973; Макаров Н. И. Непокоренная земля Российская. М., 1976; Загоруйко М. М., Юденков А. Ф. Крах плана "Ольденбург". М., 1980; Брюханов А. И. В штабе партизанского движения. Минск, 1980.
17. См.: Черноморский Н. М. Работа над мемуарами при изучении истории КПСС. М., 1965; Курносоев А. А. Развитие мемуарной литературы о борьбе советского народа на оккупированной врагом территории // В кн.: Вторая

- мировая война. М., 1966; Мишц С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // История СССР, 1979. № 6.
18. Горят костры партизанские. М., 1966; Люди легенд. Вып. 1 – 5. М., 1966 – 1974; Не сломленные бурей. Партизаны и бойцы незримого фронта в битве за Ленинград. М., 1975; Псковщина партизанская. Л., 1979; Вела нас партия. Минск, 1984.
19. Красюк А. Страницы героической летописи. Вопросы историографии партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1984; Логунова Т. Советская историография народной борьбы в тылу немецко – фашистских войск. М., 1985.
20. Виноградов И. Герои и судьбы (партизанское движение в Великой Отечественной войне). Л., 1988; Кузьменко В. Партизанские оружейники. Минск, 1990; Ланевский Р. Начиналось с подполья. Минск, 1991; Клокова Т. В., Прохорова И. А. Тыл. Оккупация. Сопротивление // Советская страна в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. М., 1996.
21. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941 – 1945. В 3 – х т. Киев, 1975; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941 – 1945. Кишинев, 1976; Подпольные партийные органы Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Минск, 1975.
22. См.: Вопросы истории КПСС, 1993. № 8. С. 26.
23. Партийное подполье. М., 1983.
24. Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941 – 1944. Л., 1973; Война в тылу врага. Вып. 1. М., 1974; Макаров Н. И. Непокоренная земля Российская. М., 1976; Брюханов А. И. В штабе партизанского движения. Минск, 1980; Агаджанян В. Дороги партизанские. Минск, 1989; Хитриченко А. И. Тропой народного гнева. Киев, 1990.
25. Залесский А. И. В партизанских краях и зонах. М., 1962; Он же. В тылу врага. Борьба крестьян Белоруссии против социально – экономических мероприятий немецко – фашистских оккупантов. Минск, 1969; Он же. Героический подвиг миллионов в тылу врага. Минск, 1970.
26. Смирнов В. И. Подвиг советского крестьянства. М., 1976.
27. Гриднев В. М. Борьба крестьян оккупированных областей РСФСР против немецко – фашистской оккупационной политики. 1941 – 1944. М., 1976.
28. Загорулько М. М., Югенков А. Ф. Крах плана " Ольденбург". 3 – е изд. М., 1980.
29. Югенков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории. 1941 – 1944. М., 1976.
30. Кондакова Н. И. Идеологическая победа над фашизмом (1941 – 1945). М., 1972.
31. Ковалев Б. Н. Вопросы войны и экономики в советской и немецко – фашистской пропаганде 1941 – 1944. Новгород, 1993; Он же. Система пропагандистских служб коллаборационистских организаций на оккупированной территории Северо – Запада РСФСР. 1941 – 1944 гг. Новгород, 1993.

«Круглый стол» ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИСТОРИЮ XX ВЕКА

В мае 1995 г., в преддверии 50 – летия окончания Второй мировой войны, кафедрой всеобщей истории Псковского государственного педагогического института был организован «круглый стол» ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИСТОРИЮ XX ВЕКА. В обсуждении проблемы приняли участие кандидаты исторических наук В. Н. Гарбузов, Н. А. Королева, М. Т. Маркова, И. Е. Никандрова, О. В. Попова, А. В. Филимонов.

Открывая дискуссию, заведующий кафедрой всеобщей истории ПГПИ *В. Н. Гарбузов* сказал: Вторая мировая война принадлежит к историческим событиям такого рода и такого масштаба, влияние которых сказывается на протяжении очень длительного времени после их окончания. Говоря о Второй мировой войне, мы, как правило, приводим данные о количестве убитых и раненых, цифры, свидетельствующие о материальном ущербе и разрушениях, то есть о том, что обычно именуется «прямыми потерями периода военных действий». И только после этого упоминаем о долговременных потерях или приобретениях, о глобальных переменах и сдвигах, вызванных этим событием и происходивших во всех сферах общественной жизни подавляющего большинства государств мира.

Воздействие этой войны испытывали на себе в течение десятилетий не только страны и народы, непосредственно в нее вовлеченные. Она повлияла на те государства и нации, на те поколения людей, которые, казалось бы, прямого отношения к ней не имели. Явления и процессы, вытекающие из войны, развиваясь в течение продолжительного времени (в сущности, всю вторую половину XX века), охватывая огромные массы людей и целые континенты, привели к масштабной геополитической перестройке, надолго изменившей картину мира.

Каким же образом и в чем конкретно проявлялось это долговременное воздействие? Каким оказалось наследие Второй мировой войны? Как оно повлияло на многие поколения людей? Эти вопросы снова и снова задают себе многие ученые и политики.

И. Е. Никанрова: Нарастание угрозы Второй мировой войны в 30-е годы, связанное с наступлением фашизма, создало крайне сложную цивилизационную ситуацию. Фашизм был явной попыткой моделирования нисходящей линии развития человечества, т.е. такого этапа всемирно-исторического развития, который характеризуется необратимым регрессом не просто отдельных человеческих общностей, а всего вида *homo sapiens*. Фашизм был абсолютно несовместим с самими основами цивилизационного развития человечества. Для него была неприемлема сама возможность существования гражданского общества: оно должно быть полностью поглощено государством. Известно, что в Германии, Италии и других странах, где победили фашистские режимы, были полностью демонтированы механизмы представительной демократии: политические партии (за исключением правящих), свободная пресса, независимые профсоюзы и т.д. Все население организовывалось в корпоративные объединения — либо по профессиональным признакам, либо по принадлежности к определенному социальному слою.

Фашистская система власти широко использовала насилие и террор. В мировоззренческом плане фашизм утверждал абсолютное преобладание природной биологической детерминации над человеческой свободой воли. С безудержной апологией насилия были напрямую связаны культ сверхчеловека, нацистская расовая теория, агрессивный национализм и шовинизм.

Таким образом, готовясь к войне за мировое господство, фашистская Германия представляла серьезную опасность для всей человеческой цивилизации. Там, где фашисты не были настолько сильны, чтобы как-то изменить общество, предполагалось уничтожение государственных образований. Так, согласно планам Гитлера, Францию предполагалось расчленить: часть страны должна была отойти к Италии, а на территории другой части предлагалось создать нацистское государство "Бургундия". Бретань виделась фюреру германской колонией. Гитлеровские планы в отношении СССР известны.

Иными словами, Вторая мировая война явилась открытым столкновением двух альтернатив: прогрессивной и реакционной; кроме того, на это накладывалось и столкновение геополитических интересов великих держав, а также противоречия между сталинским коммунизмом и гитлеровским нацизмом.

Н. А. Королева: Известно, что одним из важнейших международных социально-политических последствий Второй

мировой войны явился глубокий кризис колониальной системы империализма. Разгром фашизма, в котором решающую роль сыграл Советский Союз, поражение наиболее реакционных сил — Германии, Италии и Японии, политическое и экономическое ослабление крупнейших колониальных держав — Франции, Великобритании и Бельгии вызвали рост освободительной борьбы колониальных народов за свою национальную независимость.

Военные действия, длившиеся в течение 6 лет, развернулись на территории 40 государств площадью в 22 млн. кв. км. За весь период Второй мировой войны в нее было вовлечено 61 государство с населением в 1, 7 млн. человек (80% населения земного шара). Народы колоний также стали участниками этих событий. Так, военные действия охватили французские колонии Вьетнам, Лаос, Камбоджу, голландскую Индонезию, британские владения — Бирму, Малайю, колонию США — Филиппины. Война шла на значительной части территории Китая, в Корее. Театром военных действий стали страны Северной Африки, Эфиопия, Эритрея, итальянское Сомали. Около 3 млн. африканцев либо воевали, либо обслуживали английские и французские действующие армии на Ближнем Востоке, в Западной Европе, в Бирме, Малайе.

Участие народов колониальных стран в военных действиях на стороне антифашистских сил способствовало пробуждению и развитию у них политического и национального самосознания. Движение Сопротивления было направлено против фашистско-японско-итальянских оккупантов, пытавшихся установить "новый порядок" в захваченных ими колониях стран Европы и США. Большое значение для национально-освободительного движения в годы войны имела "Атлантическая хартия", принятая правительствами Великобритании и США 14 августа 1941 г. В документе заявлялось, что правительства Великобритании и США "уважают право всех народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить" и выражают желание "видеть восстановленными суверенные права и самоуправление тех, кто был насильственно лишен их". Положения Атлантической хартии были признаны всеми странами — участницами антигитлеровской коалиции, они вселяли надежду на освобождение в сознание народов колониального мира.

В странах азиатского континента в годы японской оккупации развертывается национально-освободительное движение, в котором принимали участие различные слои населения. Здесь появились политические партии, фронты национального освобождения, росло

политическое самосознание, приобретался опыт вооруженной борьбы. Не случайно, сразу же после окончания Второй мировой войны в результате национально — освободительного движения независимость провозглашают народы Кореи, Вьетнама, Бирмы, Индонезии и др. стран.

В странах — колониях Азии и Африки, которые оставались в годы Второй мировой войны под контролем стран — метрополий, также происходили перемены, создававшие предпосылки для распространения освободительных идей. Так, в годы войны там появились условия для развития собственной промышленности, капитализма и роста численности новых классов. Росла политическая активность новых групп населения, понимавших необходимость борьбы за национальное освобождение. Благоприятную основу для распространения освободительных лозунгов создавала и политика стран — метрополий, возложивших на страны — колонии значительную часть военных расходов. Население зависимых стран в годы войны страдало от увеличения норм поставок сельскохозяйственной продукции, сокращения внешнеторгового обмена, увеличения размеров прямых налогов, сбора денег для помощи армии, ежегодных займов, нехватки продовольствия, безработицы. Все это приводило к росту недовольства среди населения политикой правящей верхушки, к массовым бунтам, как, например, в Индии.

Участие во Второй мировой войне сотен тысяч африканцев привело к усилению антифашистских, антирасистских, антиколониальных настроений. В годы войны на африканском континенте возрос удельный вес и рабочего класса, и буржуазных слоев. Известно, что до Второй мировой войны панафриканизм оставался господствующей идеологической концепцией. V Панафриканский конгресс, проходивший в октябре 1945 г. в Манчестере, провозгласил право африканских народов на политическую независимость. Этот лозунг, став главным в деятельности создававшихся политических партий, позволил объединить широкие слои населения, способствовал осознанию необходимости национального единства внутри отдельных стран.

Если в годы Второй мировой войны преобладали традиционные методы борьбы африканцев — восстания, отказы от уплаты налогов, уклонение от принудительных работ, то после ее окончания на африканском континенте ведущими становятся современные формы борьбы: забастовки, кампании гражданского неповиновения, бойкот иностранных товаров, вооруженная борьба против колонизаторов. Важную роль в этом играли бывшие фронтовики, которые по

возвращении домой рассказывали о жизни европейских народов, их борьбе против фашизма. Участники Второй мировой войны восприняли освободительные идеи и готовы были возглавить борьбу против колонизаторов.

Жертвы, понесенные народами стран Азии и Африки в годы Второй мировой войны, велики. В Китае за 1937–1945 гг. 10 млн. человек отдали свои жизни и 11 млн. остались инвалидами. В Эфиопии за годы итальянской оккупации в 1935–1941 гг. погибло 760 тыс. коренных жителей. Тунис потерял 70 тыс. солдат. В Марокко от голода умерли 1 млн. человек. В Индии в годы Второй мировой войны только в Бенгалии от голода умерло 3 млн. человек. Не продолжая этот скорбный перечень, отметим лишь, что народы стран Азии и Африки внесли свой вклад в победу всего человечества над фашизмом и милитаризмом, они заслужили полное право требовать выполнения обещаний, изложенных государствами – метрополиями в Атлантической хартии. И, когда представители правящих кругов Англии, Франции, США попытались отказаться от предоставления народам колоний права на национальную независимость после окончания Второй мировой войны, на азиатском и африканском континентах развернулось освободительное движение, которое и привело к распаду, а затем и крушению колониальной системы мира в середине 70-х годов XX столетия.

А. В. Флимонов: Годы войны отодвигаются от нас все дальше, все меньше остается участников грозных событий, молодое поколение узнает о них только из кинофильмов и книг, которых, кстати, в последнее десятилетие тоже значительно поубавилось. Сегодня все меньше приходится слышать о том, что одной из причин нынешних сложных проблем страны являются события полувековой давности. А ведь каких – нибудь 20 лет назад об этом говорили вполне определенно: война уничтожила значительную часть национального богатства, привела к гибели миллионов людей, а еще 5–7 лет ушло на восстановление довоенного уровня производства, так что мирного времени для проявления "преимуществ социализма" оказалось не так уж много.

С конца 80-х – начала 90-х годов, когда началась огульная критика всего социалистического, советского, когда начали ниспровергать все и вся, можно услышать совершенно противоположные утверждения: война, дескать, коснулась не только Советского Союза, но и других стран Европы, Азии и Америки, но они значительно превзошли нас в своем социально – экономическом росте.

И в качестве примеров приводят Японию и Германию.

Главной причиной такого положения является, несомненно, несовершенство политической и социально – экономической системы, существовавшей в СССР, той самой, которая позволила мобилизовать все силы и средства для достижения победы в войне, но оказалась неэффективной и неспособной функционировать в мирных условиях. Но вряд ли можно полностью сбрасывать со счета и влияние войны. Те, кто делает это методом простого сравнения СССР со странами Запада, не всегда учитывает особенности исторического развития России, являвшейся традиционно крестьянской страной. Хотя отток сельского населения в города начался еще в дореволюционное время и значительно ускорился в результате коллективизации, основная часть населения к началу Великой Отечественной войны проживала все же в деревнях. Сельские жители составляли основную массу призванных в Красную Армию и в среде погибших тоже. Вдобавок на временно оккупированной территории была уничтожена значительная часть деревень.

Приведем некоторые цифры по северо – западному региону нашей страны (современные Ленинградская, Псковская и Новгородская области), которому из всех оккупированных российских областей был нанесен наибольший урон: он составил в ценах 1947 г. сумму в 92 млрд. руб. из 249 млрд. руб. общего ущерба России. В Псковском районе, например, из существовавших 406 деревень было полностью сожжено 325, в Середкинском – 134 из 154, в Дедовичском – 259 из 363 и т.д. Некоторые из них были уничтожены вместе с жителями, население других вынуждено было уйти в сохранившиеся населенные пункты, третьи остались без мужского населения, погибшего на фронте и в партизанских отрядах. Не секрет, что многие уничтоженные деревни после войны так и не возродились, а земли вокруг них заросли лесом и кустарником.

Война сыграла немалую зловещую роль в начавшемся вымирании северо – западной деревни. Помимо прямых последствий были и тяжелые косвенные последствия – сокращение рождаемости, преждевременная смерть людей, получивших ранения или перенесших многие лишения и т.п. Могли ли, например, 76 тысяч жителей Псковщины, оставшиеся без крова, прожить "нормальный человеческий век"?! А сколько умерло людей, лишившихся в годы войны медицинской помощи! А сколько подорвалось на фашистских минах, которыми в прямом смысле слова была нашпигована наша многострадальная земля!

Война, таким образом, имела для российской деревни серьезные демографические последствия, которые зримо ощутились лишь через

несколько лет. Так что, говоря о причинах нынешнего кризисного состояния аграрного сектора, следует предъявить счет и войне.

О. В. Попова: Влияние Второй мировой войны на европейскую цивилизацию обстоятельно изучается учеными многих стран. По этой проблеме опубликованы тысячи книг, научных статей и популярных брошюр. Также глубоко и подробно проанализирована история Великой Отечественной войны, интерес к которой не ослабевает до сих пор. Более того, рассекречивание архивов и введение в научный оборот новых документов, недоступных ранее исследователям, позволяет сделать вывод, что целый ряд вопросов истории войны не нашел еще своего разрешения ни в советской, ни в современной отечественной исторической науке. Одним из таких вопросов является история деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. Ни один общественный институт в нашей стране не изменил так существенно своего статуса после войны, как православная церковь.

Деятельность церкви в годы войны, ее активная позиция и возросший авторитет коренным образом изменили отношение к ней советской власти, что позволило церкви активно включиться не только в процесс послевоенного переустройства страны, но и в международную жизнь. Если взглянуть на предвоенную историю русской церкви, то можно увидеть как катастрофически разрушалась церковная жизнь в эти годы, как безжалостно перечеркивалась ее тысячелетняя история. В 1917 г. в России действовало 57 духовных семинарий и 57 тысяч храмов, к 1941 г. храмов осталось только около 3 тыс., причем подавляющее большинство их находилось на территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. Такое положение было следствием атеистической политики большевистской власти, начало которой было положено декретом СНК от 20.01.1918 г. об отделении церкви от государства и декретом ВЦИК от 1922 г. об изъятии церковных ценностей. Печальный итог противостояния церкви и власти известен – разграбленные церкви, разрушенные храмы, физически уничтоженные священнослужители.

Когда началась война, церковь, забыв все горькое и страшное вместе со всем народом встала на защиту Родины. 22 июня 1941 г. митрополит Сергей, являвшийся с 1925 г. местоблюстителем патриаршего престола и фактическим главой церкви, обратился с посланием ко всем верующим, призывая их не щадить себя в борьбе за правое дело. День начала войны совпал с праздником Всех святых

Земли русской, именем этих святых и клялся Сергей. Свыше 20 раз обращался митрополит к своей пастве, откликаясь на все важнейшие события войны. Он же был инициатором сбора средств в Фонд обороны, всего за годы войны верующие собрали 300 млн. рублей в виде добровольных пожертвований. На эти средства были созданы танковая эскадрилья им. Дмитрия Донского и эскадрилья боевых самолетов им. Александра Невского.

Особенно трудным было положение церкви на временно оккупированной советской территории. Под эгидой немецкого командования в первые дни оккупации была создана "Православная миссия в освобожденных областях России", известная в истории как Псковская Православная миссия. Она сохранила свою каноническую принадлежность Московской патриархии, хотя имела особое Управление, подчиняющееся оккупационным властям. Главной задачей миссии явилось возрождение церковной жизни и духовная поддержка всех, кто оказался в немецком тылу. Конечно, церковь, согласно традиции, не призывала к борьбе, а звала к смирению и терпению, но вместе, всем миром было легче переносить тяготы войны и оккупации. Православная миссия взяла на себя заботу о детях – сиротах, были созданы приюты, где дети были обеспечены всем необходимым. Особой заботой церкви были военнопленные красноармейцы, брошенные на произвол судьбы Сталиным и его командованием. Сотни жизней спасло милосердие простых русских людей, которые по призыву церкви собрали для пленных теплую одежду, обувь, продукты и т.п. Под прикрытием сбора средств для военнопленных, многие приходы миссии организовали сбор средств в поддержку Красной Армии. На Большую землю через партизан было переправлено пожертвований на сумму 550 тыс. рублей, собранных только в псковских приходах. Церковь также патронировала и поддерживала школы и больницы, оказывала помощь всем, кто в ней нуждался.

По достоинству оценивая деятельность церкви в годы войны, ее возросший авторитет, советская власть официально разрешила празднование церковных праздников. В 1943 г., после многолетнего перерыва, вновь был избран Патриарх Московский и Всея Руси: им стал митрополит Сергей. Свыше 30 священнослужителей были награждены медалями за мужество и стойкость, проявленные в годы войны.

Налаженные отношения между властью и церковью не были разрушены и после войны: возрожденные храмы продолжали действовать, даже открывались новые. Впервые за всю советскую историю в июле 1948 г. официально праздновался церковный праздник – 500 – ление автокефалии русской православной церкви, впервые наш

патриарх Алексей, возглавивший церковь в мае 1944 г., официально выехал за границу, посетив Александрийский и Иерусалимский патриархаты, впервые церкви была разрешена издательская деятельность, стали выходить "Богословские труды", "Московский церковный вестник", "Журнал Московской патриархии". Русская православная церковь активно включилась в международную деятельность, ее представители участвовали в Движении сторонников мира, входили в состав Советского Комитета защиты мира, работали в Конференции европейских церквей и других международных организациях.

Наше сегодняшнее духовное возрождение тесно связано с новым этапом жизни русской православной церкви, поэтому долг исследователей — переосмыслить устаревшие оценки ее деятельности, отказаться от сложившихся стереотипов и создать объективную и правдивую ее историю.

М. Т. Маркова: Главным итогом Второй мировой войны было поражение милитаристских, тоталитарных государств: Германии, Италии, Японии. Победа над ними показала, что тоталитарные системы не имеют будущего, особенно те, для которых главная цель — реванш, разрешение внутренних противоречий за счет и в ущерб другим государствам.

Поэтому и падение тоталитаризма в СССР и странах Юго — Восточной Европы в конце 80 — х годов необходимо рассматривать как долговременный итог Второй мировой войны, так как послевоенная история убедительно доказывала способность наций, преодолевших тоталитаризм, к более быстрому экономическому и духовному возрождению.

Канцлер ФРГ Г. Коль говорил однажды, что возрождение немецкой нации началось с того момента, когда ею была осознана правота возмездия в мае 1945 г. Осознав это, Германия стала добиваться изменения решений Потсдамской конференции, то есть оккупационного режима. Но долгие годы серьезные изменения как в странах — победительницах, так и в самой Германии, не влияли на факт пребывания иностранных войск на ее территории.

Перелом в этом вопросе произошел в 1990 г., когда президент СССР М. С. Горбачев и канцлер ФРГ Г. Коль договорились о выводе советских войск с территории Восточной Германии, наметив совершенно нереальные сроки: за 4 года перебазировать 500 — тысячную армию, насыщенную огромным количеством техники! Но главное то, что в этой договоренности не было оговорено, на наш взгляд, очень важное условие — одновременный вывод с территории ФРГ

войск НАТО (примерно 200 тыс. человек). Таким образом, в силу политической конъюнктуры руководство СССР отказалось от важнейшего итога Второй мировой войны — участия в сохранении стабильности в Европе, уступив приоритет странам западного мира. Под стук барабанных палочек президента России Б. Н. Ельцина войска уходила в никуда, домой, в страну, где их не ждали, где не были приготовлены ни военные городки, ни жилье, ни школы для детей. Необъяснимая поспешность без подготовки условий для вывода войск не имеет разумного объяснения. (Для сравнения — с Филиппин американцы выводят две дивизии уже 12 лет). Не сомневаясь в необходимости освобождения Германии от иностранных войск, считаю, что предпочтительнее было бы заключение, как в 1945 г. в Потсдаме, нового протокола, где роль России была бы уравнена с другими странами — победительницами.

Забыт и другой важнейший итог Второй мировой войны — осуждение на Нюрнбергском процессе войны как средства разрешения международных конфликтов. По подсчетам Д. Волкогонова, за послевоенные годы в мире произошло 106 локальных войн. Таким образом, как и прежде, правительства применяют силу для демонстрации своих государственных, национальных, религиозных, экономических и эгоистических целей. И всегда подвергают страданиям и бедствиям народные массы. Так было в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Ираке... И не всегда сильный побеждал слабого, но всегда проигрывали те, кто, "играя мускулами" и "бряцая оружием", ставил мир перед новой мировой катастрофой. На этом фоне пример разрешения Карибского кризиса, диалог Н. С. Хрущева и Д. Кеннеди выгодно отличаются от прямолинейности и упорства многих других руководителей государств.

И еще об одном уроке войны. К великому сожалению, во многих странах мира идет процесс реставрации идей поверженных "кумиров". Человеконенавистническая, расистская идеология возрождается. Страшно и дико, что эти взгляды усваивает молодое поколение в нашей стране, не желающее знать о том, каких неисчислимых жертв стоила наша Победа.

Опыт Германии 20—30-х годов убеждает в том, что "коричневость" возникает там и тогда, где и когда на развалинах старого руководство страны не в состоянии дать новую созидательную идею. Поэтому разрушение воспринимается молодым поколением как единственное доступное средство существования.

И еще несколько слов о наших долгах перед теми, кто погиб на

той войне. В этом отношении наша страна уникальна: известно, что до сих пор в лесах и болотах лежат захороненные наши бойцы. Неужожены и те места, где покоятся военнопленные и кладбища неприятеля. Вероятно, пришло время отметить все эти места памятными знаками, что станет не на словах, а на деле воплощением принятой нашей страной Всеобщей декларации прав человека, в которой говорится о ценности человеческой жизни независимо от политического строя и идеологии. Для каждой семьи погибшие на той войне — родные, поэтому и необходимо знать и помнить места, где они покоятся.

Человечество должно войти в XXI век с благодарной памятью о Великой Победе и с твердой уверенностью, что подобное уже никогда не повторится. Если воспитывать молодое поколение суровой правдой о войне, то через несколько поколений в мире утвердятся пацифизм, то есть непризнание войны как средства разрешения любых конфликтов.

В. Н. Гарбузов: Одним из самых важных долговременных последствий Второй мировой войны явилось формирование новой, биполярной, структуры международных отношений, ставшей основой холодной войны. По сути дела, именно Вторая мировая война, а, вернее, — победа в ней СССР и США — стран с противоположным государственным устройством, позволила им развернуть борьбу за сферы влияния, сначала в Европе и Азии, а потом и в остальном мире. Каждая из этих стран хотела воспользоваться плодами победы и руководить если не всем миром, то значительной его частью. Но если США делали это на волне послевоенного подъема, то СССР — в условиях восстановления разрушенной экономики.

Холодная война, основной смысл которой состоял в глобальной конфронтации двух супердержав, а также их союзников на четкой идеологической основе, определяла всю систему международных отношений после 1945 г. — вплоть до начала 90-х годов.

Борьба за лидерство, за новые сферы интересов и влияния, осуществляемая через кризисы, которые ставили мир на грань глобальной войны с применением ядерного оружия, стала определяющей во второй половине XX столетия. Однако весь парадокс заключался в том, что даже наивысший накал этого противостояния в октябре 1962 г. (Карибский кризис) так и не привел к использованию этого самого разрушительного оружия. В чем же здесь дело?

Ядерное оружие, обладавшее (в отличие от обычных видов вооружений) двойной функцией, меняло сам характер отношений

между державами. Подводя мир к опасной черте в условиях глобального соперничества, оно вместе с тем удерживало государственных лидеров от необдуманных шагов и импульсивных поступков, выполняя тем самым позитивную и во многом уникальную сдерживающую роль.

Говоря о наследии Второй мировой войны, хотелось бы остановиться и на тех геополитических сдвигах, которые были вызваны ею и, в частности, сдвигах, связанных с повышением роли США, превращением их в державу глобального масштаба. Именно с поражением Германии и Японии в 1945 г. на первые роли в мире стали выходить Соединенные Штаты, поставившие отныне в центр всей своей внешней политики концепцию "американского лидерства". Ее основу составила идея об исключительности исторического пути развития Америки, о превосходстве американской нации и ее особой роли в мировой истории.

Именно после Второй мировой войны США стали открыто претендовать на роль единоличного глобального лидера. Не случайно вторую половину XX века часто (и прежде всего сами американцы) называют "американским веком". Американцы убеждены, что США — это лидер свободного мира и современной цивилизации, за которым должны следовать все остальные нации. Именно поэтому они представляют свою страну как символ демократии, свободы и прогресса, образец для подражания, модель для других народов. Эта концепция и стала своеобразной "национальной философией" США. К тем странам, которые принимают ее, Соединенные Штаты относятся терпимо и дружелюбно. Те же, государства которые руководствуются собственной философией, сталкиваются с множеством проблем.

Что касается послевоенных советских руководителей, то все они, открыто не признавая идей американизма, плохо знали и понимали западный мир, в том числе и Соединенные Штаты. И это также сыграло свою роль в той биполярной конфронтации, которая доминировала в международных отношениях почти все послевоенные десятилетия.

Как видим, Вторая мировая война, разделившая весь XX век на две исторические эпохи, вызвала к жизни множество самых разных тенденций, которые и определяли характер общественного развития в течение нескольких десятилетий.

Материал к публикации подготовил
В. Николаев

В. Е. Логинов

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

История представляет собой сложный процесс взаимодействия огромного количества людей в какое-то историческое время на определенном географическом пространстве. Это противоречивый результат деятельности сменяющих друг друга поколений со своими стремлениями, надеждами и ожиданиями. Но история – не фатальный, безликий процесс, а сложное и противоречивое явление, в котором участвуют не только большие массы людей, но и отдельные личности, в особенности выдающиеся, накладывающие отпечаток своей яркой и неповторимой индивидуальности на весь ход событий. В связи с этим, одним из важных аспектов познания истории является раскрытие вопроса о характере и степени влияния личности (обычной, талантливой, выдающейся, гениальной) на ход протекания исторических событий.

Все философские концепции признают факт влияния личности на ход исторического процесса [1], но механизм взаимодействия личности и общества, личности и социальных общностей, личности и объективных законов развития истории, места и роли личностей в обществе понимается не однозначно.

Одной из наиболее известных философских концепций роли личности в истории является точка зрения Гегеля. Так, согласно взглядам Гегеля, носителем исторической необходимости является мировой разум, который направляет историю

таким образом, что использует интересы, страсти, стремления людей, в том числе и выдающихся, как средства для достижения своей цели — осуществления прогресса в осознании и реализации свободы человека. Гегель при этом не отрицает влияния личности на ход развития подлинной свободы человека в истории, но это влияние у него полностью зависит от тайной мистической связи выдающейся личности с мировым разумом. Причем, природа и механизм этой мистической связи остается загадкой и для самого Гегеля. Мистическая связь существует как данность и познать ее человек не может. Выдающиеся личности, огромные массы людей, целые народы, исторические эпохи — это лишь орудия мирового разума, который скрыто и тайно ими управляет и через них осуществляет свои цели.

Не менее значимой концепцией роли личности в истории являются взгляды представителей субъективного идеализма, которые полагают, что лишь немногие избранные индивидуумы, обладающие "активным духом", противостоят человечеству как неодухотворенной массе. Эти избранные, критически мыслящие личности и являются путеводной звездой развития истории, поскольку связаны с особыми сферами деятельности в обществе — сферой духовного производства и системой управления. Народ при таком подходе превращается в толпу, следующую за ними и слепо подчиняющуюся воле надисторических личностей. Подобные взгляды разделялись многими историками и философами. Так, русские народники 70 — 80 — х годов XIX в. — П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и многие другие — сочувствовали бедствиям русского народа, но не видели в нем никакой исторической значимости. Для них русский народ представлял собой нечто вроде бесконечного количества "нулей". Эти "нули" могли превратиться в значимую историческую величину лишь только тогда, когда во главе них становились критически мыслящие личности, подлинные исторические герои.

Такая точка зрения на роль личности в истории многофункциональна: она может трактоваться с различных позиций и использоваться на практике в различных вариантах, порой даже в реакционных. Типична в этом отношении позиция немецкого философа Ф. Ницше. В соответствии с ней, народ — это бесформенный материал, из которого можно творить что угодно, народ — это простой камень, который нуждается в резчике. В качестве подобного "социального архитектора" Ницше создает образ Сверх — человека, героя, стоящего "по ту сторону добра и зла", для которого мораль большинства людей — химера, ничто. Главный социальный принцип и движущий мотив

деятельности такой личности — воля к власти. Ради этого все возможно, все позволено, все средства хороши, все оправдано.

Теоретическая ошибка народничества состояла в неспособности научно определить, а тем более выработать, социальный механизм превращения толпы в народ как движущую силу исторического развития. Для П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского толпа всегда остается толпой, даже если она направляется выдающимися историческими личностями. Толпа идет за исторической личностью туда, куда ее поведут. Поставленную проблему в ходе резкой критики народничества пытался решить русский марксизм, но решив ее в теоретическом аспекте, не смог успешно реализовать предложенные теоретические положения на практике, поскольку социальный эксперимент, предложенный русскими марксистами, оказался неудачным.

Проблема, поставленная в свое время русскими народниками, не ушла в прошлое и приобретает для русского общества в конце XX века очень важное значение. Сегодня необходимо понять: кто же мы по своему социально — психологическому состоянию, способны ли мы, как единый народ, оказать воздействие на выбор своего исторического развития, способны ли мы контролировать процесс движения нашего общества к избранной всеми нами гуманной цели. Следует признать, что нам предстоит решить еще множество социальных проблем, чтобы стать единым народом, оказывающим решающее влияние на ход развития нашего общества. Многие десятилетия сталинизма, массовых репрессий, насильственной коллективизации, застоя далеко не в лучшем направлении воздействовали на социально — психологическую атмосферу в обществе. Элементы ханжества, лицемерия, приспособленчества, привычка жить по указке сверху, утрата личной инициативы, подозрительность, зависть получили в нем широкое распространение. Все это и есть те социально — психологические черты, которые характеризуют состояние толпы. Выход из этого состояния толпы будет происходить не просто и, видимо, займет определенный длительный этап в развитии России.

Вопрос о роли личности в истории освещается и в работах религиозных философов, которые не исключают того факта, что личность играет определенную роль в развитии истории. Однако они считают, что историческая роль личности проявляется не по ее собственному желанию, а исключительно по воле Бога. В любой религиозной концепции Бог един, всемогущ и всемогущ. Он не только создал мир и человека, но своим могуществом и богатым содержанием

направляет результат своего творения к определенной цели. При таком подходе личности отводится совершенно незначительная роль: она — безропотный проводник божественного предназначения. Смирение и покорность, а не желание усовершенствовать мир человека, составляют главные социальные качества личности.

Не оставили без внимания вопрос о роли личности в истории и ученые — материалисты. В материалистических концепциях роль личности в истории не связывается с мировым разумом или Богом, как и не зависит от воли критических личностей, подлинных исторических героев. Личность в них рассматривается как продукт постепенного общественного развития, сформировавшаяся на основе различных видов деятельности, богатстве и многообразии общественных отношений. Чем богаче и разнообразнее виды и формы деятельности, содержательнее общественные отношения, тем более качественно развита личность и эффективнее ее роль в развитии истории. Если полагать, что основной сущностью и содержанием личности является ее социально — историческая деятельность, направленная на разрешение возникающих в ходе развития истории общественных проблем, то вопрос о ее роли в истории полнее может быть раскрыт через диалектическую связь категорий всеобщего и особенного.

На чем основывается положение о том, что созидательная роль личности в истории представляет собой всеобщую закономерность?

Многими авторами, занимающимися проблемами личности, признается положение о том, что объективные общественные потребности, возможности будущего человеческого развития, цели и перспективы живут, функционируют не в качестве какой — то гегелевской абстрактной всеобщей идеи или метафизически отдаленной от нас сущности, которая скрыта и недоступна для людей, а прежде всего, как индивидуальные потребности, интересы каждой конкретной личности. И если это положение многими учеными принимается без сомнения, то тогда объективная общественная потребность в истории не имеет другой формы проявления как только через деятельность конкретной личности. Ведь именно в личностях, в их исторических действиях находит свое преломление и воплощение роль народных масс, классов и других социальных общностей. Народ, класс, нация сами по себе не существуют и не развиваются помимо конкретных действий и поступков отдельных личностей. В этом и проявляется всеобщая закономерность деятельности личности в истории, которая, к сожалению, не всегда направлена по пути прогрессивного развития истории.

Так, историческая идея объединения русских земель вокруг Москвы на протяжении XIII – XV веков проявила себя как объективная потребность становления русского централизованного государства. Реализовалась же эта историческая необходимость в конкретных индивидуальных поступках великих русских князей.

Объективная потребность связи России с Европой нашла свое выражение и реализацию в конкретных исторических действиях Петра I.

Так в любой исторический период происходит реализация объективной исторической потребности через индивидуальную деятельность личности (обычной, талантливой, выдающейся, гениальной). В этом сложном диалектическом процессе деятельность личности предстает как всеобщая закономерность.

Всеобщая социальная активность личности как субъекта истории имеет свои особенные формы проявления. В чем же проявляется подобная закономерность?

Личность возникла в результате длительного исторического развития, выступая как социальный облик каждого человека, выраженная в конкретной индивидуальной характеристике. Личность не является изолированным явлением, она всегда связана с массами, социальными общностями (класс, нация, социальная группа). Вся сложная картина общественных процессов, происходящих как внутри социальной общности, так и во взаимосвязи с другими общностями, наличие и функционирование разнообразных культур, обычаев, традиций, религиозных верований и многих других общественных явлений являются источником проявления всеобщей социальной активности личности. Однако выражение всеобщей социальной активности личности имеет особенные, непохожие друг на друга формы проявления.

Так, переход от феодализма к капитализму занял значительную эпоху во всемирной истории и являлся всеобщей исторической закономерностью, которая реализовывалась через различные социальные процессы (эволюционные и революционные), возглавляемые выдающимися историческими личностями. Однако при всей внешней схожести становление капиталистического общества в различных регионах мира имело свое конкретно – историческое своеобразие, которое определялось как национально – культурными особенностями, так и характером воздействия личностного фактора, через действие которого в значительной степени и реализовывалась историческая закономерность. Капитализм в восточных странах (Япония, Корея, Тайвань) отличается от капитализма в западных странах (США, Англия, Германия).

Из вышеизложенного может сложиться представление о том, что активность личности абсолютно ничем не определяется. Признать это положение — значит согласиться с точкой зрения субъективных идеалистов, сводящих человеческую историю к деятельности подлинных героев, критически мыслящих личностей, позиция которых ведет к волюнтаризму. Согласно их взглядам, критически мыслящая личность возвышается над обществом (пассивной толпой) и диктует, насаждает обществу свои интересы, желания и взгляды. Однако, согласиться с такими утверждениями невозможно. Деятельность личности, ее вмешательство в общественную жизнь всегда тесно связаны с общественными законами, действующими в обществе независимо от того, знает человек эти законы или нет. В противном случае деятельность личности будет бессмысленной. Так, если еще не созрели необходимые материальные предпосылки, условия для возникновения нового этапа развития общества в недрах старого, ни один исторический деятель не в состоянии вызвать его к жизни. Никто, никакая личность не может повернуть общественное развитие вспять.

Диалектика истории такова, что историческая личность изменяет обстоятельства социальной жизни под давлением самих же обстоятельств. Исторически возникающие проблемы, в процессе социального познания выраженные в общественных законах, определяют содержание и направление деятельности личности, ее исторические границы и рамки. Однако не следует думать, что общественный закон выступает в роли некой фатальной силы, рока, как полагают представители вульгарно — экономического материализма, рассматривающие исторический процесс как действие стихийного развития экономического фактора (производительных сил общества), в котором ни народные массы, ни историческая личность не могут оказать какое — либо серьезное влияние на ход развития событий. Если принять подобное утверждение за истинное, то тогда будут правы критики социальной философии марксизма.

Так, в конце XIX в. Штаммлер писал, что последователи Маркса (на самом деле его критика относилась к одному из течений марксизма — вульгарно — экономическому материализму) якобы противоречат сами себе, когда организуют политическую партию для победы социализма, поскольку, согласно их теоретическим взглядам, социализм все равно наступит неизбежно, объективно. Ведь "никто не организует партию содействия лунному затмению", — иронизировал Штаммлер. Подобное утверждение исходило из неправильного понимания того, что исторический закон определяет лишь общее направление развития

истории, в то время как ее конкретный ход, темпы и формы исторического развития обусловлены более конкретными причинами в обществе: соотношением сил прогресса и регресса, активностью народных масс, отдельных личностей, деятельностью политических партий и многими другими общественными факторами.

Перед личностью всегда стояла и будет стоять проблема выбора из всех имеющихся возможностей и вариантов объективного исторического развития — одного, с которым связано прогрессивное направление движения истории. Причем, задача состоит не столько в выборе, сколько в творческом созидании новых исторических форм развития общества, в которых прошлое, настоящее и будущее не противопоставляются и взаимоисключаются, а гармонически соединяются, создавая исторически новое, более совершенное качественное устройство общественной жизни, диалектически снимающее и разрушающее противоречия предыдущих этапов. Выбор нового общественного пути развития не просто, автоматически, сообщается личности объективным ходом развития истории, а возникает и развивается в процессе противоречивого практического взаимодействия исторического субъекта с обществом. Окончательный итог исторического выбора можно рассматривать как одну из форм проявления социальной активности личности.

Так, благодаря критическому подходу к фатально — детерминистской и мистико — провиденциалистической интерпретации истории, диалектическому пониманию специфической природы социально — исторической деятельности, которая, в отличие от природного мира, не дается личности извне и в готовом виде, а возникает и складывается в процессе нашего практического взаимодействия с природой, в ряде философских концепций конца XIX — начала XX в. было создано условие для всестороннего обоснования места и роли личности в истории. Ни Бог, ни рок, ни фатум, а конкретная историческая личность стала реальным со — творцом социально — исторической реальности, а следовательно, и самой логики объективного существования и развития истории. Такое понимание развития истории и роли личности в ней открыло широкий простор и возможности для теоретического анализа социальной активности не только выдающихся личностей в истории, но и любой другой личности.

Роль личности в истории зависит от специфики и сложности протекания исторических процессов. Многие исследователи, разрабатывающие философские проблемы истории, выделяют в ее развитии эволюционные и революционные формы. В каждой из таких

форм активная роль личности проявляется неоднозначно. Наиболее ярко личность проявляет свою социальную активность в переломные периоды развития истории. Особенность подобных форм общественного развития заключается в том, что перед обществом встают сложные задачи определения и реализации общепринятого пути общественного развития, выбора реальных средств для достижения поставленных целей. Грандиозность, встающих перед обществом проблем, требует и соответствующих неординарных решений и плодотворной деятельности со стороны личности. Именно в такие исторические периоды широко и ярко раскрывается роль личности в истории. Подобные процессы происходят не только в обществе в целом, но и в отдельных его сферах (социальной, экономической, политической и духовной). Так вошли в историю Ломоносов и Менделеев, Пушкин и Толстой, Репин и Крамской, Суворов и Кутузов, Столыпин и Витте и многие другие выдающиеся исторические личности.

Может сложиться представление, что в эволюционные периоды развития общества роль личности не имеет яркой формы своего проявления, поскольку общество развивается и функционирует без серьезных социальных потрясений. С подобным суждением трудно согласиться. Роль личности проявляется и в такие периоды, но связана она с разрешением менее острых проблем общественного развития. Основная характеристика эволюционного периода в развитии общества заключается в том, что в этот период исторического времени ведущие социальные общности гармонически взаимодействуют друг с другом. Классы, нации, социальные группы принимают все усилия, используют знания и жизненный опыт для успешного решения намеченных целей. Каждая отдельная личность, входящая в ту или иную социальную общность, является непосредственным участником эволюционного развития общества, проявляя тем самым свою активную роль творческого субъекта истории.

На протяжении всей истории человечества, в ходе стабильного, эволюционного развития общества создавались основные достижения в сфере материальной и духовной культуры. И одной из причин, оказавшей значительное воздействие на процесс создания вышеназванных ценностей было гармоническое единство интересов выдающихся исторических личностей в различных сферах общественной жизни и интересов обычных, рядовых личностей, представляющих различные классы, нации и социальные группы. Подобного единства не существует в революционные периоды

общественного развития. Известно, что в ходе социальных революций, глубоких общественных конфликтов, войн уничтожались многие ценности культуры, созданные человечеством в периоды стабильного, эволюционного развития.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что характер и сложность развития исторических процессов (эволюционных и революционных) требуют определенного типа личности, которой и предстоит разрешать сложившиеся общественные проблемы.

Роль личности в истории зависит и от того, в какой социальной среде происходит ее формирование. Формирующие людей социальные условия можно подразделить на три уровня – общий (данное общество в целом, социальный строй, историческая эпоха), особенный (национальные, классовые и профессиональные особенности среды) и единичный (семья, коллектив, микросреда) [2]. Вся сложная система социальной среды, в которую включен индивид с момента своего рождения, постепенно формирует определенный тип личности. Среда представляет индивиду свои нормы и ценности, обычаи и традиции, предрассудки и суеверия. Она контролирует его поведение, следя за тем, чтобы индивид не отклонялся от господствующих в ней социальных норм. В данном случае понятие "личность" играет очень важную роль, ибо оно объясняет, почему индивид в зависимости от различных социальных условий, от различных факторов социальной среды формируется в определенный тип. Только благодаря социальной включенности и усвоения ценностей социальной среды индивид становится самобытным субъектом истории, получает возможность стать творческой силой исторического процесса. Однако направленность действий личности может быть разной, что зависит от ее принадлежности к определенной социальной общности, разделяющей те или иные ценности и ориентиры исторического развития.

Представители философии экзистенциализма возражают против зависимости личности от ценностей и норм социальной среды. Согласно их взглядам, включенность личности в определенную систему социальной среды, особенно классовую и национальную, губительно сказывается на развитии творческой активности личности. Личность в подобной ситуации теряет свое подлинное существование (экзистенцию), свое индивидуальное "Я", свою неповторимость. Социальная среда нивелирует личность, делает ее массовой, типичной. В ней растворяется личное, неповторимое своеобразие. Если подобные суждения принять за истину, то личность, находящаяся в такой

зависимости от социальной среды, не будет выполнять активной роли в развитии истории.

Подобные взгляды о нивелирующем воздействии на личность социальной среды основываются на противопоставлении личности и общества, как якобы двух самостоятельных, не связанных между собой сущностях. Однако в реальной исторической действительности личность и общество диалектически связаны, поскольку личность не только продукт общества, но и его субъект — действующее лицо истории. Как справедливо писал К. Маркс, "...как само общество производит человека как человека, так и он производит общество" [3]. Личность только тогда становится творческой силой исторического процесса, когда усвоит все богатство общественных отношений той социальной среды, в которую она входит. И тогда социальное, заложенное в общественной среде, не будет противостоять личности в виде внешней и чуждой силы, устраняющей ее индивидуальное своеобразие, неповторимое видение развития истории. Впоследствии ценности социальной среды становятся мировоззрением личности, ее внутренним источником развития, а сама личность постепенно превращается в самобытное и неповторимое "Я".

Общественная среда имеет сложную социальную систему, и не все ее составные части представляют одинаковые возможности для развития личности. Так, большие возможности для реализации своих потенциальных способностей в историческую действительность имели господствующие классы и группы общества, что было связано с характером их деятельности, привилегированным положением в обществе, более высоким уровнем образования и культуры. В результате влияния этих социальных факторов из среды господствующих классов выдвинулось большое количество выдающихся исторических личностей, внесших заметный вклад в развитие общества и отдельных его сфер.

Что касается трудящихся классов, то условия их жизни всегда ограничивали появление выдающихся исторических личностей. Однако история знает и определенные исключения, когда из среды трудящихся классов выделялись исторические фигуры, но они возникали, как правило, в сложные, переломные периоды общественного развития и, главным образом, в социально — политической сфере общества. Лишь в виде исключения можно говорить о выделении из трудящихся классов выдающихся личностей в сфере духовной культуры.

История показывает, что на разных этапах общественного развития личностное начало человека раскрывалось по — разному. Так,

в условиях первобытного общества оно находилось еще в зачаточном состоянии. Наиболее ярко личностный фактор начинает проявлять себя в период возникновения и развития капиталистического общества. В ходе дальнейшего исторического развития, вследствие действия целого комплекса социальных факторов, личность начинает оказывать на общество все большее влияние. В настоящее время возрастающая степень влияния личности на ход развития истории проявляет себя как одна из объективных закономерностей, которую необходимо эффективно использовать в решении общественных проблем.

Из положения об активной роли личности в истории следует и вопрос о роли выдающейся личности.

Историческая практика свидетельствует о том, что для разрешения назревших задач общественного развития возникает потребность в руководителях, вождях, лидерах, которые призваны возглавить движение народных масс и решить существующие проблемы. Удовлетворить подобную общественную потребность может далеко не всякий, а лишь тот, кто обладает особыми социальными качествами, которые заметно выделяют его из других людей. Но не великие личности создают, вызывают к жизни великие эпохи, а наоборот, последние являются той благоприятной средой, условием, в которых талант, гений, дарования той или иной личности могут созреть, проявиться и реализоваться. Ведь существование общественной потребности — это еще не разрешение проблем общественного развития. Для разрешения общественной проблемы необходима личность с набором определенных социальных качеств. Так, для разрешения проблем экономического развития требуется личность, хорошо представляющая закономерности этой сферы общества, для разрешения проблем военного строительства — личность уже с другим набором социальных качеств. В обществе должен быть выработан способный эффективно действовать механизм формирования у людей соответствующих социальных качеств. Если подобного механизма не существует, или же он неэффективно работает, то общество может продолжительное время топтаться на месте в попытках разрешить существующие проблемы.

Историческая личность накладывает на общественные процессы, во главе которых она стоит, определенную "печать". Выдающаяся личность ускоряет ход развития событий. Сила воздействия талантливой личности на ход развития истории бывает настолько велика, что порождает у людей ошибочное мнение, будто весь ход исторических событий всецело зависит от нее. Подобное явление

Г. В. Плеханов назвал "оптическим обманом". В связи с этим роль выдающейся личности нельзя переоценивать, поскольку никакая личность не в состоянии изменить ход истории. Историческая практика показывает, что те исторические деятели, которые не считались с объективными законами истории, с назревшими проблемами общества, неизбежно терпели крах.

Выдающаяся историческая личность не одинока, за ней стоят определенные социальные силы, на которые она опирается и интересы которых выражает и защищает. Роль личности находится в прямой зависимости от степени активности, а, главное, исторической перспективности той социальной общности, на которую она опирается.

Всегда, когда перед обществом возникают условия для определенного исторического открытия — технического, социального, научного, культурного — появляются люди, осуществляющие их. Чем яснее личность осознает и полнее выражает необходимость определенных изменений и действий, тем крупнее ее роль и весомее вклад в сокровищницу мировой культуры. Только такая выдающаяся личность подлинно свободна, она осознанно познает окружающую историческую необходимость и реализует ее в интересах всего человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, : *Ануфриев Е. А.* Социальный статус и активность личности. М., 1984; *Бердяев Н. А.* Философия свободы: смысл творчества. М., 1989; *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990; *Воронович Б. А.* Созидательный потенциал человека. М., 1988; *Гуйван П. Н.* Становление марксистской концепции человека. Томск, 1985; *Крутова О. Н.* Человек и история. М., 1982; *Лебедев Б. К.* Социальный тип личности (теоретический очерк). Казань, 1971; Проблема человека в "Экономических рукописях 1857 — 1859 гг." К Маркса. Ростов, 1977; *Резвицкий И. И.* Личность. Индивидуальность. Общество. М., 1984; *Скворцов Л. В.* Культура самосознания. М., 1989; *Шульга Н. А.* Классовая типология личности. М., 1975.
2. *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Микросреда. Теория и история. М., 1981. С. 181.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 589.

М. С. Ерохина

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ: СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ

В преподавании истории в нашей стране долгие десятилетия на первый план выдвигались объективные закономерности общественного развития, которые отождествлялись с внеличностью и бессознательностью исторического процесса. И хотя характеристикам исторических личностей в учебно – методической литературе уделялось некоторое внимание, главный акцент при этом делался не на индивидуальном своеобразии, неповторимости и уникальности самой личности, а на сосредоточии в ней типичных черт и признаков представителя того или иного класса. При этом почти не рассматривались психологические характеристики исторической личности, мотивы и нравственные аспекты ее деятельности.

Сегодня перед учителем истории с особой остротой стоит задача гуманизации истории как науки, что означает, в первую очередь, ее "очеловечивание", повышенное внимание к личности в истории, раскрытие идеи самоценности человека в историческом процессе.

В проекте государственного стандарта исторического образования проблема изучения человека и его роли в истории поставлена первой среди сквозных содержательных линий всех школьных курсов. Речь идет не только об увеличении количества изучаемых исторических персоналий, но и о некотором переосмыслении методологических подходов к анализу жизнедеятельности выдающихся людей прошлого.

Можно выделить следующие позиции современной методики по проблеме изучения исторической личности:

1. Рекомендуется методика поэтапного формирования знаний об исторической личности. Обогащение знаний идет в следующем направлении: от раскрытия внешнего облика и фактов биографии к познанию черт характера, анализу мотивов его поступков, психологического состояния в момент принятия ответственного решения и, наконец, к целостной характеристике образа.

2. Особое внимание уделяется характеристике деятельности личности в переломные, решающие моменты исторического развития, когда человек осуществляет выбор, повлиявший и на его судьбу, и на судьбу страны, ее народа. Это позволяет привлечь учащихся к анализу возможных альтернатив развития истории, показать роль ситуаций

выбора, жизненной позиции человека в истории, мотивов этого выбора.

3. Оценка личности осуществляется с различных точек зрения, в том числе с точки зрения норм той эпохи, в которой жил человек. С этой целью учащихся знакомят не только с мнениями разных историков, но и с высказываниями современников, предлагаются задания на описание личности глазами современников, на драматизацию диалога или других жизненных ситуаций, раскрывающих взаимоотношения личности с окружающими людьми.

4. При выработке нравственных суждений о поступках и поведении исторического деятеля ученик получает право на субъективность и пристрастие, на обоснование своих решений этических дилемм. Однако история не только показывает сложность и неоднозначность моральных оценок, нравственного выбора, но и позволяет формировать представление об общечеловеческих ценностях, воспитывать уважение к истине, добру, красоте, таланту, человеческому достоинству, гражданскому долгу.

5. Все большее распространение на школьных уроках получает жанр персонифицированной истории, который позволяет через биографию исторической личности осветить важные события, особенности стран и народов, раскрыть образ эпохи. Подобные уроки могут строиться на основе биографий не только видных и выдающихся деятелей, но и тех, чью жизнь историк считает типичной для того или иного времени.

Таким образом, усиление личностно – психологического аспекта истории – одна из главных тенденций современного развития исторического образования.

Формированию умения давать развернутую характеристику исторической личности способствует использование алгоритма ее построения. В алгоритме заложены смысловые опоры, на которых строится система знаний об исторической личности. Использование алгоритма предусматривает осмысленное, а не механическое запоминание большого конкретно – исторического материала о личности, позволяет учащимся самостоятельно анализировать и обобщать факты из разных источников и в целом способствует формированию исторического мышления.

Можно предложить следующую памятку – схему *“Характеристика исторического деятеля”*:

1. Сведения о жизненном пути (происхождение, наиболее существенные факты биографии), условия, которые повлияли на формирование личности, ее взглядов.

2. Личностные качества (интеллектуальные, нравственные, волевые), степень соответствия их историческим задачам, которые решал данный человек.

3. Жизненные принципы, идеалы и мотивы поведения.

4. Способы действия и средства для достижения цели.

5. Интересы какой социальной группы выражал? Круг друзей, единомышленников и круг врагов, противников.

6. Есть ли противоречия в деятельности и в самой личности этого человека?

7. Роль данной личности в истории, результаты и значение деятельности.

8. Ваше отношение к данному историческому деятелю.

9. Художественная, публицистическая и научная литература, содержащая в себе сведения о данном человеке.

Если деятельность личности повлияла на исход альтернативы, возникшей в ходе истории, то схему уместно дополнить следующими вопросами:

— Сформулируйте сущность каждого из возможных вариантов развития событий, реально существовавших в данный исторический момент.

— Выявите историческую обусловленность каждого варианта. При каких условиях мог осуществиться тот или иной путь развития событий?

— Какие факторы преопределили исход событий? Выявите влияние субъективных и объективных факторов.

— Попробуйте объяснить мотивы деятельности личности, повлиявшей на ход событий. Учтите обусловленность выбора как внешними обстоятельствами, так и интересами, устремлениями, мыслями, эмоциями, нравственными устоями самого человека.

— Объясните достоинства и недостатки избранного пути, оцените произошедший выбор с точки зрения результатов: для положения разных групп людей, для экономики, для политики, для международных отношений.

В старших классах происходит углубление характеристики исторической личности, в частности, за счет привлечения политологических и социологических знаний.

Так, при изучении выдающегося политического деятеля представляется важным для старшеклассников умение определять *тип лидерства*, опираясь на классификацию авторитета, разработанную немецким социологом Максом Вебером:

1. Традиционное лидерство — имеет традиционный характер, освящено авторитетом, издавна существовавших патриархальных установлений, религиозными нормами.

2. Рациональное (бюрократическое) лидерство — опирается на определенную систему общих правил и норм, на закон.

3. Харизматическое лидерство — основывается на признании исключительности, уникальности индивидуальных качеств и

достижений личности. Взаимоотношения вождя и масс зачастую имеют эмоционально — мистический характер, предполагающий беспредельную веру, бездумное следование приверженцев за харизматическим лидером

К числу харизматических деятелей западные исследователи обычно относят Гитлера, Сталина, Франко, Салазара, Рейгана, Тэтчер и др. [1. С. 180]. Социально — психологическая ситуация, связанная с искренней верой в лидера, может превратиться в одну форму, сохраняя только внешние атрибуты харизматического лидерства.

Учащиеся должны уметь различать и лидеров популистского толка. В данном случае под популизмом понимается безудержная, зачастую демагогическая апелляция к народу с тем, чтобы найти себе опору в нем. Лидеры, которых можно назвать популистами, стремятся к прямым контактам с массами на митингах, манифестациях, щедрь на обещания, порой даже абсурдные: часто проявляют беспринципность, могут манипулировать результатами опросов, референдумов и т. п.

При анализе взаимоотношений лидера и масс можно обратить внимание учащихся на необходимость различать понятия "народ" и "толпа". Французские социальные психологи Г. Лебон и Г. Тард исследовали феномен толпы и пришли к выводу, что толпа, властвуя в переходный период, когда расшатываются устоявшиеся идеи, устои, верования, обладает своей особой психологией, в ней индивиды утрачивают чувство ответственности и оказываются во власти иррациональных чувств, нетерпимости и всемогущества. Лебон и Тард отмечали такие черты поведения толпы, как преобладание эмоций над разумом, разрушительность, нетерпимость к критике, иной точке зрения, склонность подчиняться сильной власти.

Зная психологию толпы, лидеры могут ею манипулировать, льстя ее самолюбию, "оглушая" ее эмоционально — яркими речами, "заводя" агрессивной фразеологией, указывая ей на врагов. При этом "героем" может стать не только выдающаяся личность, но и ничтожный человек, который сумеет повести толпу за собой.

Характеристика видного деятеля в истории может стимулировать обсуждение на уроках истории нравственных проблем, в частности, вопросов политической этики. Историческая личность зачастую оказывается перед нравственной дилеммой: либо принимать жесткие и непопулярные меры, не отличающиеся гуманизмом, либо, отказавшись от их принятия, усугубить ситуацию в стране, дать шанс реакционным или консервативным силам и тенденциям. Анализ поведения личности в подобной ситуации выбора будет, конечно, исходить из конкретно — исторической обстановки, включая такие моменты, как учет необходимости или неизбежности, практической целесообразности

того или иного действия, его моральной оправданности и обоснованности, выявление мотивов, которыми руководствовалась личность в своем выборе. Но здесь уместно обсудить и более общие вопросы. Может ли быть политика нравственной? Или мораль не имеет никакого отношения к политике? (Вспомним слова Макиавелли: "Политика — это дело государства, а мораль — дело индивида".) Что значит — "честный политик"? Возможно ли благородство в политике? Допустимо ли добиваться гуманной цели негуманными методами?

М. Вебер писал: "Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение "хороших" целей во множестве случаев связано с необходимостью мириться и с использованием нравственно сомнительных или, по меньшей мере, опасных средств; и с возможностью, или даже вероятностью, скверных побочных действий; и ни одна этика в мире не может сказать, когда и в каком объеме этически положительная цель "освящает" этически опасные средства и побочные следствия".

Учитывая, что любое политическое действие затрагивает судьбы многих людей, Наверное, правомерно все же ставить вопрос о нравственности политики и политика. Тогда, может быть, "честный политик" — это тот, кого отличает единство слова и дела, кто ставит перед собой только такие задачи, которые он может решить, соблюдая при этом общепринятые в обществе морально — этические нормы? А "благородный политик" — это политик толерантный, т. е. терпимый к чужой точке зрения, чужим взглядам, верованиям, обычаям, уважающий мнение другого? [2. С. 94]. Любой ученик вправе высказать собственное мнение по этим вопросам или хотя бы задуматься над ними.

Таким образом, нравственные проблемы выдающихся людей прошлого соотносятся с современностью, и размышление над ними способствует процессу личностного и гражданского самоопределения школьника. Гуманистический подход к истории значим тем, что это история человека — для человека — раскрываемая человеком [3].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Введение в политологию. Книга для учащихся старших классов / Под ред. Гагжиева К. С. М., 1993.
2. Захарова Е. Н. Человек и общество. Дидактический материал. Ч. IV. М., 1993.
3. Данная статья представляет собой расширенный вариант публикации автора в журнале «Преподавание истории в школе». См.: Ерохина М.С. Историческая личность: современная методика изучения // Преподавание истории в школе, 1996. № 7. С. 50 — 52.

М. В. Орлов

МЕМУАРЫ ПРИНЦЕССЫ ВИКТОРИИ ЛУИЗЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

События первой четверти XX в. захватили в свой водоворот большое количество людей, так или иначе воздействовавших на мировую политику. После отхода от дел некоторые из них оставили свои воспоминания. Для одних эти воспоминания были актом оправдания перед современниками и грядущими поколениями, для других — полемикой с политическими противниками, для третьих — стремлением придать большую значимость собственной личности.

Значительную часть таких мемуаров составляют воспоминания высших государственных деятелей Германской империи. Поражение немцев в Первой мировой войне, падение монархии Гогенцоллернов, хаос революции 1918 г. заставили объясняться и оправдываться бывших лидеров этого государства. Император Вильгельм II, канцлер Бюлов, кронпринц Вильгельм, фельдмаршал Гинденбург, адмирал Тирпиц и многие другие деятели рухнувшей империи принялись толковать историю, превратив сферу мемуаристики в поле политических и мировоззренческих баталий [1].

Однако среди этого потока мемуарной литературы незаметными остались воспоминания германской принцессы, герцогини Брауншвейгской, единственной дочери германского кайзера Вильгельма II — Виктории Луизы. Между тем, ценность ее труда велика. Не будучи ответственной за принятие каких — либо важных государственных решений или за их исполнение, она была рядом с действовавшими в переломную эпоху ключевыми фигурами германского государства. Виктория Луиза, находившаяся при дворе императора, имела редкую возможность наблюдать за движением германской и мировой политики и за людьми, которые формировали эту политику. В ее поле зрения оказались те факты, которые, с одной стороны, не могли быть достоянием обывателей, а с другой, те события, о которых не всегда знали даже высшие государственные деятели.

13 сентября 1892 г. гвардейская артиллерия произвела салют из двадцати одного залпа [2]. Так Потсдам, а вместе с ним и вся страна узнали о рождении дочери императора. Спустя почти месяц, 22 октября, в день рождения матери — королевы Прусской и императрицы Германской, девочку назвали Викторией Луизой. Имя было дано в

честь бабушки ребенка по материнской линии и прабабушки новорожденной – королевы Англии Виктории.

Прусской принцессе предстояло пережить две мировые войны, ожидание писем от мужа и детей, воевавших на фронтах этих войн. Ей суждено было увидеть крушение двух империй, взлет и падение государственной карьеры собственного отца, перенести изгнание, скитания за границей и снова вернуться на родину. Все эти события, дополненные личными переживаниями, оценками и суждениями, Виктория Луиза и изложила в своих мемуарах "*Жизнь дочери императора*" [3].

Главы, непосредственно относящиеся к правлению кайзера Вильгельма II, составляют лишь половину всей книги. В первых восьми главах ("Мое детство", "Большая семья", "О заботах, радостях и горестях", "Эрнст Август", "В Брауншвейге", "Божественный покой", "Война", "Начало конца") описывается период с 1892 по 1918 гг.

В главе "Мое детство" Виктория Луиза повествует о самом кайзере и его семье. В ее описании Вильгельм предстает перед читателями прекрасным отцом и хорошим мужем, что явно контрастирует с его традиционными характеристиками как прусского вояки или с некоторыми критическими отзывами о распущенности, царившей в близком окружении императора. Несмотря на то, что оценки Викторией Луизой были вызваны ее желанием поддержать авторитет отца, можно заметить, что мемуары изобилуют разнообразными подробностями и фактами, указывающими, по меньшей мере, на неоднозначность личности Вильгельма.

Особенно подробно принцесса останавливается на проблемах воспитания и отношениях между детьми в семье императора. Она дает при этом краткую, но достаточно емкую характеристику своим братьям: Вильгельму, Эртелю Фрицу, Адальберту, Августу Вильгельму, Оскару и Иоахиму. Принцесса отмечает, что три старших брата в своих отношениях с младшими были довольно сдержанны, т. к., готовясь служить империи, полностью отдавались учебе.

Виктория Луиза подробно описывает дворцовый распорядок и правила, регламентировавшие все стороны жизни детей кайзера. Атмосфера искренней дружбы и привязанности не была чужда принцам крови. Особенно спланивали большую императорскую семью совместные поездки и путешествия, описания которых также содержатся в мемуарах.

Автор особо останавливается на системе образования в семье императора. Она дает интересное описание сельскохозяйственной практики, которую проходили старшие братья. Так, Вильгельм, Эртель Фриц и Адальберт жили в течение полугода на специально обустроенной ферме, вникая во все особенности крестьянского труда.

выполняя при этом зачастую грязную и тяжелую физическую работу.

Глава "Большая семья" повествует о династических связях Гогенцоллернов с королевскими домами Австро – Венгрии, Болгарии, Великобритании, Греции, Дании, Испании и Италии. Большое внимание в ней Виктория Луиза уделяет и России. Глава содержит краткое описание первой встречи принцессы и российского императора Николая II, а также характеристику императрицы Александры Федоровны [4]. Несмотря на положительные в целом оценки личных качеств российской императрицы, в самом тоне воспоминаний присутствует элемент некоторого снисхождения. Для Виктории Луизы, как впрочем и для всех остальных Гогенцоллернов, Александра Федоровна так и осталась принцессой мелкого германского княжества. Такое отношение к ней, конечно же, не способствовало установлению искренней дружбы и доверительных отношений между Николаем II и Вильгельмом II, несмотря на их частые личные контакты и переписку [5].

В отношении же российского императора принцесса отстаивает довольно распространенную точку зрения, утверждая, что Николай II был образцовым семьянином, что вместе с Александрой Федоровной они составляли превосходную пару. Однако в государственных делах, по мнению Виктории Луизы, Николай был слабоволен и более того, прикрываясь собственной семьей, пытался оградить себя от жестокой реальности, что в конечном итоге и привело Российскую империю к гибели.

В этой же главе принцесса описывает и свою встречу с австрийским императором Францом Иосифом [6]. Здесь же приводятся окрашенные глубокой эмоциональностью наблюдения автора относительно соблюдения этикета, традиций и правил германского и австрийского дворов.

В главе "О заботах, радостях и горестях" повествуется о юности и взрослении дочери императора, о тех обязанностях, которые приходилось исполнять принцессе при дворе. В ней большое внимание уделяется также быту и нравам прусской гвардии. Принцесса приводит целый ряд интересных сведений относительно комплектования, обучения и службы в гвардейской кавалерии, показывая тем самым достаточно высокий уровень компетентности в военных вопросах.

Милитаризация жизни прусского двора заставляла дочь кайзера активно участвовать в военных "играх" своего отца. Так, Виктория Луиза являлась шефом второго лейб – гусарского полка [7] и рассматривала свое шефство как важную и серьезную обязанность. В мемуарах приводится подробное описание жизни этого гусарского полка.

Среди обязанностей принцессы было и присутствие на дипломатических приемах, встречах с общественными деятелями,

различных торжествах и церемониях. Особенно ярко она описывает так называемые "дни Цеппелина". Известный конструктор дирижаблей даже назвал в честь Виктории Луизы один из своих крупнейших летательных аппаратов.

Глава "Эрнст Август" повествует о романтической истории любви германской принцессы. Помимо чисто личных переживаний она касается проблемы династических браков внутри Германской империи, раскрывая все сложности совмещения личных желаний и привязанностей с государственной необходимостью.

Жизнь и быт княжеской семьи в Германской империи раскрывается на примере семьи Эрнста Августа Брауншвейгского — мужа Виктории Луизы [8]. Она отмечает, что, несмотря на усиливавшиеся в начале XX века тенденции к слиянию дворянства и крупной буржуазии, некоторые германские семьи все еще жили под влиянием старых традиций. Подробно описывая свою свадьбу, состоявшуюся 24 мая 1913 г., принцесса изображает ее не просто как семейное торжество, но как важное государственное событие. На свадьбу единственной дочери Вильгельма II приехали английский король Георг V и российский император Николай II.

В мемуарах очень подробно описывается сама церемония бракосочетания, традиционные парады, балы, выезды, обряд венчания. От внимания автора не ускользают даже подробности костюмов или мундиров многочисленных гостей. Само же повествование свидетельствует об атмосфере счастья, волнения и надежд на прекрасное будущее, которая царила в те дни.

Однако эта глава содержит и описание драматических эпизодов. Так, дочь германского кайзера описывает ужас, который она испытала несколькими годами позже, при известии о расстреле Николая II и его семьи. Причины же гибели царя принцесса видит в его собственном слабоволии и неумении выбирать настоящих союзников, каковые, по ее мнению, были в Тройственном союзе, а не в Антанте.

Пятая глава "В Брауншвейге" повествует о внутренней политике во вверенном в управление ее мужу Брауншвейге. Среди проблем, затрагивавших деятельность Эрнста Августа Брауншвейгского как главы Брауншвейга, в первую очередь стоял вопрос о балансе между монархией, зависившей от нее исполнительной властью и законодательными органами. Набиравшая в то время силу социал-демократия, либеральная пресса и монархисты — консерваторы постоянно раскачивали и без того неустойчивую государственную власть. Ловкое балансирование Эрнста Августа между основными силами политического процесса предстает в описании Виктории Луизы как средство достижения гражданского мира и спокойствия.

В главе "Божественное спокойствие" дается оценка и подводятся итоги двадцатипятилетнему правлению Вильгельма II. Характеризуя внешнюю и внутреннюю политику Германии в период правления своего отца, принцесса прежде всего указывает на то, что в течение двадцати пяти лет кайзер сумел управлять страной без войн и социальных смут, что, по ее мнению, не удавалось ни одному германскому правительству или императору до конца Второй мировой войны.

Более того, дочь Вильгельма утверждает, что мировую войну первой развязала не Германия. Она приводит многочисленные эпизоды ее личного общения с отцом, в которых кайзер искренне выражал желание видеть Европу в мире и в составе единого континентального союза [9], объединенного едиными целями и интересами. Виктория Луиза категорически не согласна с решениями Парижской мирной конференции, возложившей всю ответственность и вину за войну 1914—1918 гг. на Германию. Она утверждает, что именно эта несправедливая и во многом субъективная точка зрения, возобладавшая после поражения Тройственного союза, способствовала утверждению неверных оценок личности и деятельности ее отца.

Кайзер Вильгельм II, по утверждению принцессы, был не большим милитаристом, чем Николай II, Георг V, Пуанкаре или другие главы государств, определявшие европейскую политику на рубеже двух столетий. Однако после войны на Западе стало не принято говорить о той роли, которую сыграли лидеры Антанты в разжигании мирового конфликта, зато на долю германского императора выпала основная масса обвинений. О прошедшей войне в первую очередь писали победители и потому они, по мнению Виктории Луизы, несправедливо чернили немцев, одновременно пытаясь изобразить себя борцами за правое дело.

В подобном же тоне выдержана и глава "Война", в которой описывается "неравная" борьба Германии с «коварными» соседями, которые еще совсем недавно были добрыми родственниками и лучшими друзьями. В первую очередь упреки автора адресуются российскому императору. Она утверждает, что Николай II запутался, пойдя на поводу у своих врагов — Британской парламентской монархии и Французской республики. Главные недоброжелатели России сумели, по мнению Виктории Луизы, втянуть ее в войну, что нанесло смертельный удар монархическим устоям и привело к гибели Российской империи и самой династии Романовых.

Описание военного времени наполнено личными переживаниями автора, ее мыслями о войне, объясняемые во многом тем, что ее муж герцог Брауншвейгский находился в действующей армии. Виктория Луиза приводит несколько писем мужа, которые представляют собой

интересный документ, свидетельствующий о жизни и быте германской офицерской аристократии на Восточном фронте.

Глава "Начало конца", повествующая о крахе Германской империи, содержит последовательное описание процесса утери власти монархом. Автор мемуаров обвиняет в предательстве интересов государства как социал-демократов, так и консервативно-реакционные группировки страны. Перечисляя уступки и реформы, предпринятые Вильгельмом под давлением и в интересах социал-демократически настроенной общественности, Виктория Луиза пытается доказать, что сама революция была следствием манипуляций группы безответственных политиканов. Более того, она утверждает, что ее отец, понимавший необходимость перемен, сам хотел провести определенные реформы в стране после победы Германии в войне.

С другой стороны, руководители консервативно-аристократического блока, генералы Гинденбург и Людендорф, настаивали на установлении жесткой диктатуры, чему, по мнению автора, Вильгельм сильно сопротивлялся. В книге приводятся интересные и малоизвестные факты, подтверждающие желание генералов отстранить кайзера и реализовать свои тайные замыслы.

События, связанные с приходом к власти Макса Баденского, отречение Вильгельма II, по мнению автора, доказывают, что нежелание правящей элиты Германии верить в своего монарха так же пагубно повлияло на Германию, как и антивоенная деятельность социал-демократов.

Виктория Луиза даже сожалеет о том, что груз обстоятельств заставил Вильгельма II подчиниться уговорам предательского окружения и пойти осенью 1918 г. на некоторые изменения внутриполитического курса, что в считанные месяцы привело к революции и падению монархии.

Следует отметить, что дочь кайзера, стремясь защитить отца от тяжелого бремени ответственности за гибель миллионов людей в Первой мировой войне и за крах империи, склонна к преувеличениям в описаниях добродетелей и благородства намерений Вильгельма II. Тем не менее, ее позиция имеет под собой определенные основания. Известно, что участники Парижской конференции возложили всю вину в разжигании Первой мировой войны исключительно на Германию, а пришедшие в результате революции к власти правые социал-демократы лицемерно свалили все неудачи Германии на кайзера Вильгельма. Такой субъективизм и несправедливость не могли не вызвать протеста у прусской принцессы.

Вторая часть мемуаров включает в себя восемь глав, повествующих о судьбе представителей обширной семьи Гогенцоллернов после падения

монархии в Германии. Принцесса подробно останавливается на событиях 20–30-х годов, когда в Европе формировалась пугающая атмосфера ожидания новой войны. Значительное место в воспоминаниях отведено и описанию обстановки, сложившейся в Германии после прихода к власти Гитлера. И братья, и сыновья Виктории Луизы, как и все остальные Гогенцоллерны, не преследовались в период нацизма и находились на военной и гражданской службе. Тем не менее автор с отвращением и презрением пишет о новоявленных «сверхлюдях» из среды «мясников и пивоваров».

Глава «Снова война» наполнена личными переживаниями принцессы, т. к. трое ее сыновей воевали на Восточном фронте. Она приводит содержание их писем, в которых дано описание военных действий во время наступления Красной Армии под Москвой.

Глава «Полная капитуляция» повествует о нравственной и физической тяжести поражения, которое пришлось разделить Гогенцоллернам вместе со своим народом. Во всем случившемся автор винит Гитлера и национал-социализм, которые, по ее мнению, привели страну к катастрофе.

Последующие главы мемуаров описывают судьбы родственников, детей и внуков Виктории Луизы в послевоенные годы.

Таким образом, мемуары принцессы Виктории Луизы охватывают целую эпоху XX столетия. В них содержится не только интересные и малоизвестные факты из жизни одной из старейших монархических династий Европы, но и повествуется об основных событиях германской истории.

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что сама Виктория Луиза на протяжении всей своей жизни принимала активное участие в самых разных дискуссиях на исторические темы, являлась автором многих публикаций по истории Германии XX века, и особенно военной истории. Многие издания по военному искусству, истории оружия и военной техники, выходившие в ФРГ, сопровождалась ее вступительными статьями и предисловиями. В 50–60-е годы Виктория Луиза принимала активное участие и в общественной жизни Западной Германии: на ее средства учреждались различные премии и выпускалась историческая литература.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – последний кайзер Германской империи (1888–1918), отец принцессы Виктории Луизы; Бюлов, Бернхардт – князь, рейхсканцлер Германской империи (1900–1909); Вильгельм – кронпринц, старший сын Вильгельма II, наследник германского престола;

Гинденбург, Пауль — фельдмаршал, президент Германии (1925 — 1934). Тирпиц, Альфред — гросс-адмирал, статс-секретарь морского министерства Германской империи (1897 — 1916). Подробную информацию о мемуарной литературе по Первой мировой войне см.: Первая мировая война. Указатель литературы. 1914 — 1993 гг. М., 1994. — 111 с.

2. По традиции, установившейся при дворе германского императора, гвардейская артиллерия производила салют из двадцати одного залпа в случае рождения дочери и из ста одного залпа в случае рождения сына.

3. Herzogin Viktoria Luise. Ein Leben als Tochter des Kaisers. — Göttingen — Hannover: Göttinger verlagsanstalt. 1966. — 381 S.

4. Николай II — российский император (1894 — 1917), двоюродный брат Вильгельма II. Александра Федоровна — российская императрица (1894 — 1917 гг.), урожденная принцесса Алиса Гессен — Дармштадская.

5. См.: Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923.

6. Франц Иосиф I — император Австро — Венгрии (1867 — 1916).

7. Виктория — Луиза была шефом 2 — го лейб — гусарского полка в соответствии с давней традицией представителей европейских монархических домов принимать шефство над военными частями. Так, например, Николай II был шефом лейб — гвардии Гренадерского имени Александра I полка № 7, а также Вестфальского гусарского полка № 8. Вильгельм II был шефом русского Выборгского полка № 39 и Нарвского драгунского полка. Аналогичные почетные обязанности шефства исполняли другие монархи Европы, а также, в редких случаях, выдающиеся государственные деятели. Например, Гинденбург был шефом 147 — го Мазурского пехотного полка.

Второй лейб — гусарский полк был основан прусским королем Фридрихом II в 1741 г. под названием Гусарский полк фон Макродта, позднее переименованный в гусарский полк фон Притвица. В 1807 г. он получил права лейб — гвардии и был переименован в лейб — гусарский. Широко известен в исторической и художественной литературе под названием "Черные гусары" (по цвету мундиров). Участвовал во всех войнах Германской империи.

8. Эрнст Август — герцог Брауншвейгский. Стал мужем Виктории Луизы 24 мая 1913 года.

9. Вильгельм II пытался организовать антианглийскую Континентальную лигу, состоящую из Германии, России и Франции. В силу целого ряда причин она так и не была создана.

В. Н. Гарбузов

ПРЕЗИДЕНТ РОНАЛЬД РЕЙГАН И СИСТЕМА КАБИНЕТНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Известно, что успех в управлении американским государством зависит от многих составляющих: от организационных структур, в рамках которых происходит процесс формирования политики и принятия решений, от степени и глубины осознания внутри — и внешнеполитических проблем теми, кто разрабатывает правительственные программы и осуществляет их практическую реализацию, от соответствия своим постам ответственных должностных лиц, от деловых и личных взаимоотношений, идеологической и психологической совместимости между ними, от характера и стиля управления в целом и т. п. Далеко не последнюю роль при этом играют также личные качества, индивидуальность, таланты и способности как самого обладателя президентского кресла в Овальном кабинете, так и его ближайшего окружения.

Благодаря усилиям прессы, многих американских и других иностранных журналистов, теле — и радиокомментаторов (да по существу и "стараниями" самого Рейгана) за пределами Америки, как, впрочем, и в самих США, сложился образ очень нелюбознательного, интеллектуально неразвитого, поверхностно мыслящего и ленивого 40-го президента страны. Полосы многих американских газет, выходявших в период президентских кампаний 1980 и 1984 гг., пестрели заголовками статей, ставивших под сомнение его возможности критически воспринимать и оценивать информацию, вникать в суть сложных проблем, а также степень глубины познаний и умственные способности в целом. В связи с этим поднимался даже вопрос о целесообразности выдвижения и избрания Р. Рейгана на высшую должность в государстве. Подобными оценками "грешила" не только пресса, но и люди, знавшие Рейгана близко и долгое время работавшие рядом с ним [1]. Как же, несмотря на это, такой человек мог в течение двух сроков занимать высший государственный пост и, более того, войти в число самых популярных президентов США в XX веке?

Система управления современным американским государством такова, что позволяет снизить влияние как слабых способностей, так и отрицательных личных качеств президента на характер и результаты его действий. Достигается это, как правило, самыми разными способами, одним из которых является подбор таких членов кабинета и

сотрудников аппарата исполнительного управления президента (ИУП), которые в состоянии компенсировать недостатки одного, хотя и самого высокого должностного лица в государстве.

Формирование нового состава и организация деятельности ИУП после успешных выборов 1980 г. происходили с учетом индивидуальных особенностей нового государственного руководителя. Еще во время своей работы губернатором Калифорнии (1967 – 1975) Рейган предпочел освободить себя от проблем текущего управления, не ввязываясь в решение каждодневных вопросов и обсуждение технических деталей, считая необходимым вместо этого концентрировать свое внимание прежде всего на стратегической линии, что, собственно говоря, и должен делать политический руководитель подобного ранга [2]. Этот стиль был привнесён им в 80 – е годы и в вашингтонские коридоры власти.

Это очень сильно отличало Р. Рейгана от его непосредственного предшественника демократа Дж. Картера, не упускавшего возможность лично решать малозначительные проблемы и растрачивать энергию даже на то, чтобы самому составлять списки тех сотрудников Белого дома, которым разрешалось пользоваться теннисным кортом на его территории [3]. Впрочем, в этом плане Рейган отличался не только от него, но и от всех американских президентов второй половины XX в. [4].

При реализации на практике своей политической программы и, особенно в деле текущего государственного управления, Р. Рейган (как и многие президенты до него) опирался на кабинет – правительство – и аппарат Белого дома, от слаженности, взаимодействия и взаимовлияния между которыми зависит очень многое.

Аппарат Белого дома, состоящий из специальных помощников президента по различным вопросам, наряду с административно – бюджетным управлением (АБУ), экономическим советом при президенте, советом национальной безопасности (СНБ), управлением по разработке внутренней политики, управлением по научно – технической политике, советом по качеству окружающей среды, управлением специального представителя США на торговых переговорах, отделом административной поддержки и аппаратом вице – президента, входит в надведомственный орган, созданный еще весной 1939 г. Ф. Д. Рузвельтом: уже упоминавшемся нами выше исполнительное управление президента.

Координируя и контролируя с помощью перечисленных выше подразделений важнейшие аспекты деятельности государства, оно тем самым за время своего существования способствовало укреплению президентской власти. Более того, окрепнув за послевоенные

десятилетия, ИУП сосредоточило в себе реальную власть в стране [5]. Это неизбежно сопровождалось повышением роли советников и специальных помощников главы государства, людей, обладавших специальными знаниями и способностями определять приоритеты при постановке тех или иных проблем и облеченных большим доверием со стороны президента. Получив ключевые посты в аппарате Белого дома, они зачастую оказывались гораздо более влиятельными, нежели иные министры правительства США, конгрессмены или сенаторы. На практике это, становясь источником трений и серьезного напряжения между сотрудниками министерств и аппарата Белого дома, вело к реальному снижению роли правительства. Сложившаяся ситуация ставилась в упрек многим администрациям, в том числе и администрации Картера, и требовала перемен.

Для преодоления этой негативной тенденции и обеспечения согласованности и слаженности в проведении своей политики республиканская администрация стала применять систему так называемого кабинетного (или коллективного) правления. Суть ее состояла в следующем: прежде чем принять то или иное решение, министры, обладатели государственных должностей, соответствующих рангу члена кабинета, главные чиновники ИУП и ключевые фигуры аппарата Белого дома подробно и обстоятельно обсуждали его за "круглым столом". В ходе дискуссии участники высказывали свои, порою разные точки зрения, но в итоге, независимо от личных пристрастий, поддерживали принимаемое большинством решения [6]. При этом коллегиальность при обсуждении и решении многих проблем, расширение прав каждого члена кабинета, учет его мнения сочетались с приверженностью конечным целям политики Рейгана.

Аппарат Белого дома в системе кабинетного правления

Важную роль в системе кабинетного правления Рейгана играл аппарат Белого дома, организация и состав которого имели большое значение. От того, кто находился в числе его сотрудников зависело очень многое – и уровень предварительной проработки принимаемых решений, и возможности доступа к президенту, и успех администрации в целом.

Организационное строение президентского аппарата к началу 1981 г. представляло собой традиционную пирамидальную структуру с концентрацией власти наверху – в руках президента. Однако в самом начале деятельности республиканской администрации в нем были проведены существенные преобразования: аппарат реорганизовывался таким образом, что правом прямого доступа в Овальный кабинет стали обладать сразу три (а позже четыре) его

сотрудника, а не один — сам руководитель аппарата, как прежде.

Это было связано с тем, что Рейган предпринял уникальную за всю историю существования президентского аппарата его перестройку. Он был разделен на три, в значительной степени самостоятельных, отдела:

1. Отдел политических разработок;
2. Отдел по реализации президентской политики;
3. Отдел административной поддержки.

Позже, в 1982 году, когда на должность помощника президента по национальной безопасности был назначен Уильям Кларк, появился еще один — четвертый отдел. Каждым отделом, выполнявшим строго очерченные и определенные функции, руководил влиятельный сотрудник президентского аппарата, имевший прямой доступ в кабинет главы государства и пользовавшийся его особым расположением и доверием.

Первоначально этими людьми были руководитель аппарата сотрудников Белого дома Джеймс Бейкер, его заместитель Майкл Дивер и ближайший советник президента Эдвин Миз.

Эдвин Миз, являвшийся в бытность Рейгана губернатором Калифорнии главой его аппарата (несмотря на ограниченные организаторские способности), стоял во главе отдела политических разработок и одновременно курировал управление по разработке политики, управление планирования и оценок, а на первых порах даже весь аппарат СНБ. Сотрудники, непосредственно подчиненные ему, занимались разработкой и оформлением различных вариантов политических решений и предложений, предназначенных для рассмотрения президентом. Миз, полностью отдававший себя Рейгану и потому не различавший его сильных и слабых сторон, был своеобразным идеологом всего аппарата, стремившимся к согласованию партийных, ведомственных, групповых и личных интересов [7].

Техасец *Джеймс Бейкер*, в отличие от Миза, обладал очень хорошими организаторскими способностями, которые проявил, работая в аппарате президента Дж. Форда, а также руководителем президентской кампании Дж. Буша в 1980 г. Как глава аппарата Белого дома он имел в своем подчинении большое число сотрудников. К нему на доклад обязаны были являться адвокат Белого дома, советник по политическим вопросам, помощники президента по связям с общественностью, по юридическим вопросам, по вопросам внутреннего управления, его пресс — секретарь. В главном деятельность Бейкера была подчинена организации политической поддержки программ президента Рейгана и проведению их через конгресс, а также реализации их на практике. Именно через него связь с Белым домом поддерживали конгресс, правительственные учреждения,

общественные и политические организации.

Д. Бейкер стоял и во главе группы законодательной стратегии, которой отводилась особая роль в процессе подготовки и принятия решений. В нее входили заместитель руководителя аппарата Белого дома Ричард Дармон, директор АБУ Дэвид Стокмэн, советник руководителя службы внутренней политики Мартин Андерсон, руководитель отдела по связям с конгрессом Макс Фридерсдорф, помощник по делам кабинета Крейг Фуллер и Э. Миз. Каждое утро эти люди собирались в кабинете Д. Бейкера, решая вопросы, непосредственно связанные с разработкой стратегии по реализации программы президента [8]. В случае необходимости на эти заседания приглашались и другие.

Майкл Дивер в качестве заместителя главы аппарата Белого дома обеспечивал нормальную жизнедеятельность этого большого и сложного организма. Сотрудники Дивера были заняты во вспомогательных службах, составляли расписание рабочего дня президента, подготавливали его поездки по стране и за рубежом. По оценкам многих экспертов, влияние, которое оказывал Дивер на президента значительно превышало как круг его обязанностей, так и официальный статус. Давний любимец и доверенное лицо президента, он был близок к нему, участвовал в подготовке многих решений администрации Рейгана, играл важную роль в обеспечении слаженной деятельности всего аппарата Белого дома. Дивер, по выражению одного из его коллег, представлял собою "клей, который склеивал всех вместе" [9]. Именно Дивер большую часть своего времени и внимания посвящал созданию президентского имиджа Рейгана. Да и сами Рейганы относились к нему чуть ли не как к одному из членов своей семьи.

Именно этот триумвират, часто называемый "тройкой Рейгана", и стал руководящей верхушкой президентского аппарата, внутри которой полное доверие, правда, отсутствовало (особенно между Мизом и Бейкером). В 1982 г., когда на посту помощника президента по национальной безопасности Р. Аллена сменил У. Кларк, получивший вместе с высокой должностью и право прямого доступа к президенту (Р. Аллен имел доступ к Рейгану лишь через Миза), "тройка" превратилась в "четверку". В состав ближайшего окружения и наиболее доверенных лиц президента Кларк попал вовсе не потому, что акции государственного чиновника, занимавшего пост помощника президента по национальной безопасности неожиданно повысились, и не потому, что Кларк лучше, чем Аллен разбирался в проблемах внешней политики (скорее наоборот). Решающим фактором в данном случае оказалось то, что он был старым и близким другом Рейгана, которого последний знал еще со времени своего губернаторства в Калифорнии [10].

Таким образом, Бейкер, Дивер, Миз и присоединившийся чуть позже к ним Кларк — эти высшие должностные лица президентского аппарата, — возглавлявшие главные подразделения Белого дома и постоянно согласовывавшие свои действия, обеспечивали администрацию и главу государства предварительно отобранной и обработанной необходимой информацией, которая доводилась до Рейгана регулярно в ходе брифингов [11]

Кабинет и система отраслевых советов

Существенную роль в системе кабинетного правления играл сам кабинет, созданный, как известно, помимо Конституции США и выполнявший главным образом совещательно — консультативные функции. Точный состав кабинета меняется от администрации к администрации. Как правило, в него входят вице — президент, главы министерств — департаментов и некоторые влиятельные сотрудники аппарата Белого дома.

Первоначально в состав рейгановского кабинета (помимо президента и вице — президента) входило 18 человек. Кроме 13 министров его членами были 5 высших должностных лиц государства: директор ЦРУ Уильям Кейси, директор АБУ Д. Стокман, специальный представитель США на торговых переговорах Уильям Брок, представитель США в ООН Джин Киркпатрик и советник президента Э. Миз.

В полном составе члены кабинета собирались крайне редко, за исключением, пожалуй, официальных встреч и приемов. Однако это вовсе не означало, что они не имели достаточных возможностей взаимодействовать друг с другом (напрямую или через подчиненных) по проблемам, представлявшим взаимный интерес. Достигалось это чаще всего посредством хорошо организованной и отлаженной системы *отраслевых советов*, действовавших в рамках кабинета. Их целью была разработка рекомендаций и подготовка решений. Одна часть таких советов занималась проблемами внешней политики и национальной безопасности, а другая держала в поле зрения вопросы внутренней политики США. Причем, деятельность первых увязывалась с СНБ, игравшем в этой своеобразной пирамиде роль стягивающей вершины [12].

Четыре отраслевых совета: 1) по внешней политике во главе с госсекретарем; 2) по оборонной политике во главе с министром обороны; 3) по разведке, находившемся под патронажем ЦРУ; 4) по международной экономической политике под руководством министра финансов координировали сферу внешней политики и национальной безопасности.

Курирование внутренней политики было распределено первоначально по пяти отраслевым советам, руководством которыми осуществлялось профильными министерствами: 1) экономических проблем — министерство финансов; 2) торговли — министерство торговли; 3) людских ресурсов — министерство здравоохранения и социального обслуживания; 4) природных ресурсов и окружающей среды — министерство внутренних дел; 5) продовольствия и сельского хозяйства — министерство сельского хозяйства. В 1982 г. в дополнение к ним было создано еще два совета: 6) законодательной политики — министерство юстиции и 7) управления и администрирования, во главе которого стоял сам Э. Миз.

Все перечисленные выше 11 отраслевых советов были укомплектованы персоналом из управления политических разработок и имели своих исполнительных секретарей.

Любые заседания, проводимые в рамках кабинета (в том числе и заседания отраслевых советов), проходили под председательством президента, либо (в случае его отсутствия) кого-то из руководителей соответствующих министерств или иных федеральных ведомств. А такие ситуации были достаточно частыми, т.к. сам Рейган, по различным оценкам, присутствовал лишь не более чем на четверти всех заседаний подобного рода [13].

Периодичность и частота заседаний отраслевых советов зависели как от специфики их деятельности, так и от состава, работавших в них чиновников. Так, например, совет по экономическим проблемам собирался дважды в неделю, в то время как советы по продовольствию и сельскому хозяйству, а также по природным ресурсам и окружающей среде практически бездействовали до осени 1983 г. Независимо от подобных и иных сбоев в работе отраслевых советов, они все же представляли собой очень важный механизм в системе кабинетного правления, позволявшей администрации более результативно осуществлять функции исполнительной власти, оказывать влияние на развитие политического процесса и контролировать его.

Начиная с 1982 г., Рейган стал уделять большее внимание деятельности советов и прислушиваться к их рекомендациям. К работе в них чаще стали привлекаться руководители министерств и ведомств, что в конечном итоге повышало результативность деятельности всей администрации [14].

Американский политолог Ф. Уолдстейн, исследовавший рейгановскую модель руководства государством, использовал схему Н. Аргила и Р. Бэриллюкса, выделивших 5 стадий процесса государственного управления в США:

1. Разработка политических установок и основных направлений

политики:

2. Формирование политических рекомендаций;
3. Формирование программы;
4. Практическая реализация программы;
5. Экспертная оценка влияния программы [15].

Согласно этой схеме, отмечает Уолдстейн, при Рейгане разработка политических установок осуществлялась президентом, его советниками, членами кабинета, сотрудниками ИУП и аппарата Белого дома, а также управления планирования и оценки. В соответствии с принятыми политическими установками формировались политические рекомендации, на что была нацелена деятельность отраслевых советов и управления политического развития. На следующей стадии – стадии формирования программ, согласованных с политическими рекомендациями, подключались соответствующие министерства, действовавшие в тесном контакте с АБУ и управлением по формированию политики. На стадии практической реализации программ администрация оказывала наименьшее прямое воздействие, поскольку главную роль, а с нею и ответственность, брала на себя специально подготовленная для этих целей профессиональная бюрократия. На последней стадии, когда давалась оценка выполнения программ, а реальные итоги сравнивались с первоначальными политическими установками, влияние администрации вновь возрастало. Большую роль здесь играли АБУ и управление по планированию и оценке, которые представляли свои заключения президенту и его советникам.

Координацию действий и передачу служебной информации в ходе всего политического процесса обеспечивали управления по политическим разработкам, по планированию и оценке, а также административной поддержки СНБ.

Достоинства и недостатки

В чем же состояли достоинства подобной организации процесса государственного управления?

Очевидное ее *преимущество* заключалось прежде всего в том, что она, не давая президенту увязнуть в деталях текущей политики, позволяла ему сосредоточить основное внимание на главных направлениях, основной линии политического процесса. Широкое и квалифицированное предварительное обсуждение проблем с участием членов кабинета и сотрудников Белого дома на стадии подготовки решений, увеличивало объем необходимой информации и выявляло разнообразные варианты в подходах к ним. Это в свою очередь давало

возможность выбора оптимальных и продуманных решений, делало их более легитимными, способствовало преодолению узковедомственных интересов — интересов министерств и других федеральных институтов, а также росту и укреплению центростремительных тенденций в высших эшелонах администрации.

Вспоминая о работе своего кабинета, Р. Рейган писал о том, что предлагал его членам высказываться откровенно и отстаивать свою точку зрения, что помогало ему потом прийти к единственно правильному в данном случае решению. "Труднее всего принять решение бывает именно в тех ситуациях, когда с обеих сторон звучат веские аргументы, — вспоминал президент. — обдумывая проблему, необходимо взвесить все преимущества и недостатки двух вариантов и сравнить их между собой. Обычно шел яростный спор, потом совещание заканчивалось, и я говорил: "После того как я еще раз все обдумаю, я приму решение". Иногда я мог назначить еще одно совещание, сказав, что хотел бы услышать больше аргументов с обеих сторон по данному вопросу; тогда возникала новая дискуссия, и это помогало мне прийти к решению. Пока шел спор, я сохранял непроницаемое выражение лица. Затем я заканчивал совещание, уходил и принимал решение" [16].

Рейгановская система кабинетного правления имела и свои *недостатки*. К ним прежде всего следует отнести то, что сам президент был слишком далек от того уровня, на котором прорабатывались возможные варианты, обсуждались реальные перспективы, а порой принимались и окончательные решения. Подобная отстраненность Рейгана приводила к тому, что он редко задавал вопросы или высказывался даже на тех заседаниях, на которых сам присутствовал, часто предпочитая лишь пассивно реагировать на инициативы своих подчиненных, а то и вовсе молчать. В этой ситуации в полной мере проявлялась особенность личности 40-го президента США, известная еще со времени его калифорнийского губернаторства: представлять решения, разработанные другими, председательствовать, а не управлять [17].

Кроме того, нацеленность на достижение консенсуса в ходе свободного обмена мнениями, приводившего нередко к спорам и открытому несогласию, неизбежно оказывала охлаждающее воздействие на самые оригинальные и смелые мысли. Конфликтные ситуации, возникавшие довольно часто и ждавшие своего арбитра (вероятно, в лице президента), не находили его. Отсутствие сильного президентского вмешательства, которое многими членами кабинета и сотрудниками аппарата Белого дома было бы воспринято и расценено как нормальное, означало, что администрация, а главным образом сам Рейган, часто были не в состоянии вовремя сформулировать

соответствующую политику и пойти на решительные действия.

Система отраслевых советов, действовавших в рамках кабинета, охватывала довольно широкий круг помощников и экспертов, которые приносили с собой разнообразие интересов и мнений. Это неизбежно сказывалось на времени проработки решений и замедляло процесс формирования политики. Но вместе с тем, эта особенность заставляла администрацию ограничивать свои политические установки до лишь самых главных, ключевых вопросов, на которых и сосредоточивалось основное внимание в ходе обсуждения. Такими вопросами в первое президентство Рейгана были: сокращение налогов, уменьшение финансируемых из федерального бюджета социальных расходов, рост военных ассигнований. Все остальные проблемы по отношению к ним носили подчиненный характер.

Казалось, кабинетное правление Рейгана, сложившееся в первые годы его президентства и позволившее ему, зачастую не вникая в детали и суть проблем, принимать уже подготовленные другими решения, представляло собой вполне удачный вариант государственного руководства: всю подготовительную, черновую, работу брали на себя квалифицированные специалисты, оставляя за президентом право на окончательное решение, а вместе с ним принося ему успех и популярность.

Трансформация системы кабинетного правления

Однако описанная нами выше модель руководства государством не получила своего дальнейшего развития в годы второго президентства Рейгана. Во многом это было связано с тем, что в составе сотрудников президентской администрации стали происходить серьезные и порою драматические перемены. Ближайший советник Рейгана Миз осуществил свою давнюю мечту, став в 1985 г. генеральным прокурором. Помощник президента по национальной безопасности У. Кларк на своем посту пробыл недолго. Осенью 1983 г. он пересел в кресло министра внутренних дел, но в начале 1985 г. покинул его и уехал назад, домой в Калифорнию. Заместитель главы аппарата Белого дома М. Дивер, уйдя в 1985 г. в отставку, занялся частным бизнесом.

Необычными оказались перемены и в карьере самого руководителя аппарата Белого дома Дж. Бейкера: по личной договоренности с министром финансов Дональдом Риганом он поменялся с ним должностью. Отныне (с января 1985 г.) Бейкер возглавлял министерство финансов, а 66-летний Риган стал главой аппарата президента. Интересно то, что последний не был даже информирован о ходе переговоров, которые вели за его спиной два

высших государственных чиновника. Но, когда Рейгану пришло время узнать об этом, он без размышлений и возражений согласился с предложенным ему вариантом. Возможно, это объясняется тем, что Д. Риган ранее, еще будучи главным экономическим советником президента, оказывал на него значительное влияние. Он неизменно поддерживал налоговую и бюджетную политику администрации, что и сделало его гораздо более влиятельнее многих своих коллег, в том числе директора АБУ Стокмэна и бывшего председателя Экономического совета при президенте Мартина Фелдстейна (оба они в свое время критиковали финансовую политику Рейгана).

Д. Риган, правда, обладал одним, весьма существенным недостатком: он был неискушен в вопросах внешней политики, что неоднократно подмечали его критики на Капитолийском холме. Однако дружба с государственным секретарем Дж. Шульцем восполняла эти пробелы [18].

Таким образом, к началу 1985 г. в аппарате Белого дома не осталось почти никого, с кем президент был прежде. "Тройка", а затем "четверка", на которых держался президентский аппарат и кабинет в целом, исчезли, а приход Д. Ригана на руководящий пост в рейгановском окружении (который он вынужден был покинуть в феврале 1987 г.) оказался роковым и повлек за собой серию крупных перемен в его управленческих структурах и трансформацию прежней модели кабинетного правления.

Д. Риган стремился вернуть присущую некогда аппарату Белого дома пирамидальную организационную структуру, "выпрямить" процесс подготовки и принятия решений, избавиться от лишних и громоздких элементов управления. Большая централизация в деятельности администрации, по его мнению, позволила бы повысить ее эффективность и дала, наконец — то, возможность "Рейгану быть Рейганом" (чего требовала наиболее правая часть консервативной коалиции)

Однако многие считали, что подобные шаги нового главы президентского аппарата были лишь прикрытием собственных желаний усилить свою власть и влияние на хозяина Овального кабинета. Так или иначе, но тот факт, что Риган фактически заменил собой сразу четырех высших должностных лиц из ближайшего окружения президента, говорит о многом. В прошлом властолюбивый строевой офицер и преуспевающий бизнесмен, не имевший сколько — нибудь значительного опыта политической деятельности, Д. Риган руководил аппаратом Белого дома как собственной фирмой. Выступая в роли чуть ли ни его единоличного и полноправного владельца и держа руку на пульсе всей его деятельности, он никогда не допускал того, чтобы любая служебная информация проходила мимо него [19].

Одно из самых значительных нововведений Ригана, сильно повлиявших на весь характер управления, касалось изменений в системе прямого доступа к президенту. Отныне правом непосредственного доступа в кабинет Рейгана имели только 3 человека: вице – президент, помощник президента по национальной безопасности и руководитель аппарата Белого дома, т. е. сам Риган. Причем, по его же настоянию помощник президента по национальной безопасности отныне обязан был являться к нему на доклад, что ранее не практиковалось. В итоге контроль над распорядком дня президента, влияние на него, так же как и вся новая жесткая иерархическая система государственного управления, были сосредоточены в руках одного человека – Дональда Ригана.

Серьезной трансформации наряду с этим подверглась и система отраслевых советов. Из четырех советов по внешнеполитическим проблемам остался лишь один – по разведке. Основная часть сотрудников, специалистов по внешнеполитическим проблемам и кризисным ситуациям, вошла в состав группы кризисного планирования, которую возглавлял директор управления политических разработок СНБ [20].

Из семи отраслевых советов, занимавшихся вопросами внутренней политики, осталось только два: совет по экономической политике во главе с новым министром финансов Дж. Бейкером и совет по проблемам внутренней политики, руководителем которого стал новый генеральный прокурор Э. Миз. В результате этой реорганизации их функции значительно расширились. Так, сфера влияния совета по экономической политике отныне распространялась и на внешнеэкономические связи, которые ранее были в компетенции одного из четырех отраслевых советов, действовавших в годы первого президентства в сфере внешней политики.

Следует иметь в виду, что официально задачи системы отраслевых советов, созданных в рамках кабинета в 1981 г. и реформированной с приходом в Белый дом Ригана в 1985 г., не менялись. Однако на практике роль ее существенно ограничивалась и становилась все менее значительной. Одновременно с этим происходило возвышение руководителя аппарата президента и ряда сотрудников СНБ, акции которых в формировании политики также повысились [21].

Чем же объяснить подобные перемены в характере деятельности управленческих структур рейгановской администрации? По всей видимости, причины прежде всего следует искать в самих людях, в их личных качествах и способностях, в различиях, которые существовали между сотрудниками аппарата Белого дома в первое и второе президентство Р. Рейгана. Не секрет, что особенности личности 40 – го президента США делали его потенциально очень зависимым от

собственного окружения. Поэтому в такой ситуации вопрос "кто находился рядом с президентом?" был одновременно и вопросом "кто влиял на президента?" [22].

Исходя из этого, наиболее приемлемой, на наш взгляд, могла бы быть следующая модель управления государством: команда президента состоит из людей, хорошо знающих, чего он хочет и как он думает, из высококвалифицированных, ответственных, опытных и мыслящих политиков, которые обладают способностями к выявлению и учету широкого спектра мнений, глубокому критическому анализу, на основе которого может быть сформирован оптимальный вариант решения той или иной политической проблемы.

Был ли таким кабинет Рейгана? Соответствовал ли он особенностям его личности и, если соответствовал, то насколько? Как разрешались возникавшие в нем конфликты? Чтобы дать ответы на эти вопросы, остановимся подробнее на характеристике тех, кто находился в течение более или менее длительного времени в команде Рейгана, и с чьими именами прежде всего была связана "рейгановская революция". Это необходимо в первую очередь для иллюстрации того, насколько различными были варианты практического осуществления стратегии кабинетного правления, когда дело касалось конкретных личностей.

Кабинетное правление в лицах

Известно, что в Белый дом Рональда Рейгана привела довольно пестрая коалиция, объединявшая очень разнородные по составу и неодинаковые по влиянию на массы избирателей элементы. В ее рядах были как сторонники "экономической теории предложения" и сокращения налогов, так и те, кто выступал за сохранение прежней налоговой политики, как правые республиканцы, так и правые демократы, как "христианские новые правые", так и интеллектуалы — неоконсерваторы, как теоретики, так и прагматики. Из представителей этой довольно эклектичной коалиции и формировался кабинет Р. Рейгана. По мнению многих американских исследователей, подбор его членов был достаточно удачным: в подавляющем своем большинстве в него входили правые республиканцы различных оттенков, люди, имевшие давние и прочные связи с миром большого бизнеса и сами обладавшие немалым состоянием. Многие из них имели богатый опыт политической деятельности. Казалось, все это могло бы стать объединяющим началом, способствуя успеху в процессе разработки, обсуждения и принятия решений.

Однако за 8 лет пребывания Рейгана в Белом доме произошла практически полная смена кабинета, какой не знал ни один из его

предшественников. Анализируя модель руководства государством, сложившуюся при Рейгане, и приводя данные о перемещениях внутри его кабинета, Ф. Уолдстейн отмечал, что единственным членом кабинета, сумевшим сохранить свой пост в течение всех восьми лет пребывания Рейгана у власти, оказался министр жилищного и городского хозяйства Самуэль Пирс (который, правда, в 1990 г. попал под следствие по обвинению в коррупции и взяточничестве). По словам российского исследователя Э. А. Иваняна, "на разных этапах рейгановского президентства и по различным причинам правительство США и Исполнительное управление президента покинули как старые, испытанные соратники Рейгана еще по калифорнийскому периоду его политической карьеры, так и те, кто был рекомендован ему членами "кухонного кабинета" или советниками на этапе формирования правительства страны" [23].

В каждом отдельном случае причины отставок членов кабинета были различны. Возможно, наиболее ярким и впечатляющим примером являлся уход государственного секретаря *Александра Хейга*, который первым в июне 1982 г. покинул команду президента. Что же привело к этому?

Как вспоминает в своих мемуарах сам Р. Рейган, во время одной из встреч с госсекретарем, проходившей один на один, тот утверждал, что некоторые члены администрации пытаются ограничить его действия в вопросах внешней политики, которую Хейг (бывший аутсайдером в команде Рейгана) считал только своей прерогативой и не желал, чтобы другие в нее вмешивались. Госсекретарь был "очень расстроен и сердит: стучал по столу... и едва сдерживался, чтобы не взорваться". Это удивило и обеспокоило президента, который заверил Хейга в том, что никто из администрации не собирался и не собирается посягать на его дела и согласился встречаться с ним неофициально трижды в неделю для обсуждения вопросов внешней политики [24].

Однако и после этого Хейг продолжал проявлять недовольство, причины которого позже были подробно изложены им в своих мемуарах. Так, он выступил против решения Рейгана назначить Дж. Буша председателем специальной группы по преодолению международных кризисных ситуаций, действовавшей в рамках СНБ. Ранее руководителем такой группы обычно являлся помощник президента по национальной безопасности. Но между госсекретарем Хейгом и помощником президента по национальной безопасности Ричардом Алленом с самого начала установились очень плохие личные отношения: они не доверяли друг другу. Рейган знал об этом. Предварительно обсудив вопрос с "тройкой", он решил поручить эту ответственную роль Дж. Бушу. При этом Рейган руководствовался лучшими побуждениями: уравновесить проблему натянутых

отношений между Хейгом и Алленом и одновременно повысить статус своего вице – президента.

Однако такое решение проблемы Хейга явно не устраивало. Он не желал, чтобы вице – президент имел какое – либо отношение к международным делам, считая, что они находятся в его юрисдикции и неоднократно после этого угрожая своей отставкой. Рейган, полагая, что Хейг создает проблемы на пустом месте, решил встретиться с ним в Овальном кабинете. Во время этой встречи госсекретарь попросил президента издать документ, объявлявший о его (Хейга) единоличной ответственности за иностранные дела. В итоге этого разговора появилось компромиссное заявление Рейгана о том, что государственный секретарь является его первым советником по иностранным делам (что, впрочем, было ясно и без этого) [25].

Затишье со стороны Хейга, наступившее вскоре, продолжалось недолго. И прервано оно было самим президентом, который весной 1981 г., после покушения на него и выхода из больницы, решил написать личное письмо Л. И. Брежневу относительно будущего американо – советских отношений. Более того, Рейган уже стал сам составлять текст этого послания. А. Хейг, узнав об этом, выразил ему свое недовольство по поводу того, что к работе над текстом не привлечен госдепартамент [26].

“Вероятно, – пишет Рейган, – я впервые столкнулся с тем, когда Хейг не хотел вмешательства в международные дела не только со стороны других членов кабинета и сотрудников Белого дома. Через год мне предстояло узнать, что он не хочет, чтобы даже я как президент участвовал в формировании основных направлений внешней политики: он считал это своей прерогативой. Он не хотел проводить внешнюю политику президента, а хотел формулировать и проводить ее сам” [27].

Александр Хейг, бывший командующий объединенными силами НАТО [28], генерал, ставший во главе внешнеполитического ведомства США, “проявлял жестокость и агрессивность, защищая свой статус и сферу деятельности от постороннего вмешательства, из – за чего внутри администрации возникали определенные проблемы” [29]. Однако амбиции Хейга не ограничивались только лишь собственным ведомством. В своих воспоминаниях Рейган описывает случай, который вызвал возмущение всех членов кабинета. В день покушения на него Джона Хинкли 30 марта 1981 г., воспользовавшись тем, что Дж. Буш отсутствовал в Вашингтоне, Хейг незамедлительно прибыл в Белый дом, заявив при этом, что “ответственность за страну ложится на него”. Даже после того, как вице – президент вернулся в столицу, он продолжал утверждать, что наследником президентских полномочий должен стать он, а не Буш (как предусматривала Конституция США) [30]. Подобное

поведение Хейга свидетельствовало о том, что он с самого начала не принял модель кабинетного правления Рейгана и намеревался играть свою, особую роль в правительстве.

Кроме того, А. Хейг, не скрывавший своих притязаний единолично влиять на внешнюю политику (даже без участия президента), позволял себе в присутствии конгрессменов и сотрудников аппарата Белого дома высказывания, которые шокировали не только умеренных, но и многих правых республиканцев. Так, Хейг говорил о возможности решения проблем США на Кубе и в Центральной Америке с помощью бомбардировок или вторжения. Имея собственное мнение по многим проблемам, он не желал идти на уступки и компромиссы, учитывать позиции других членов кабинета и самого президента, т. е. отказывался принять те правила игры, которые были приняты в команде Рейгана.

В течение полутора лет пребывания в своей должности Хейг не раз угрожал отставкой, но Рейгану удавалось без труда отговорить его. Однако в июне 1982 г., после Фолклендского кризиса, недоброжелательство госсекретаря в отношении ряда членов кабинета и сотрудников Белого дома "зашло уже слишком далеко". После того, как Хейг понял, что президент не собирается идти на определенные уступки и реагировать на его обиды, жалобы и требования, он в очередной раз пригрозил своей отставкой. На этот раз президент принял ее, назначив на должность руководителя внешнеполитического ведомства Джорджа Шульца [31].

25 июня 1982 г. сам Хейг выступил по телевидению с заявлением о своей отставке. В качестве единственной и главной ее причины он выставил разногласия по поводу внешней политики. "На самом деле, — утверждает Рейган, — единственное разногласие заключалось в том, кому определять внешнюю политику: мне или государственному секретарю" [32].

Подобные сбои в функционировании кабинета и всей системы кабинетного правления случались на протяжении всего президентства Рейгана довольно часто. Почти всегда, как в случае с Хейгом, они заканчивались отставками.

Джордж Шульц, назначенный вместо Хейга государственным секретарем, являлся, в отличие от своего предшественника, "своим", калифорнийцем, но калифорнийцем, который был тесно связан с "восточным истеблишментом". В 1962 — 1968 гг. он работал деканом Школы бизнеса при Чикагском университете, имел контакты с семейством Рокфеллеров и фондом Форда, а в 70-е годы входил в международный совет банка "Морган гэранти" и совет компании "Дженерал моторс".

Новый глава госдепартамента никогда не обучался дипломатии, но имел большой опыт международной деятельности и до своего ухода в администрацию Рейгана был его неофициальным советником по внешнеполитическим проблемам. Шульц являлся президентом крупной строительной и инженерной фирмы "Бектел групп инкорпорейтед", центральный офис которой размещался в Сан-Франциско. Опыт политической деятельности на высших государственных постах, а с ним и известность, он приобрел давно, еще в 60-е годы, будучи в кабинете Р. Никсона сначала министром труда, затем директором АБУ и министром финансов. Кроме того, Шульц возглавил Экономический совет при президенте, координировавший внешнеэкономические связи США.

В 1980 г., в период предвыборной кампании, он выступил в качестве экономического советника Рейгана, а после победы последнего на выборах помогал ему в разработке экономической программы. Усилия Шульца не остались незамеченными: ему сразу же был предложен пост государственного секретаря, которому он, однако, предпочел тогда должность президента "Бектел групп" [33].

Работа на крупных государственных постах, а также связи с элитой американского бизнеса (как, впрочем, и принадлежность к самому классу предпринимателей) делали Шульца наиболее подходящей фигурой на освобожденный Хейгом пост главы госдепартамента. Не менее важным, а, возможно, и главным для его карьеры на этом посту, было то, что он обладал спокойным и уравновешенным характером, который контрастировал со скандальными и импульсивными манерами обидчивого генерала. На посту госсекретаря Дж. Шульц показал себя искусным дипломатом не только в отношениях с другими странами, но и в тех спорах, которые возникали на различных этажах власти вашингтонского истеблишмента, внося тем самым свой вклад в укрепление коллегиальных начал в системе кабинетного правления и являясь объединяющей силой всего кабинета.

Однако это вовсе не означает, что он не защищал интересы своего ведомства. Занимая по многим вопросам жесткие позиции, Шульц часто выражал несогласие с коллегами по администрации. Но свои взгляды он отстаивал с достоинством, на четкой правовой основе, и это раздражало его оппонентов сильнее, чем постоянное и шумное несогласие Хейга. Вместе с тем, защита собственного мнения и профессиональных интересов не перечеркивала правила игры, принятые в команде президента, в составе которой Шульц оставался до ухода Рейгана.

За время пребывания в своей должности госсекретарь Шульц (не в пример Хейгу) добился значительного влияния среди своих коллег

и имел большой вес у ближайших советников президента. Однако в проведении своей внешнеполитической линии он испытывал серьезное противодействие со стороны министра обороны *Каспара Уайнбергера*, который обладал двумя преимуществами, сыгравшими большую роль при назначении на этот ответственный пост: он имел богатый опыт работы на самых разных руководящих должностях и репутацию "человека Рейгана". Это оказалось решающим при утверждении в 1981 г. его кандидатуры в сенате. Несмотря на отсутствие у Уайнбергера какого — либо опыта работы в военной сфере, он получил только 2 голоса против (97 сенаторов высказались за него) [34].

Будучи родом из Сан — Франциско и имея диплом Гарварда. Уайнбергер в годы Второй мировой войны служил в американской армии, а после ее окончания работал юристом. С 1953 по 1958 гг. он входил в состав легислатуры штата Калифорния, а с 1960 по 1964 гг. занимал посты вице — председателя и председателя калифорнийского комитета республиканцев. Когда в 1966 г. Рейган был избран губернатором Калифорнии, Уайнбергер получил пост председателя комиссии штата по управлению и экономике, а затем пост директора финансового управления, которые занимал с 1967 по 1969 гг. Именно тогда к нему и приклеилась кличка "Каспар — нож": в своих стремлениях к бюджетным сокращениям он не знал себе равных.

В январе 1970 г. Уайнбергер стал председателем федеральной торговой комиссии, находя поддержку прежде всего у либералов, выступавших против первоначального курса президента Никсона. Спустя полгода он получил новое назначение — на пост заместителя директора вновь созданного АБУ. Тогда же Уайнбергер изменил своему правилу: он стал высказываться против сокращения расходов, но только на оборону, и призывал администрацию и конгресс к действиям в этом же направлении [35].

В январе 1973 г. "Каспар — нож" возглавил министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения, являясь одновременно одним из трех главных советников Белого дома.

Став после выборов 1980 г. руководителем Пентагона, Уайнбергер, о котором Рейган был особенно высокого мнения, окончательно зарекомендовал себя твердым сторонником постоянно растущих военных расходов, являясь главным проводником рейгановской политики в области обороны. Хотя Уайнбергер и Шульц имели дипломы престижных американских университетов и даже одно время работали вместе в "Бектел групп", это их не сближало. Плохие личные отношения между ними, психологическая несовместимость, накладываясь на разнообразие подходов к политическим проблемам, лишь усугубляли спорные ситуации и порой проводили к сбоям в

системе кабинетного правления. Однако, несмотря на это, оба они понимали и принимали основное правило рейгановской модели управления и старались держать свои разногласия при себе.

Одним из наиболее ярких представителей рейгановского кабинета была *Джин Киркпатрик* – профессор Джорджтаунского университета. В 70-е годы она формально принадлежала к демократам (впрочем, как и сам Рейган в 30–40-е годы). Однако тогда же взгляды ее стали сильно править. Она участвовала в формировании Коалиции за демократическое большинство, объединившей группу неоконсерваторов – интеллектуалов, бывших либералами во внутриполитических вопросах, но занявших консервативные (антисоветские) позиции во внешней политике. В 1977 г. Киркпатрик стала сотрудником Американского предпринимательского института – “мозгового центра” консерваторов.

К концу 70-х годов, покинув демократическую партию, она связала свою судьбу с республиканцами. Внимание рейганистов Д. Киркпатрик привлекла главным образом своими публикациями в журнале “Комментарии”. Особый интерес самого Рейгана вызвала ее статья “Диктаторские режимы и двойные стандарты” (1979 г.), которая легла в основу последующей монографии [36]. В ней Киркпатрик делала попытку провести различия между авторитарными правыми диктатурами, стоявшими на проамериканских позициях и имеющими, по ее мнению, шанс быстрее и легче реформироваться в сторону демократии, и тоталитарными просоветскими диктатурами левого толка, в которых контроль над всеми сторонами жизни общества делал их безнадежными для перемен. Исходя из этого, утверждала она, американское правительство (имелась в виду прежде всего администрация Картера) должно подходить к таким режимам с двойным стандартом.

Подобные взгляды пришлись по сердцу Р. Рейгану, когда тот был еще кандидатом в президенты. Он встретился с Киркпатрик, предложив ей стать своим помощником, а позже советником по внешнеполитическим проблемам. После победы Рейгана она была назначена послом США в ООН, где и пробыла до 1985 г. Пост американского представителя в ООН никогда ранее не принадлежал к постам высшего ранга. Однако Рейган ввел Киркпатрик даже в состав своего кабинета. Все это было сделано для того, чтобы умиротворить крайне правых консерваторов, которые чувствовали себя обделенными при его формировании [37].

Будучи одновременно и послом США в ООН и членом кабинета, большую часть своего времени она предпочитала проводить в Вашингтоне, на заседаниях СНБ и правительства, нежели в стенах ООН

в Нью – Йорке. Жесткая риторика дамы – дипломата сделала ее одним из самых популярных лидеров консерваторов – традиционалистов. Испытывая трудности в ведении диалога с коллегами, но, будучи в глазах своих почитателей идеальным оратором, Киркпатрик предпочитала монологи. Упреки в своей любви к чтению назидательных лекций посол в ООН отвергала, напоминая тем не менее о том, что она все – таки – профессор [38]

Для госсекретаря Хейга претендовавшая на особую роль в кабинете Рейгана Киркпатрик являлась постоянным источником гнева и раздражения. Однажды он грубо и бесцеремонно на публике одернул ее, заявив, что какому – то “ротному командиру” следует знать свое место в отношениях с “главнокомандующим”. Генерал, сам знавший себе цену и не скрывавший этого, обвинял Киркпатрик в излишнем самолюбии и высокомерии. “Она же считала, – пишет Э. А. Иванян, – что в своей жесткой позиции по отношению к СССР Хейг многое позаимствовал у нее, но в ходе проведения этой линии допускал ошибки и “отсебятину” [39]. Однако к ней благоволил сам Рейган, что несколько сдерживало госсекретаря. В 1983 г. под давлением У. Кейси и других твердых консерваторов Рейган чуть было ни назначил даму – посла своим помощником по национальной безопасности. Киркпатрик, которая тяготилась работой в ООН, очень хотела получить такое назначение, и сама сказала об этом президенту. Однако, выяснив, что у нее “неважные отношения” с госсекретарем Дж. Шульцем, он остановил свой выбор на Р. Макфарлейне [40].

Особо следует отметить довольно активное участие в деятельности кабинета Рейгана вице – президента *Джорджа Буша*. Известно, что по Конституции США должность вице – президента является в основном гарантией преемственности полномочий в случае освобождения президентского поста. Кроме того, вице – президент председательствует в сенате и участвует в голосовании, если голоса сенаторов разделились поровну. Однако исторически сложилось так, что статус вице – президента в США определяется не только положениями конституции, но и зависит от президента и в каждой конкретной ситуации может быть разным. Президент может возложить на своего заместителя большую ответственность и, выдвинув на авансцену, поручить ему ведение важных дел, выходящих за рамки его конституционных полномочий, а может, напротив, постоянно держать его в тени [41].

Положение Буша, исполнявшего свои обязанности вице – президента на протяжении двух сроков (что является большой редкостью), служит свидетельством той важной роли, которую он играл в администрации. Еще до вступления на пост вице – президента США

Буш заключил с Рейганом соглашение о характере своей деятельности. В соответствии с этой договоренностью, на регулярных встречах с президентом Буш имел возможность высказывать свою точку зрения по любым вопросам внутренней и внешней политики. Кроме того, ежедневно он получал копию той конфиденциальной информации, которой пользовался президент, имел доступ на все совещания, проводимые в Белом доме, что делало его одним из немногих наиболее информированных и влиятельных лиц в Вашингтонских коридорах власти. В 1981 г. журнал "Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт" сообщал, что вице-президент Буш занимает восьмое место в президентском окружении по степени влияния на принятие политических решений [42].

Вице-президент при Рейгане возглавлял ряд правительственных комиссий. В 1981 г. президент назначил его руководителем Группы по преодолению международных кризисных ситуаций, о чем уже упоминалось выше. И хотя принятие самостоятельных решений и определение кризисных ситуаций Буш мог осуществлять в исключительных случаях (когда президент и госсекретарь были не в состоянии принимать участие в разрешении проблем), формально он занимал доминирующее положение по отношению к тем лицам, которые отвечали за проведение внешней политики США: госсекретарю А. Хейгу и помощнику президента по национальной безопасности Р. Аллену. Ему отводилась роль своеобразного координатора (а порою и арбитра) процесса выработки и согласования решений между СНБ, Пентагоном и госдепартаментом [43]. Свою роль здесь, несомненно, сыграл и высокий авторитет Буша в политических кругах Вашингтона, и его большой опыт в решении внешнеполитических проблем, который имели далеко не все, принадлежавшие к ближайшему окружению Рейгана, и, наконец, просто его благоразумие и чувство ответственности [44].

Во избежание возможных трений с членами кабинета и другими высокопоставленными лицами администрации Буш, отличавшийся умеренностью (особенно после выборов 1984 г.), не стремился высказывать публично свои взгляды и оценки, брать на себя ответственность за выполнение долгосрочных распоряжений Рейгана. Демонстрация своей лояльности президенту, желание быть рядом с ним, но не нести большой ответственности, а значит не быть объектом критики со стороны прессы и общественности, во многом объяснялись тем, что еще в 1985 г. Буш заявил о своем намерении выдвинуть свою кандидатуру на пост президента в 1988 г. [45].

На Буша возлагалась и довольно ответственная обязанность "проталкивать" в конгрессе законопроекты администрации в области

бюджета и налогообложения. Присутствуя на различных заседаниях в Белом доме, он, несмотря на достигнутую ранее договоренность с Рейганом, больше слушал, чем высказывался, считая, что получение информации важнее для последующего воздействия на конгрессменов и общественное мнение, чем его собственная позиция [46]. Однако это вовсе не означает, что взгляды Буша не учитывались в Белом доме. Их, как и самого вице – президента, Рейган ценил достаточно высоко (особенно к концу своего правления).

. . .

Можно было бы привести еще множество данных, свидетельствующих о том, какую роль в сложившейся управленческой системе играли те или иные члены кабинета на протяжении всех восьми лет президентства Р. Рейгана. Отдельного повествования в связи с этим, несомненно, заслуживают директор АБУ Дэвид Стокмэн, директор ЦРУ Уильям Кейси и многие другие. Особого рассмотрения требуют также обстоятельства отставок посла США в ООН Д. Киркпатрик (май 1985 г.), руководителя аппарата Белого дома Д. Ригана (февраль 1987 г.) и министра обороны К. Уайнбергера (ноябрь 1987 г.), и уж, конечно, изучение той роли, которую играла в системе функционирования президентского аппарата первая леди страны Нэнси Рейган, воспринимавшая интересы своего мужа как свои собственные.

В данной статье мы сочли возможным ограничиться лишь наиболее влиятельными и значительными представителями рейгановского окружения, занимавшими особое место в иерархии вашингтонских руководителей, и придававшими (прежде всего своими личностями) особый колорит всей системе кабинетного правления. Каждый из них играл в ней свою неповторимую роль, компенсируя недостатки, свойственные самому президенту.

Несмотря на личные качества, особенности характеров, неравноценные и ограниченные способности как членов кабинета, так и свои собственные, а также невзирая на многочисленные отставки и скандалы (наиболее крупным из которых был "Ирангейт"), Р. Рейгану (отличавшемуся явной нелюбовью к деталям, кропотливому и утомительному каждодневному труду) на протяжении двух сроков своего президентства удавалось все же согласовывать индивидуальные, групповые, ведомственные и иные интересы, поддерживать в своем окружении верность и приверженность главному – тем целям, которые были выдвинуты им сразу же после прихода в Белый дом. Высокая степень единодушия среди членов администрации на стадии исполнения решений достигалась во многом именно за счет системы

кабинетного правления, предусматривавшей коллегиальность при обсуждении проблем и, не взирая ни на что, решительность, твердость и целенаправленность при их реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Stockman D. The Triumph of Politics. The Crisis in American Government and how it affects the World.* N. Y., 1987; *Regan D. For the Record: From Wall Street to Washington.* San Diego, 1988; *Mayer J., Mc Manuc D. Landslide: The Unmaking of the President.* 1984 – 1988. Boston, 1988.
2. Известия, 1990. 4 августа.
3. Там же.
4. *Congressional Quarterly's Guide to the Presidency.* Wash., 1989. P. 928 – 929.
5. *Ibid.* P. 1214; *Современные Соединенные Штаты Америки. Энциклопедический справочник* М., 1988. С 65.
6. *Waldstein F. A Cabinet Government: The Reagan Management Model // In: The Reagan Years: The Record in Presidential Leadership / Ed. by J. Hogan.* Manchester & N. Y., 1990. P. 57
7. *Deaver M. Behind the Scenes. In Which the Author Talks About Ronald and Nansy Reagan... and Himself.* N. Y., 1987. P. 125.
8. *Waldstein F. Op. cit.* P. 58; *Hess S. Organizing the Presidency.* Wash., 1988. P. 149; *Barrett L. Gambling with History: Ronald Reagan in the White House.* Garden City, N.Y., 1983. P. 89.
9. Цит. по: *Congressional Quarterly's Guide to the Presidency.* Wash., 1989. P. 938.
10. *Haig A. Caveat. Realism, Reagan and Foreign Policy.* N.Y., 1984. P. 128.
11. *Barrett L. Op. cit.* P. 76 – 77. См. также: *Time*, 1981. December 14. P. 22 – 27.
12. См., *Waldstein F. Op. cit.* P. 59 – 60.
13. *Pfiffner J. P. White House Staff Versus the Cabinet: Centripetal and Centrifugal Roles // Presidential Studies Quarterly.* 1986 Vol. XVI. № 4. P. 683; *Waldstein F. Op. cit.* P. 59. 75 *Time*, 1981 December 14 P. 28.
14. *Goldenberg E. The Permanent Government in an Era of Retrenchment and Redirection // The Reagan Presidency and the Governing of America: A Conf. Spons. by Changing Domestic Priorities Project of the Urban Institute.* Wash., 1984. P. 397.
15. *Argyle N. J., Barilleaux R. J. Past Failures and Future Prescriptions for Presidential Management Reform // Presidential Studies Quarterly.* 1984. Vol. XVI. № 4. P. 716 – 733; *Waldstein F. Op. cit.* P. 60.
16. *Рейган Р. Жизнь по – американски.* М., 1992. С. 297 – 298. См. также: *Time*, 1981. December 14 P. 26.
17. *Hamilton G., Biggart N. Governor Reagan, Governor Brown: A Sociology of Executive Power.* N.Y., 1984. P. 12; *Regan D. For the Record... P. 188;* См. также: *The Reagan Presidency and the Government of America / Ed. by L. Salamon and M. Lund.* Wash., 1984/
18. *Brownstein R., Easton N. Reagan's Ruling Class.* N. Y., 1983. P. 3 – 5; *Рейган Р. Ук. соч.* С. 484.
19. См.: *Reagan. The Next Four Years.* Wash., 1985. P. 133 – 134; *Waldstein F. Op. cit.* P. 63 – 64.

20. Ibid. P. 64.
21. Ibid.
22. См.: *Schieffer B., Gates G.* The Acting President. N.Y., 1989; *Dallek R.* Ronald Reagan: The Politics of Symbolism. L., 1984; *Van der Linden F.* The Real Reagan. What he believes, what he has accomplished, what we can expect from him. N. Y., 1981.
23. *Waldstein F.* Op. cit. P. 65–66; *Иванян Э. А.* Рональд Рейган. Хроника жизни и времени. М., 1991. С. 259. См. также: *Time*, 1981. December 14. P. 28–31.
24. *Рейган Р.* Ук. соч. С. 255.
25. Там же. С. 257; См. также *Haig A.* Caveat... N. Y., 1984. P. 71.
26. Проект письма Брежневу, составленный Рейганом, был передан в госдепартамент. Там письмо было переписано, что, по мнению президента, сделало его более обезличенными. Рейгану это не понравилось и он снова переписал его, отправив в том виде, в каком оно было составлено первоначально (см.: *Рейган Р.* Ук. соч. С. 271).
27. Там же. С. 270.
28. См.: *Schieffer B., Gates G.* Op. cit. P.115–140.
29. *Рейган Р.* Ук. соч. С. 270. *Time*, 1981. December 14. P. 28.
30. *Brownstein R., Easton N.* Op. cit. P. 539–549.
31. *Рейган Р.* Ук. соч. С. 360–362.
32. Там же. С. 362.
33. *Reagan. The Next Four Years...* P. 118; *Schieffer B., Gates G.* Op. cit. P. 211–216.
34. Против К. Уайнбергера тогда проголосовали два сенатора от Северной Каролины Джесси Хелмс и Джон Ист, принадлежавших к правому крылу республиканской партии.
35. Так, Уайнбергер обращал внимание на то, что размер бюджетных ассигнований на военные нужды в 1971 г. (76,8 млрд. долл.) был на 6 млрд. долл. меньше, чем бюджет предыдущего года.
36. *Schieffer B., Gates G.* Op. cit. P. 598–606.
37. *Public Papers of the Presidents of the United States. Ronald Reagan.* 1981. January 20 to December 31. 1981. Wash., 1982. P. 14, 1267.
38. См.: *Fasulo L.* Representing America: Experiences of U.S. Diplomats at the U. N. N. Y., 1984. P. 284–285; *Findling J.* Dictionary of American Diplomatic History. N.Y., 1989. P. 286; *Finger S.* Jeane Kirkpatrick at the United Nations // *Foreign Affairs.* Winter 1983–1984. P. 436–457.
39. *Иванян Э. А.* Ук. соч. С. 295; См. также: *Овинников Р. С.* Зигзаги внешней политики США от Никсона до Рейгана. М., 1986. С. 302.
40. *Рейган Р.* Ук. соч. С. 447
41. *Скидмор М. Дж., Трупп М. К.* Американская система государственного управления. М., 1993. С. 198.
42. *The U. S. News and World Report*, 1981, May 18. P. 38.
43. *The Washington Post*, 1981. March 30.
44. Наиболее значительное влияние на президента в принятии внешнеполитических решений оказывали Дж. Буш, К. Уайнбергер, Р. Макфарлейн, У. Кейси и Дж. Киркпатрик. Но наибольший опыт во внешнеполитических делах имели лишь Буш и Киркпатрик. См.: *The U. S. News and World Report*, 1984, Apr. 30. P. 26; *Ibid.* June 18. P. 35.
45. *Newsweek*, 1987. Oct. 19. P. 8–14; *The U. S. News and World Report*, 1984. Nov. 12. P. 25.
46. *The Washington Post*, 1981. March 30.

Т. В. Алентьева

"ЖИВАЯ ИСТОРИЯ" В США

Дзинь!" "Дзинь!" На улицах Вашингтона раздается звон старинного колокольчика. Прохожие с удивлением оборачиваются вслед высокому статному мужчине в напудренном парике и старинном красном камзоле. Он призывает всех поспешить в сквер рядом с Пенсильвания-авеню: и тогда желающие с помощью "машины времени" могут отправиться в прошлое и своими глазами увидеть сцены из жизни великих американцев: Дж. Вашингтона, А. Линкольна, Т. Рузвельта и др. "У вас есть шанс спросить у Дж. Вашингтона, действительно ли он имел "деревянный зуб"; узнать, как много времени А. Линкольн сочинял знаменитую "Геттисбергскую речь"; послушать, как поэт Поль Лоуренс Данбар читает наизусть одну из своих поэм", — убеждает прохожих присоединиться к актерам Американского исторического театра «Городской Глашатай». Представления проводятся бесплатно, прямо на улицах города. Желающих посмотреть не так уж много. Но это не смущает актеров. В течение 30—40 минут перед зрителями разыгрываются "живые сцены" из американской истории. Вот, Вашингтон воспитывает свою внучку Нелли Кастис, убеждая ее не следовать переменчивой моде и не увлекаться легкомысленными танцами. Вот, Т. Рузвельт выдерживает яростный натиск своей жены Алисы, которая пытается ему доказать самым выразительным способом необходимость предоставления равноправия женщинам. Артисты играют с увлечением, зрители с не меньшим интересом

наблюдает за происходящим. По окончании мини-спектакля желающие задают вопросы. Их великое множество, но артисты охотно отвечают, ведь это входит в их задачи.

Наблюдая эти сцены, невольно задумываешься над тем, какое могучее средство приобщения к национальной истории заложено в театральном искусстве, приближенном к зрителю. Ведь актеры играют не на сцене, а на улицах, площадях и в скверах, прямо среди толпы. Контакт со зрителями здесь является самым непосредственным. И зритель может не просто вообразить себя беседующим с первым президентом, но и сфотографироваться с ним на память. Бесспорно, это приближает к Истории сильнее, чем фильм на экране кинотеатра или телевизора.

"Живая история" давно получила признание и широкое распространение в США. Выпускаются соответствующие журналы и информационные бюллетени, делаются объявления, создаются видеофильмы и т. д. Словом, формируется солидное информационное обеспечение, чтобы привлечь внимание как можно большего количества людей. Большинство мероприятий "живой истории" — платное, но сумма для зрителей невысокая и вполне доступная.

"История среди нас, мы — не просто зрители, но и сами как бы участники этих событий" — такова главная идея, заложенная во всей этой деятельности. Издатель журнала "Живая история" Скотт О'Коннел утверждает, что историю не стоит изучать только по книгам. Она может изучаться путем ее "сотворения", т. е. непосредственного участия в событиях "живой истории". Это усиливает и стимулирует интерес к прошлому. Редактируемый им журнал ставит своей задачей не только информирование всех заинтересованных лиц, но и предполагает обмен идеями, как "продвинуть" постижение минувшего [1]. История многолика и разнообразна. Активисты "живой истории", которых насчитывается в США более 10 тысяч, находятся в поиске, пытаются обобщить накопленный опыт, обсудить имеющиеся проблемы, которых немало. Планируется проведение широкого форума — конференции для всех заинтересованных лиц: ученых — исследователей, активистов, спонсоров. Предполагается работа нескольких секций: секция истории и культуры, объединяющая активистов, интересующихся различными периодами истории, — Античность, Средние века, Ренессанс, Реформация, Революция XVIII века, Гражданская война, Граница, Викторианская эпоха, Двадцатый век; секция искусств и ремесел, касающаяся изготовления оружия, военного снаряжения, истории костюма, развития науки и техники; секция социальной истории, посвященная знаменитым политикам и

религиозным деятелям, крупным общественным движениям [2].

Велик интерес американцев к ранней колониальной истории. "Вкус прошлого" – так называется серия экскурсий в исторические дома и парки г. Лисбурга (штат Вирджиния). "Мы обещаем, что ваши впечатления будут свежими и не шаблонными", – заявляют их организаторы. Целый город Вильямсберг превращен в исторический музей – заповедник XVIII века, и вы можете бродить по его улицам и наблюдать сцены из жизни прошлого. Можно посетить многочисленные плантации, расположенные вдоль реки Джеймс и воочию представить себе безмятежную жизнь предвоенного Юга.

В пригороде Вашингтона – Александрии можно посетить постоянный двор – "Таверну Гэдсби", зарегистрированную как национальный исторический памятник. Здесь можно ощутить атмосферу ранней Америки. В XVIII веке, в этих изысканно убранных залах устраивались блистательные светские балы, встречи патриотов и приемы в честь нескольких президентов Соединенных Штатов. Джордж Вашингтон танцевал здесь со своей женой Мартой на втором этаже танцевального зала, где была слышна музыка из подвешенной галереи. В своих письмах и дневниках гости единодушно расточали похвалы изысканному убранству таверны, которую называли лучшим ресторанным заведением Америки. На протяжении почти столетия таверна являлась центром политической, общественной и культурной жизни важного порта колонии. Джон Гэдсби, в честь которого наречена таверна, приобрел международную известность как владелец этого заведения, состоящего из двух больших зданий, с 1796 по 1808 годы.

Городская гостиница, сооруженная в конце XVIII века, представлялась современникам настоящим небоскребом. На ступенях таверны Д. Вашингтон принимал свой последний военный парад. Здания, выстроенные в лучших традициях георгианской архитектуры, сохранены и реставрированы в первоизданном виде конца XVIII века. Ресторан воспроизводит рецепты блюд, сервировку, мебель и костюмы того времени. Посетители таверны Гэдсби могут насладиться подлинной живой атмосферой колониального прошлого Америки. Здесь также устраиваются мероприятия "живой истории".

В Александрии сохраняется немало других памятных зданий. Очаровательные дома морских капитанов в стиле колониальной архитектуры, построенные в период процветания морского порта, тянутся вдоль булыжных мостовых, которые прокладывались гессенскими пленными Дж. Вашингтона. Особо выделяются своей архитектурой здания старинных церквей. Пресвитерианская церковь,

построенная шотландцами в 1774 году, была местом собрания выдающихся деятелей Войны за независимость. В этой церкви была отслужена заупокойная служба по Дж. Вашингтону 29 декабря 1799 года. На кладбище находится могила Неизвестного солдата Американской революции. В Национальном масонском мемориале Джорджа Вашингтона сохраняются его некоторые личные вещи, среди которых фамильная Библия и часы, остановленные в час его смерти. Некоторые события из жизни первого президента США отражены на больших фресках и витражах. Интересным памятником старины является здание пожарного общества «Фрэндишип», организованного группой добровольцев в 1774 году и избравших Д. Вашингтона своим почетным членом. Бродя по улицам Александрии, буквально ощущаешь шаги времени, как бы чувствуешь «неповторимый аромат» колониального прошлого Америки. И кажется, что сама История оживает, когда по эти улицам проходят участники костюмированного парада в честь дня рождения первого американского президента [3].

С тех давних времен в Джорджтауне (район г. Вашингтона) бережно сохраняется Старый каменный дом. Вообразите на одно мгновение, что вы вернулись назад, в XVIII столетие, в колониальные времена. Звуки уличного движения вполне могут быть цоканьем копыт четверок лошадей, запряженных в повозки, отправляющиеся на рынок, а также шумом катящихся тяжелых бочек, набитых знаменитым табаком с вирджинских плантаций. В те дни парусные корабли швартовались у Новой верфи на реке Потомак и ждали погрузки. Этот старый дом был свидетелем бесчисленных перемен исторических событий и лиц. Он помнит основание столицы США и служил временной штаб-квартирой главному архитектору и создателю г. Вашингтона французскому Пьеру Ланфану. Подобно большинству домов того времени первый этаж состоял из мастерской хозяина, лавки, кухни и подсобных помещений, а семья жила наверху. Огромный камин на кухне служил для приготовления пищи и отопления жилища. Мебель, прочная и добротная, сделана руками самого хозяина. Свечи также изготавливали сами. Экскурсовод охотно и обстоятельно рассказывает о первых владельцах дома — семье Лейманов. После экскурсии можно немного прогуляться по небольшому садику в английском стиле [4].

Пройдя несколько кварталов от старого дома, вы оказываетесь на берегу канала Чезапик — Огайо, где вас поджидает новый сюрприз — дорога в прошлое водного транспорта. Ежедневно желающие могут наблюдать, как с помощью старинного механизма разводятся ворота шлюза и появляется старинная баржа, в которую затем впрягают мулов

служители в старинных костюмах. В настоящее время эти баржи служат для водных прогулок туристов. Это живописное и запоминающееся зрелище напоминает о том, что каналы были главными транспортными артериями. На берегу набережной реки Рок Крик, впадающей в Потомак, расположена живописная мельница XIX века, на которой вы сможете познакомиться со старинной технологией мукомольного дела.

Но не только колониальное прошлое и Война за независимость являются объектами бережной заботы и внимания, а также сюжетами для инсценировок "живой истории". Не меньший интерес у американской общественности вызывает Гражданская война Севера и Юга. Вокруг американской столицы до сих пор сохраняется "кольцо укреплений" – фортов, которые служили целям ее обороны. Среди них наиболее примечателен форт Вард, восстановленный по фотографиям Мэтью Брэди, знаменитого фотографа времен Гражданской войны. В музее есть прекрасная коллекция экспонатов того периода. Исторический парк площадью в 40 акров включает реставрированный бастион с пушками XIX века, на его территории также устраиваются разнообразные представления [5]. Огромное количество памятников времен Гражданской войны реставрировано и превращено в музеи в г. Ричмонде, который был столицей Конфедерации Юга. Среди них – Белый дом конфедерации, Капитолий штата Вирджиния, Голливудское кладбище, места сражений.

В США создано немало небольших исторических обществ, объединяющих лиц, интересующихся историей Гражданской войны. Наиболее примечательны те из них, которые связаны с "живой историей". Так, например, созданы – Общество 17-го Вирджинского пехотного полка и Общество 93-го Пенсильванского волонтерского пехотного полка, которые приглашают всех энтузиастов присоединиться к ним. Участники этих Обществ шьют себе соответствующую форму и подбирают амуницию, а также необходимое военное снаряжение. Они считают, что их задача состоит в том, чтобы просвещать всех американцев в их познаниях собственной истории и сохранять прошлое посредством "живой истории" [6].

В связи со 130-й годовщиной окончания Гражданской войны немало театрализованных представлений разворачивалось вокруг Вашингтона и в бывшей столице конфедерации Юга – Ричмонде. 23 апреля желающих, например, приглашали отправиться в г. Салли (графство Ферфакс) и посмотреть, как выглядели военные лагеря северян и конфедератов, понаблюдать военные парады и батальные

сцены, насладиться изысканными приемами в гостиной XIX века, потанцевать с дамами в кринолинах, поиграть в старинные салонные игры. 13 – 14 мая в г. Лисбурге (Вирджиния) можно было прошагать по улицам с армией конфедератов генерала Ли, побывать в полевом госпитале, на телеграфе 1860 года, посмотреть, как военная полиция расправляется с мародерами, шпионами, дезертирами, как работает фотограф с аппаратурой прошлого века и получить на память фотографию. Перед зрителями разворачивались сцены военной и гражданской жизни XIX века, разыгрывалась по этапам кровопролитнейшая битва Гражданской войны при Антиетаме. Еще более насыщенной была программа мероприятий "живой истории", проводимых в г. Ричмонде и его окрестностях. "Финальные дни: Питтсбург, март 1865"; "Синие мундиры в Сером городе", "Последние дни войны в Ричмонде"; "Воспроизведение сражений при Аппоматоксе и Сэйлорс Крик, а также церемонии подписания капитуляции Юга" – таковы названия некоторых из них [7].

Внести историю в жизнь, сделать ее ближе, понятнее, доступнее – этому благородному делу прекрасно служат многочисленные американские исторические музеи. Фактически у каждого музея есть друзья и добровольцы, которые помогают в проведении экскурсий, в сборе материалов и оформлении экспозиций, осуществлении мероприятий "живой истории". Специальные музеи представляют жизнь фермеров и жизнь первых поселенцев границы, жизнь индейских поселков, историю транспорта, почты, представляют текстильное, фарфоровое и другие виды производств. Демонстрируются действующие модели. Многие из этих музеев имеют вполне традиционные экспозиции, но мне хотелось бы отметить те находки сотрудников, которые приближают зрителя к музейным экспонатам. Это и необычная форма подачи материалов, когда экспозиция строится не по хронологическому, а по проблемному принципу, как это делается в Смитсоновском Национальном музее американской истории. Один из залов называется "История своими руками", и любой, пришедший сюда, может попробовать оседлать лошадь, очистить хлопок с помощью джин – машины Уитни, отправить телеграмму на аппарате Морзе, поработать на ручном ткацком станке и ручной швейной машине. Взрослые приходят сюда со своими детьми. Интересно всем. А если что – то не получается, то к их услугам множество инструкций или опытный экскурсовод.

Практически во всех музеях используются художественные, документальные фильмы, видеозаписи; записи музыки и песен прошлых лет, что позволяет создать соответствующую атмосферу. Было

интересно наблюдать в музее Б. Франклина в Филадельфии за неподвижными фигурками кукол, изображающими дипломатический прием при французском королевском дворе; когда луч света выхватывал из темноты их одну за другой, одновременно шло озвучивание с помощью записанного радиоспектакля, и "сцена" наполнялась жизнью и содержанием.

В соседнем зале посетитель оказывался на современной телефонной станции с множеством аппаратов. На стене — номера телефонов всех знаменитых американцев XVIII — XIX веков. Вы хотите позвонить президенту А. Линкольну? Наберите соответствующий номер. В трубке звучит ответ секретаря, что к сожалению президент очень занят, он работает над текстом Прокламации об освобождении рабов. Ну что же, не беда. Попробуем позвонить еще. Но кому? Ведь выбор достаточно велик. Ну, хотя бы редактору весьма популярной в XIX веке газеты "Нью-Йорк дейли трибюн" Х. Грили. Он сам отвечает хорошо поставленным актерским голосом. И вы узнаете из его ответа слова хорошо известной передовицы 1860 года.

Не менее приятно беседовать с экскурсоводом, одетой в платье XVIII века, в церкви Святого Джона в г. Ричмонде о знаменитом Патрике Генри, послушать, как звучит старинный орган и вспомнить знаменитый призыв, родившийся в этих стенах: "Дайте мне свободу, или дайте мне умереть!" И если вас захватит рассказ экскурсовода, вы непременно захотите прийти сюда в воскресенье снова и услышать эту знаменитую речь из его уст. Разумеется исполнять роль Патрика Генри будет загримированный и одетый соответствующим образом актер Американского исторического театра [8].

Наблюдая все это, понимаешь более ясно, какое огромное воздействие "живая история" может оказывать на обычных людей, весьма далеких от ее профессионального изучения. Американцы, несомненно, любят и ценят свою историю, им хочется воскрешать из прошлого только ее самые замечательные страницы. Американская общественность не жалеет усилий для сохранения исторического наследия — старинных домов, усадеб, национальных парков, мест сражений, музеев. Возникает впечатление, что вся Америка занята поисками своих корней. Создано Национальное генеалогическое общество, готовое помочь своим членам в поисках далеких предков и ныне здравствующих отдаленных родственников, поскольку оно располагает компьютерной базой данных и библиотекой из 23 тысяч томов.

Вообще в США — великое множество различных исторических обществ, членами которых может стать любой желающий. Большинство

этих обществ функционирует за счет членских взносов, доходов от издательской и коммерческой деятельности и не имеет финансовой поддержки государства. Только под эгидой Организации американской истории (ОАИ) объединено более 30 обществ. А количество членов самой ОАИ – свыше 12 тысяч человек. Традиции сохраняются и передаются из поколения в поколение. Удивительно, но в Америке до сих пор действуют организации, возникшие еще в XVIII веке: Общество Цинциннатты и Общество дочерей Американской революции.

Очень влиятельными и многочисленными являются масонские организации. В масонских храмах проводятся экскурсии. Сами масоны активно участвуют в различных парадах и церемониях. Например, в день рождения президента Дж. Вашингтона в его имении Маунт – Вернон масоны устраивали церемонно возложения венков на его могилу. В этот день в Маунт – Верноне собирается очень много зрителей еще и потому, что проводятся показательные учения колониальных войск XVIII века, затем "сам именинник вместе со своей женой" приглашает на именинный торт. Всем весело, а, главное, можно оставить на память фотографии. В Маунт – Верноне также часто организуются мероприятия "живой истории", показывающие сцены повседневной жизни американской плантации XVIII века; домашнюю хозяйственную деятельность, работы в саду и на табачной плантации, сцены из жизни рабов.

Очевидно, что самым важным элементом всей работы по пропаганде исторических знаний является массовость участия в ней людей самых разных возрастов и профессий. Просто поражает разнообразие форм "живой истории". Создан специальный исторический канал кабельного телевидения, который работает с января 1995 года. На этом канале оживают страсти и драмы мировой истории в захватывающих и чарующих программах на разные темы. Он представляет такие программы, как "Год за годом", которая фокусируется на некоторых богатых событиями интересных периодах истории. Программа "Современные чудеса" предлагает воскресить процесс создания таких признанных чудес света, как Эйфелева башня, мост "Золотые ворота" в Сан – Франциско. Практикуется показ исторических художественных фильмов с комментариями специалистов и специальными перерывами на вопросы зрителей. Быть свидетелями истории "в действии" становится привычным для телезрителей и помогает им оценивать настоящее, опираясь на опыт прошлого.

Очень много внимания уделяется в США воспитанию молодежи – учащихся школ, комеджей, студентов университетов на исторических традициях. Об этом немало говорилось на 88 съезде ОАИ, проходящем

в Вашингтоне. Интересным и впечатляющим мероприятием становится общенациональный День истории, когда наряду с мероприятиями "Живой истории" проводится конкурс на лучшую работу среди студентов по истории. В 1995 году он был посвящен 50-летию окончания Второй мировой войны и 50-летию создания ООН. Было интересно наблюдать, что обязательным элементом изучения истории Гражданской войны в Университете имени Дж. Вашингтона является не только чтение монографии и сдача экзаменов, но и поездка на поле сражения при Геттисберге и описание полученных там впечатлений.

"Живая история" в США уже вышла за рамки собственно национальной истории. Надолго запомнится посещение Шекспировской библиотеки в Вашингтоне в день рождения Шекспира. Гостей приветствовала сама королева Елизавета I и ее многочисленная свита. В зале можно было побеседовать со златошвейкой XVI века, и она была готова охотно поделиться с вами секретами своего мастерства. Точно также можно было вступить в оживленный диалог с аптекарем той же эпохи, и перед вами открывались многие удивительные секреты.

В США можно побывать в настоящем тюдоровском замке и даже поприсутствовать на настоящем рыцарском средневековом турнире. 20–21 мая легендарный замок Камелот времен короля Артура переселился в штат Мэриленд. Устраиваемая местными активистами "живой истории", настоящая средневековая ярмарка призвана отвечать самым разнообразным вкусам зрителей. Демонстрировались макеты средневековых замков и кораблей. На "ярмарке" можно было встретить рыцарей в латах, дам в живописных средневековых нарядах, простолюдинов, занятых их повседневными занятиями. Перед зрителями выступали гимнасты, канатоходцы, шпагоглотатели, танцоры, сказители, комедианты. Разыгрывались комедии Шекспира. Ремесленники демонстрировали свое мастерство в различных областях. Желающие тоже могли испытать собственные таланты в мастерстве кузнеца или медника [9]. Наряду со средневековой историей у американцев растет интерес и к античности, о чем говорит создание соответствующих групп энтузиастов.

Формы "живой истории", как мы могли убедиться, действительно разнообразны и интересны. Не все получается на строгий взгляд специалиста удачно и в строгом соответствии с исторической действительностью, но несомненно, что при всех имеющихся недостатках достигается главное – интерес и любовь к собственной истории громадного количества людей. Вот почему подобный опыт не просто интересен. Он заслуживает пристального внимания и изучения и в

нашей стране, чья история намного богаче и многообразнее.

Наблюдая отношение различных слоев американского общества к своей национальной истории, отчетливее осознаешь, как велика доля ответственности историков – специалистов перед своими соотечественниками, чтобы сформировать уважение и гордость за достижения собственной страны. Вот почему так важен интерес, который в современной американской историографии проявляется к судьбам простых людей Америки, к повседневной жизни, что находит свое отражение в грандиозных проектах Общества устной истории, также как и в охарактеризованных выше мероприятиях "живой истории".

Возможно, что изложенное в данной статье многим читателям покажется чем – то несущественным и недостаточно серьезным. Но, мне, как человеку, видевшему многое из описанных сцен "живой истории" своими глазами, хочется возразить подобным критикам. Разве не является благородной целью всех историков – профессионалов не только изучение, но и пропаганда исторических знаний, воспитание уважения к отечественной истории, к собственной стране. Очевидно, для того, чтобы подобный опыт "живой истории" мог утвердиться более широко и в нашей стране, необходимо уважительное отношение к опыту других стран, а также энтузиазм и внимание к подобной сфере жизни общества со стороны всех заинтересованных лиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Living History. The Journal of Historical Reenactment and Interaction. Spring 1995. P. 4.
2. Ibid. P. 5.
3. Historic Preservation. The Magazine of the National Trust for Historic Preservation. January – February 1995. Vol. 47. № 1. P. 106.
4. Metro History News. A Publication of the Historical Society of Washington DC. Winter 1994 – 1995. Vol. 2 № 3 P. 14.
5. The Fort Ward Dispatch. Vol. X. Winter/Spring 1995. № 1.
6. Guide to Historic Virginia. April 1995. Vol. IV. № 1. P. 19 – 20.
7. Guide to Virginia's Civil War. Battlefields and Sites. Special edition. 1995. P. 11.
8. Guide to Richmond's East End. A Publication of the East District Initiative. City of Richmond. Vol. 11. № 1. May 1995. P. 8.
9. Living History. Newsletter. Spring 1995. P. 1.

Research for this article was supported in part by a grant from ACTR/ACCELS, with funds provided by the United States Information Agency. Neither of these organizations is responsible for the views expressed.

М. Т. Маркова

КУЛЬТУРА ПОСТМОДЕРНИЗМА И РУССКИЕ ДИССИДЕНТЫ

Диссиденты 70-х годов — представители творческой интеллигенции, вынужденно покинувшие СССР, — оказались на Западе в иной культуре, иной цивилизации. Восприятие ими новой жизни было различным, (как, впрочем, и их отношение к тоталитаризму): от откровенного отрицания до поисков путей изменения советской системы изнутри и конвергенции двух систем на либеральной основе. Однако, несмотря на эти различия, после удушающей атмосферы застоя они почувствовали, что находятся в новом мире, основанном на плюрализме и свободе творчества. Эти настроения оказались адекватны культуре постмодернизма.

Постмодернизм представляет собой органичное сосуществование всех стилей, направлений и течений современной культуры, т. е. всех ее достижений и ценностей. Постмодернизм предполагает поиск не единства, а различия, поэтому сама по себе это культура неагрессивная и недидактическая. Однако она требовала глубокого знания истоков и основ общечеловеческой культуры, в том числе знания Библии, Корана, индийских и китайских священных книг. Многие оказавшиеся на Западе диссиденты именно в эмиграции стали воспринимать эти ценности мировой культуры, одновременно освобождаясь от политической и идеологической конъюнктурности.

Следует признать, что в условиях западного общества большинство диссидентов сумели реализовать свой талант, востребованный в

значительной степени и оцененный по достоинству. Примеров этому можно привести достаточно.

Один из самых первых советских диссидентов — *Рудольф Нуриев* — “мальчик с Урала” (так он называл себя сам), “танцовщик — звезда” (так называли его восторженные почитатели) — выше трех десятилетий танцевал в самых престижных театрах мира. Путь артиста в большое искусство был очень сложен: работая в частных балетных труппах, Нуриеву долго пришлось упорно доказывать свое превосходство. Он сумел добиться всемирного признания благодаря невероятному труду и фантастическому служению танцу. Но, как говорил сам Нуриев, только на Западе ему удалось соединить “мечту с личной свободой”.

Постижение западной культуры для многих диссидентов сопровождалось одновременным отказом от русской ментальности. Так, *Андрей Кончаловский* отмечал существенное различие в восприятии окружающей действительности западными и русскими творческими личностями. Западный художник, по его мнению, верит в позитивность жизни, умеет довольствоваться малым, пока не достигнет большего, стремится к самосдержанности, взвешенности поступков и своих возможностей. Русский же менталитет основан на иных принципах — радикализме и нигилизме.

Органично вписался в западную (американскую) среду *Иосиф Бродский*. Еще в молодые годы он впитал в себя ценности западной цивилизации, знакомясь с английской литературой и изучая английский язык. Бродский стал уникальным двуязычным поэтом, одновременно создавая выдающиеся произведения и на английском, и на русском языках.

Сильное влияние со стороны американских и европейских художников испытали *Э. Неизвестный*, *М. Шемякин*, *И. Кабаков*, *О. Рабин*, *О. Цалков*. Но тем не менее они не стали подражателями западных авторитетов в искусстве, что и позволило им добиться признания. Так, *Э. Неизвестный* в первый же год пребывания за границей получил более 800 заказов! *О. Рабин* был приглашен в культурный центр “Мир искусства” в Париже, получив возможность выставлять свои работы в знаменитых салонах. Несколько его полотен приобрел президент Франции Франсуа Миттеран. В Париже и Нью-Йорке состоялись первые персональные выставки *М. Шемякина*. За шумным успехом последовало мировое признание. Но, как признавались сами художники, осталась ностальгия по России, московским и ленинградским друзьям. В душе все они остались русскими людьми

и при первой же возможности (после 1991 г.) предложили свое искусство освобождающейся от тоталитаризма Родине. М. Шемякин создал скульптурный портрет Петра I, размещенный на территории Петропавловской крепости, а Э. Неизвестный разработал сразу несколько проектов памятников жертвам сталинских репрессий.

Уникальное воспитание на двух культурах – немецкой и русской – получил знаменитый композитор *Альфред Шнитке*, что не могло не сказаться на всем его творчестве. Уже много лет Шнитке живет в Германии, но именно там он почувствовал свою близость к русской музыкальной традиции, особенно к С. Прокофьеву и Д. Шостаковичу.

Ряду писателей и поэтов – *Г. Владимову, В. Войновичу, Ю. Кублановскому* – также удалось избежать сильного влияния современной европейской культуры на свое творчество. Вдали от Родины они продолжали писать о России. В этом они видели возможность сохранить независимость как от западного влияния, так и от слияния с русской эмигрантской культурой первой волны.

Совершенно особое место в современной западной культуре занимает *Александр Зиновьев*, с 1978 г. проживающий в Мюнхене. Он, как и любая значительная личность, парадоксален и противоречив. Зиновьев стал знаменит во многом благодаря своим антикоммунистическим взглядам. Но после падения тоталитарного режима в России именно он пытается убедить молодое поколение более критически относиться к ценностям культуры западного мира. Так, он считает, что "свобода в культуре проявляется в аморальности и проповеди насилия. Борьба за ограничение свобод здесь столь же обычное явление, как и сама свобода". За пышным фасадом современной европейской жизни, по его мнению, "скрывается бедность, духовная опустошенность, моральная деградация".

Эта же мысль звучит и в сентенциях А. Кончаловского, который считает, что "[современный] европеец не в состоянии на чем –нибудь сконцентрироваться более трех минут. Ему все время нужен новый зрительный материал. Искусство становится ненужным, потребность в созерцании почти равна нулю". Ю. Кублановский также считает, что западное общество привыкло потреблять не только материальные, но и духовные ценности, создаваемые в других культурах (русской, африканской, азиатской...) Г. Владимов приводит слова выдающегося немецкого писателя Г. Бёлля о том, что "его плохо слышат".

Своеобразную оценку современной западной постмодернистской культуры дает *Эдуард Лимонов*, который считает, что "идеализация заграницы, недостаточная информация о той жизни" часто приводят

к эмиграции. Но только пройдя через все ее тяготы, русские начинают понимать, что воспитанность западных наций, по Лимонову, — миф, который возник в московском обществе среди детей и внуков репрессированных. Будущие диссиденты, по мнению Лимонова, "ненавидели традиции своего народа", что и привело к их массовой эмиграции. Но здесь, на Западе, многие убедились в том, что все подчинено идее добывания денег, а идеальным героем является тот, кто достиг наивысших административных или других постов. Роль культуры на Западе, полагает Лимонов, сведена до роли служанки этому идеалу. "Искусство не только не развивается в современном западном обществе, но, напротив, исчезает прямо пропорционально росту свободы, так как искусство — есть привилегия страдающего общества, а не сытого, изнеженного материальными благами", — пишет он.

Особое мнение и отношение к западной культуре — у писателя *Александра Солженицына*. Более 20 лет он находился в эмиграции. За это время он имел возможность познакомиться с различными направлениями современного искусства. Но Солженицын избрал судьбу анахорета, затворника Вермонта, и продолжает судить обо всем с позиции русского пророка. Он четко делит все искусство на реалистическое и авангард, который рассматривает как проявление разрушительной эстетики, во многом подготовившей революции и войны XX века. Современная культура постмодернизма, по мнению Солженицына, является продолжением авангарда начала века и не имеет реальной ценности, т. к. замыкается на себе, а у творца в таком случае ответственности нет ни перед кем. По мнению Солженицына, в отказе от традиций заложена враждебность ко всякой духовности. Для России необходимо отказаться от влияния Запада и поднимать национальные русские традиции, которые богаче, чем в иных западных странах. Такова позиция писателя, посвятившего себя изучению проблем русского общества от начала века до сталинских времен. Солженицын ищет идеал человека в дореволюционной России, считая, что у нашей страны своя, особая роль.

При этом, позволим себе заметить, писатель фактически отказывает в свободе творчества другим, пусть даже идущим в противоположном направлении, указывая им узкий коридор национальной идеи. Вместе с тем культура постмодернизма обращена к человеку, свободному в своем выборе, а, следовательно, оставляет место для любых творческих исканий.

Большинство советских диссидентов, находясь на Западе, чувствовали существенную разницу в природах западной и русской

культур. Западная цивилизация основана на греческом рационализме, христианской вере и римском праве. Культура же России питалась нигилизмом, соединением православия с язычеством и осознанием бесправия личности перед властью. Отсюда – особая ментальность русской души, где благородный либерализм Герцена соседствует с деликатностью Тургенева и летаргической безнадежностью обломовщины.

Диссиденты многое заимствовали у Запада, но, являясь представителями российской цивилизации, они не только приняли культуру постмодернизма, но и внесли заметный вклад в ее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М., 1992.
2. Давыдов Ю. Н. Парадоксы абстрактного культуролобия // Наше наследие, 1990. № 6.
3. Лукин Ю. Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР. М., 1992.
4. Митчин А. Семнадцать интервью. М., 1992.
5. Не должно быть эмиграции // Родина, 1992. № 2.
6. Россия и Запад: взаимодействие культур // Вопросы философии, 1992. № 6.
7. Сараскина Л. Злободневность будущего // Знание – сила, 1991. № 6.
8. Солженицын А. И. Речь в Гарварде 8 июля 1978 г. // Родина, 1991. № 9 – 10.
9. Солженицын А. И. Ответное слово на присуждении литературной награды Американского национального клуба искусств // Новый мир, 1993. № 4.
10. Солицева А. Постмодернизм по – советски // Театр, 1991. № 8.

Й. Ван дер Лееув-Роорд

ИСТОРИЯ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕБНИКАХ

Доклад, прочитанный на международном семинаре
"Современные подходы в преподавании истории"
(Россия, Псков, 15-17 апреля 1996 г.)

Этот обзор не является исследовательским проектом, направленным на изучение всех учебников, используемых в средней школе Европы. Я даже вряд ли смогу с точностью сказать, сколько учебников в настоящее время используется в преподавании курса истории в Европе, их число может превысить тысячу.

При подготовке данного доклада в центре моего внимания была прежде всего книга *"История Европы"* под редакцией Фредерика Делуша, написанная 12 европейскими историками. Я также использовала публикацию, подготовленную Советом Европы *"Европейское содержание школьного учебного плана по истории"*, которая представляет собой отчет по исследовательскому проекту под таким же названием. Кроме того мною также были просмотрены различные учебные пособия по истории, изданные в ряде европейских стран. На основании изученного мною я хотела бы сделать некоторые соображения относительно содержания учебников и, в частности, того, как в них раскрыта история России.

Итак, начнем с *"Истории Европы"* под редакцией Ф. Делуша. Уже в первой главе этой книги повествуется об отношениях между Россией и Европой. Но в ней же говорится и о том, что Россия не рассматривалась как часть

Европы до XVII века, что именно Петр I открыл выход в Балтику и соединил Россию с Европой. Однако означает ли это, что Россия до XVII в. совсем не упоминается в этом учебнике? Ни в коей мере. В нем пишется, что на территории России были обнаружены языческие символы плодородия еще со времени первого оледенения. Но подробно эти утверждения не раскрываются. Если же вести речь о том, когда Россия стала действительной частью Европы, то следует назвать 1914 или, возможно, 1939 г.

Я хочу высказать несколько соображений по поводу этих упоминаний. Читатели книги узнают, что еще во времена греческой колонизации и Римской империи народы, населявшие Европу, достигли территории России (хотя в этом случае мы должны уточнить, что именно мы понимаем под Россией и Украиной). В учебнике реки Дон и Донец изображаются как одни из главных торговых путей во времена Римской империи. В период великого переселения народов гунны сменили свою "русскую родину" на западноевропейские территории. И хотя их вклад в историю Европы не рассматривается авторами учебника как положительный, их действия несомненно повлияли на Западную Европу того времени.

В анализируемом учебнике несколько раз упоминается Киевская Русь и Ярослав Мудрый, раскрывается роль последнего в процессе крещения Руси и установлении ее связей с Византией. Учебные карты, представленные в этой книге, изображают русские княжества, одна из карт демонстрирует расширение Великого княжества Московского.

Роль России в создании колониальных империй отражена в учебнике в нескольких строках. Основное внимание уделено главным образом Португалии, Испании, Франции, Великобритании и Нидерландам. Всего лишь одна страница отведена России при Петре Великом и Екатерине II в главах "Просвещение, идеи свободы, династии и войны" и "Европа и абсолютная монархия". В теме "Наполеоновские войны" о роли России упоминается лишь мельком.

В учебнике достаточно широко освещаются русские революции. И это должно сильно удивить читателя, так как в книге не упоминаются исторические истоки этих революций, а именно развитие России в XIX веке. В тексте нет никакого упоминания о декабристах или политической борьбе этого времени. Упоминается только лишь отмена крепостного права в 1861 г. и возникновение социал-демократической партии.

Ограниченность материала характерна и для карт. Так, карта эмиграции в Северную Америку не отражает внутренние процессы, происходившие в России.

В целом информация, которую дает учебник, представляет Россию XIX в. как благополучную страну без каких — либо проблем, медленно двигающуюся по направлению к индустриальному обществу, свидетельством чего являются такие большие города как Одесса с населением в 600 тыс. человек и Москва и Санкт — Петербург, в каждом из которых проживало более 1 миллиона жителей.

Все это приводит к тому, что читатель совершенно неожиданно для себя сталкивается с материалами о "революциях", "падении России", "переходе власти к Ленину". Хотя Брест — Литовский мир имел значительное влияние на развитие Восточной Европы, о нем в учебнике даже не упоминается. Вместе с тем мирные договоры и соглашения, разрабатывавшиеся на Парижской мирной конференции, разбираются очень досконально, вплоть до мелких подробностей.

Правда, роль России в Европе и мире после 1939 г. отражена в тексте намного больше. Так, в книге пишется о роли СССР во время Второй мировой войны, о героизме советских людей, страданиях миллионов, нищете, вызванных депортациями и искоренением еврейского населения.

В главах о холодной войне описываются отношения СССР со странами Варшавского договора, а сама Россия представлена как страна, производящая ядерное топливо. В текст включен и материал о катастрофе на Чернобыльской АЭС.

В главе "Застой на Востоке, расцвет на Западе. Конец разделенной Европы?" можно найти упоминания о Брежнев, Горбачеве, а также самые известные на Западе слова "гласность" и "перестройка". Говорится также и о распаде Советского Союза.

Таким образом, этот учебник раскрывает основные политические и экономические события, происходившие в истории России. Социальная и культурная жизнь России в нем практически никак не отражена.

Следующая публикация, на которой я хотела бы остановиться, называется *"Европейское содержание школьного учебного плана по истории"*. Она представляет собой сравнительный анализ содержания преподавания истории и учебных планов 12 европейских стран — членов Европейского Союза, проведенное доктором Р. Страдлингом для консорциума учреждений, занимающихся развитием и учреждением образования в Европе. Одной из целей этого исследования являлось получение данных о состоянии преподавания истории 12 — 16 — летним учащимся на низшей ступени среднего образования. В результате этого исследования выяснилось, что в большинстве стран Европы

преподавание ведется с национальной, а не европейской точки зрения. Автор сравнил основные темы в учебных планах по истории, используемых в 12 странах Европы, чтобы подтвердить данное заключение.

Я приведу только примеры с Данией и Португалией. Так, датчане основное внимание в учебных планах фокусируют на викинггах, миграциях и завоеваниях, торговле, а также отношениях с Норвегией, Швецией и Германией. В учебных планах, используемых в школах Португалии, главное внимание уделяется средиземноморской торговле, путешествиям Генриха Мореплавателя и Магеллана, колониализму.

Это вовсе не означает, что учащиеся не изучают другие темы, но упор при этом делается на национальной истории — истории своей собственной страны. Отчет Страдлинга отмечает, что в школах европейских стран преподаются такие общеевропейские темы, как история Древней Греции, история христианства (как Восточного, так и Западного), Возрождение, Наполеоновские войны и период Империи во Франции, Первая мировая война, политическое и экономическое сотрудничество после Второй мировой войны. Однако, по — моему, и в этих темах не всегда будет преобладать общеевропейская точка зрения. Учителя, преподающие историю Возрождения, скорее всего будут использовать примеры из истории собственной страны и вряд ли будут говорить об итальянских мастерах, строивших церкви в России.

Как же отражена история России в других учебниках истории, используемых в средних школах европейских стран? Следует отметить, что в европейских учебниках о России до 1900 г. практически пишется мало. О ней изредка упоминается лишь в некоторых темах, например, в теме о наполеоновских войнах. В учебниках Великобритании и Нидерландов Петр I используется как пример автократического правителя. Вероятно, отношения этого царя с упомянутыми государствами повлияли на тот факт, что именно Петр I упоминается в учебниках этих стран. Остальные российские императоры, правившие до Николая II, практически не упоминаются совсем. Начиная с конца XIX в., международная роль России, а позднее СССР, была официально признана и получила более или менее полное отражение во многих учебниках для средней школы. Так, мы находим материал о создании коалиций перед Первой мировой войной, о роли России во время этой войны, о концепции мировой революции, об изолированности советской России в 20 — 30 — е годы, об отношениях с Лигой наций, о договоре Молотова — Риббентропа, о конференциях во время и после Второй мировой войны, о Восточном блоке и Варшавском договоре, а

также о международных противоречиях после войны.

В европейских учебниках широко освещается роль Горбачева, его влияние на изменения, произошедшие после 1989 г., которые на сегодняшний день рассматриваются как жизненно важные. Один из английских учебников рассматривает важность Брест – Литовского мирного договора, заставляя тем самым учеников изучать основные положения этого договора и отношение историков к нему. В общем, значение этого события едва ли признается в остальных западноевропейских учебниках.

Подробно в учебнике рассматривается внутреннее положение России только с конца XIX в. Для объяснения причин революций 1905 и 1917 гг. раскрываются проблемы развития России в политической сфере. Почти все школьные учебные планы относят Ленина, Троцкого и Сталина к разряду исторических фигур. Такие понятия как "пятилетка", "кулаки", "ГУЛАГ", "террор" и др. известны всем европейским учащимся. В учебниках, как правило, описываются события, происходившие во время Второй мировой войны, особенно страдания еврейского населения и блокада Ленинграда. Во всех учебниках признается важная роль Советской Армии в поражении гитлеровской Германии. В них отражены, хотя и недостаточно, события, происходившие в СССР после Второй мировой войны.

Таким образом, можно отметить, что политическая и социально – экономическая история России XX века освещается в учебниках достаточно глубоко, правда, о событиях культурной жизни страны упоминается лишь изредка. Вместе с тем на основе приведенных выше фактов можно сделать вывод, что образ России, представленный в западноевропейских учебниках, не является достаточно положительным.

В учебниках стран Центральной и Восточной Европы картина абсолютна иная. Как отмечали украинские историки, "мировая история в школах Украины – это прежде всего история России". Но недостаточное знание этих языков и нехватка времени не позволили мне достаточно полно изучить, как отражена история России в школьных планах этой части Европы.

Однако насколько важно отражение истории России, Голландии, Австрии или любой другой страны в школьных учебниках? Обязательно ли оно должно быть полным? Здесь мы подошли к целям преподавания истории в школе: чему мы учим, почему и как? Ни в одной европейской стране органы образования не обозначают такую цель, как "Ученики должны знать все о тех событиях, которые произошли в прошлом" или "В школьном курсе истории должны

изучаться основные исторические события всех стран мира".

В настоящее время учебные планы по истории на Западе ориентированы на другие цели, например – направить содержание исторического образования на формирование демократических ценностей у учеников. Оно должно развивать навыки критического мышления в процессе преподавания истории. Планы указывают на то, что историческое образование должно "помогать ученикам развивать чувство идентичности через изучение процесса развития их стран, Европы и мира". Обучение истории в школе имеет своей целью "изучение прошлого и методов его исследования, помогает ученикам лучше понять мир, в котором они живут".

Это и есть те цели, на которых базируются учебники истории в Европе. Они нацелены на формирование таких учеников, которые смогут активно и сознательно различать и изучать события прошлого. Учебные планы при этом неодинаковы, иногда школы, расположенные по соседству, имеют различные школьные учебные планы, и практически всегда учебные планы различаются по странам и во времени. Так или иначе школьные учебные планы отражают общество, которое несет ответственность за их составление.

Подведем некоторые выводы.

В школьных учебных планах и школьных учебниках по истории многих европейских стран половина объема учебников и учебных планов включает материал по национальной истории страны.

В западноевропейских учебниках широко изучается история России в XX веке и рассматривается историческая роль Советского Союза. Остальные проблемы истории России практически подробно не рассматриваются. В школах Восточной Европы на изучение истории России отводится больше времени.

Европейские школьные учебники освещают главным образом российскую политическую, социальную и экономическую историю, не уделяя достаточного внимания проблемам истории культуры России.

Следует признать, что в целом европейские учебники формируют достаточно отрицательный образ России. «Страдания», «войны», «авторитаризм», «тоталитаризм», «Ленин» и «Сталин» – ключевые понятия, используемые в преподавании истории России в Европе. Поскольку школьные учебные планы базируются на изучении и преподавании истории основных дат, событий и персоналий, то ведущими понятиями в них являются такие как «война», «кризис», «тираны», «бедствия».

Х. Штроцко

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В АВСТРИЙСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Доклад, прочитанный на международном семинаре
"Современные подходы в преподавании истории"
(Россия, Псков, 15-17 апреля 1996 г.)

Два предварительных замечания относительно организации преподавания истории в Австрии помогут нам лучше понять, насколько бедно представлена русская история в наших школах.

История в австрийских школах преподается по двум программам. Первая предназначена для школьников от 12 до 14 лет, занятия проводятся два раза в неделю. Поскольку у нас обязательное обучение заканчивается в 15 лет (10 – летнее образование), около 40% школьников проходит только начальный курс истории. Те, кто продолжает учебу, изучают историю заново, с самого "начала" до настоящего времени. Вторая программа, естественно, разработана более тщательно и рассчитана на более высокий уровень.

Для прояснения ситуации заметим также, что учебная программа по истории уделяет значительно больше внимания истории Западной Европы и США, чем другим странам. История нашей собственной страны – Австрии – составляет только 10 – 20% школьной программы, и поэтому ее вряд ли можно назвать "националистической".

Обе программы (начальная и расширенная) отдают предпочтение так называемому "линейному" или последовательному подходу, который предусматривает изучение истории с доисторической эпохи и последовательный переход к истории Египта, Греции, Рима, Средневековья, эпохе Великих открытий, современной Европе, периоду революций и современному времени. При таком подходе все, что "лежит на обочине дороги" остается в той или иной степени без внимания.

Австрийские школьные программы на первое место ставят цель обучения, при этом содержание преподавания составляет тема. Покажу это на примере:

Цель – учащиеся должны усвоить основные черты абсолютизма и парламентаризма.

Тема – политическое и социально – экономическое развитие государства в период абсолютной монархии.

В программе не указывается, какое именно государство следует иметь в виду. Все ученики обычно разбирают эту тему на примере Франции, т. к. для европейских стран Франция во многом является "идеальным" примером, своего рода моделью. Стоит ли в подобном случае подробно изучать историю России? — примерно так можно понимать составителей таких программ и учебников. Может быть, в этом и есть какая-то доля истины. Но ведь это означает, что из поля зрения выпадает все то, что не соответствует традиционному направлению в преподавании истории.

Речь идет не только о России, но и о других странах. Австрийские программы по истории еще меньшее внимание уделяют таким странам, как Индия, Китай, а также странам Африки.

Если бы в XIX веке Россия не взяла на себя роль мировой державы, о ней в австрийской учебной литературе не упоминалось бы вовсе, как это происходит с ее историей до XIX века.

Так, в одном из учебников (для учеников 13 лет) деятельность Петра Великого и его "модернизация" России рассматривается только в двух небольших разделах. Прочитав их, вы, конечно же, разочаруетесь и вам многое в них не понравится. Что еще есть в этом учебнике о России? Фотографии Кремля и собора Василия Блаженного. В коротком абзаце упоминается о социально-экономическом положении допетровской России. Экспансию России на Восток иллюстрирует карта. В тексте есть несколько беглых замечаний по поводу слабой развитости торговых связей из-за отсутствия выхода в теплые моря. В результате, отмечается в учебнике, в отличие от Западных стран, российский средний класс не мог развиваться, крестьянин находился в крепостной зависимости, его труд был принудительным.

Более подробно повествуется об основании города Санкт-Петербурга, помещена фотография с изображением Петра I и карта. Во второй главе говорится о влиянии его реформ на народ России. Причем, в тексте приведены два замечания с положительной оценкой его реформ и два критических высказывания: одно — представителя дворянства, а другое — крестьянина.

В учебнике для младших классов (для учащихся до 14 лет) о России упоминается только в тех случаях, когда она является объектом нападения или находится в состоянии войны. О дореволюционном периоде какой-либо подробной информации в тексте нет. Сама революция 1917 г. отдельно не рассматривается, а лишь в связи с событиями Первой мировой войны, что, по меньшей мере, вызывает недоумение.

В какой — то степени за такое положение вещей ответственность несет учебная программа. Поскольку переход из третьего в четвертый класс (учащиеся 13 — 14 лет) совпадает по программе с изучением периода до 1918 г., то события Октябрьской революции в этом учебнике отдельно не рассматриваются. В четвертом классе история России также представлена в общих чертах — а именно: авторитарное правление в первой половине XIX века.

Австрийская учебная программа по истории, находясь явно под большим впечатлением концепции тоталитаризма, делает акцент на сходстве коммунистической и фашистской идеологий. В результате этого упускается из виду специфика большевизма. Ни один учебник не останавливается подробно на изучении особенностей русского общества. Поэтому революция 1917 г. представляется как волевой акт большевиков, которые просто воспользовались бедственным положением в стране, вызванным войной. Отдельные учебники лишь вскользь упоминают об экспроприации земель. Не уделив должного внимания этому важному событию, трудно объяснить причины возникновения гражданской войны в России. Следует признать, что вторая программа (для учащихся 17 — 18 лет) более подробно рассматривает причины возникновения революции и гражданской войны.

Австрийские учебники по истории, как правило, признают роль личности в истории. Поэтому неудивительно, что фигура Ленина в них выдвинута на передний план, а в одном из учебников даже приводятся подробности жизни его семьи. Природу большевистской революции можно понять лишь в связи с главенствующей ролью Ленина. Но его роль в Февральской революции незначительна, а причины самой революции лежат в особом положении России в то время.

В одном из учебников перечисляются противники большевизма: представители дворянства и средний класс, офицеры и государственные служащие, сторонники монархии и церкви. В результате у учащихся возникает впечатление, что все "разумные" люди выступали против нового режима. Поскольку в учебнике ничего не говорится о классовой структуре дореволюционной России, учащиеся не имеют возможности сравнить данную группу людей с теми, кто по тем или иным соображениям поддерживал коммунистический режим. Причины, вызвавшие повсеместный голод, представлены нечетко. Авторы дают положительную оценку периоду НЭПа, что совпадает со взглядами учащихся на экономику. Брест — Литовский мир характеризуется без каких — либо подробностей как "суровое и жесткое" решение.

Следует отметить, что введение планового хозяйства и период коллективизации во времена Сталина представлен довольно подробно. В одном учебнике даже приведены «Законы пионеров Советского Союза». При этом ученикам предлагается задание определить, какие положения этого документа выражают интересы КПСС и советского государства. Поскольку партия и государство отчетливо упомянуты лишь дважды, то ученикам предлагается второе задание: В какой мере другие пункты «Законов...» отражают интересы партии и государства? (Например, пункт 4: «Юный пионер — друг детей всех народов»). В этой книге также предлагается довольно запутанная схема двойственной системы управления в СССР, при которой государственные и партийные органы дублировали друг друга.

Среднему ученику, как правило, очень трудно разобраться в этом, особенно, в сложной терминологии. Вряд ли могут помочь и объяснения учителя, настолько трудна эта система для понимания.

В заключение раздела о сталинизме ученикам предлагается задание: они должны прочитать предложения, в которых дается характеристика авторитарного или демократического режимов. Им следует определить, какое из этих предложений характеризует тот или иной режим. Такое задание имеет определенный смысл, но оно порождает в сознании учеников представление, что мир делится только на «хороших» и «плохих» людей.

В учебниках для 4-го класса мало говорится об истории Советского Союза после 1945 г. Он упоминается только как одна из двух сверхдержав, о развитии внутри страны в учебниках сказано мало. Справедливости ради, заметим, что то же самое можно сказать и о США. Поэтому, если исходить из данных учебников, то распад Советского Союза воспринимается как нечто совершенно неожиданное.

Мне самому приходилось участвовать в написании учебников, поэтому я хорошо представляю все трудности, связанные с этой работой. Во — первых, приходится быть «слугой нескольких господ». В Австрии существует специальная государственная комиссия, которая определяет список рекомендуемых учебников. Они предоставляются учащимся бесплатно. Правда, в настоящее время с родителей удерживается 10% от стоимости книг. Конечно, комиссия — не цензура, она лишь определяет, насколько то или иное учебное пособие соответствует программе. Работа комиссии скорее происходит вокруг толкования ряда исторических проблем, а здесь мнения сильно расходятся. Во — вторых, список рекомендуемых учебников предлагается учителям, которые и осуществляют окончательный выбор. В — третьих, любой составитель

учебника стремится к уровню, отвечающему стандартам исторической науки. И, наконец, нельзя не принимать во внимание самих учащихся. Хотя они не принимают непосредственного участия в работе над книгой, опосредованно они могут повлиять на решение о выборе того или иного учебника. Я еще не упомянул издателя, который соблюдает финансовые интересы. Стоимость учебника должна иметь разумные пределы, а это означает неизбежное сокращение объемов книги. Так что автор стоит перед выбором: включить максимальное количество тем или более подробно остановиться на некоторых из них. Поскольку в учебник необходимо включить библиографию и иллюстрации, возникает необходимость дальнейшего сокращения текста.

Учебники для старших классов содержат более подробную информацию и включают более широкий круг справочной литературы. История России до XIX века, к сожалению, изложена в них кратко. Впрочем, существует один учебник, который предлагает интересный материал о социально – экономическом положении России в это время. Статистика и удачно подобранная карикатура на русское общество того времени (к сожалению, без перевода русских названий) помогает понять причины внезапного начала революции. На мой взгляд, неплохо было бы включить этот материал в курс начальной истории, но, очевидно, недостаток места не позволил это сделать.

Очень сложная для понимания история деятельности оппозиции царскому режиму представлена в другом учебнике. Как ни странно, в нем много места уделено изложению взглядов Бакунина на будущее общество. Вряд ли это уместно, но авторы пытаются увязать все сказанное ими с темами общего плана, т. е. с анархизмом в данном случае.

В одном из самых популярных учебников для старшеклассников кратко изложена история трех революций в России. Но многие термины при этом не объясняются. Несколько неожиданно возникает повествование о кадетях, которых называют "левыми либералами", что наверняка удивит вас. Должное воздается Ленину. Приводятся довольно длинные и удачные цитаты из его работ. Вопросы, предложенные учащимся, нацеливают их на решение более общих проблем. Так, ученику предлагается найти причины возникновения революций вообще. Здесь явно прослеживается тенденция к обобщению частной ситуации. Такой подход имеет свои достоинства, но здесь есть и опасность упустить из поля зрения ту конкретную ситуацию, о которой идет речь.

В учебниках для школы достаточно подробно отражаются и события современной и новейшей истории СССР и России.

Т. Б. Пасман

ПРОПЕДЕВТИЧЕСКИЙ КУРС ИСТОРИИ:

**назначение, содержание,
особенности методики**

Историческая пропедевтика (предварительное обучение) – это своеобразное введение в предмет, курс, отличающийся от других отбором содержания, формой изложения, приспособленными к возрасту детей. Основными задачами его являются следующие: обеспечить переход от интегративной начальной ступени образования к предметной, дать элементарные представления, связанные с основными характеристиками истории (время, пространство, образ жизни людей, деяния отдельных личностей, культура прошлого, исторические источники и др.), пробуждающие и развивающие интерес к предмету. Историческая пропедевтика предоставляет возможности и для воспитания у школьников любви к Отечеству, его истории и культуре, эстетических вкусов, способности к сопереживанию, сострадания к людям, человеколюбия, уважительного отношения к культуре, традициям и религиозным убеждениям людей.

Разнообразны и развивающие возможности данного предмета. Приобретенные в ходе его изучения знания, умения и навыки позволят в дальнейшем облегчить не только изучение систематического курса истории в средних классах, но помогут в усвоении других

предметов, в целом расширяют кругозор младших школьников, научат самостоятельной работе и т. д. Важную роль это сыграет и в формировании мировоззрения учащихся, что на сегодняшний день является одной из главных целей воспитания и обучения в школе.

Сегодня перед учителями и методистами стоит задача создания системы пропедевтических знаний о человеке и обществе, истории России и мира в начальной школе, основываясь на уже имеющихся в педагогической науке традициях.

Традиции преподавания пропедевтического курса истории в России существуют с XVII века, когда знания о прошлом нашей страны и стран Европы получали царские дети и государственные чиновники, изучая непосредственно исторические источники: летописи, договоры, Судебники и Указы великих князей. Впоследствии расширился круг людей, приобщенных к эпизодическим знаниям, изменился сам предмет изучения. В XVIII веке им становится классическая древность (Греция, Рим), описание жизни и деятельности великих людей. XIX век вернул интерес к родной истории в широком и узком смысле. Появилось много учебных и дополнительных пособий (М. П. Погодин, П. А. Полевой, А. О. Ишимова и др.). Во многих городах, вслед за столицей, вышли краеведческие исследования. В дальнейшем происходит процесс совершенствования данного курса, ведутся поиски новых интересных форм уроков и внеклассных занятий. Для координации разрозненных действий отдельных учителей и методистов в 1916 году был создан сборник «Вопросы преподавания истории».

После Октябрьской революции 1917 г. пропедевтический курс истории то изымался, то возвращался в школу. В 60–е годы подготовка к его возврату была поставлена на серьезную научную основу. Были проведены психологические исследования восприятия истории младшими школьниками. Много внимания было посвящено изучению развития умений и навыков у учащихся, выявлялись пути формирования общественно–исторических представлений и первичных понятий. Содержание учебников и пособий того времени было переполнено идеологическими штампами, схематизировано в соответствии с господствующей идеологией.

Постепенно стали выявляться недостатки такого положения дел. Особенно ярко они проявились в последние годы, когда российская школа начала переход на новую структуру исторического образования, что потребовало от учащихся более глубокого понимания сложнейших исторических процессов.

Начались поиски выхода, которые снова вернули историю как

учебный предмет в начальную школу. Эта идея была одобрена коллегией Министерства образования в декабре 1994 года. Вслед за этим началась работа по созданию разного типа программ, пособий и учебников. Одновременно развернулись споры по следующим вопросам: что изучать, какие параметры должны быть заложены в результат обучения, кто будет преподавать данный курс в начальной школе, в каком классе.

По всем этим вопросам сложилось несколько точек зрения. Объединяет их общее положительное отношение к системе развивающего обучения как основе работы со школьниками младших классов, так как именно она может, используя потенциал истории как учебного предмета и науки о человеческом обществе, сформировать активную деятельную личность, способную творчески, гибко и продуктивно действовать в стремительно меняющихся условиях современной действительности.

Что касается содержания, то здесь выделяется несколько точек зрения.

1. Ее сторонники (Н. И. Ворожейкина, Г. И. Старобинская и др.) считают, что основой для преподавания должна быть отечественная история с элементами краеведения и источниковедения. В последнее время данная точка зрения приобретает все больше сторонников в лице известных исследователей и методистов.

2. Лаборатория Е. Вяземского, Е. В. Сапина, Н. Г. Петрова и др. ставят во главу угла обучение на начальном этапе работы с историческими источниками разных времен и типов.

3. А. И. Дукьянов (Омск), В. В. Сухов (Москва) считают, что преподавательский курс должен быть представлен всеми историческими эпохами, изучаемыми впоследствии школьниками.

Эту группу составляют в большей степени практикующие учителя, которые видят базой для полнейшего выполнения своей функции у преподавателя — краеведение. Это К. О. Симкина в Москве, В. И. Германович и И. С. Левина в Пскове и др.

Каждая из этих позиций имеет свои сильные и слабые стороны.

Постепенно находит разрешение вопрос о том, кто будет учить истории учащихся начальных классов. Так, уже в течение двух лет на факультете начальных классов Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова успешно ведется несколько исторических и один методический курс истории, (правда, пока только для одной группы). В Псковском областном институте повышения квалификации работников образования уже три года проходит подготовку

учителя истории, готовящиеся к работе в начальной школе.

Не секрет, что разнообразие программ, предложенных для преподавания истории в начальной школе, не сможет решить задачу формирования исторического мышления. Существенную роль в этом, на наш взгляд, сыграет методика работы учителя на уроке: формы изложения нового материала, система вопросов и заданий, которые позволяют развить интеллектуальные возможности современного школьника, осуществить индивидуальный подход в обучении. Варианты подобных уроков и заданий были разработаны совместно учителями г. Пскова (Т. И. Ильиной – средняя школа 18, Н. В. Гришаевой – школа – лицей им. А. С. Пушкина), студентами III курса (1994/1995 уч. г.) факультета начальных классов ПГПИ им. С. М. Кирова и кабинетом истории ПОИПКРО. Итоги этой работы представлены в данной статье.

Одной из функций пропедевтического курса истории как учебного предмета является расширение кругозора младших школьников, то есть сообщение им в ненавязчивой форме дополнительных знаний, показ того, как их можно применить в учебе и в обыденной жизни. Хорошую услугу в этом могут оказать уроки, проводимые в форме дидактических ролевых игр, органично включаемых в учебный процесс. Интенсификации учебной деятельности помогут и игры – реконструкции события прошлого, во время которых учащиеся могут глубже понять изучаемую эпоху, как бы вжиться в нее.

Такой урок “Заседание Герольдмейстерской конторы” (или Департамента герольдии, если речь идет о первой половине XIX века) можно провести по теме “Геральдика”. Цели подобного урока могут быть такими: познакомить учащихся с правилами составления гербов, их композицией, цветом, атрибутикой; научиться определять принадлежность герба стране, городу или частному лицу, расшифровывать гербы, находить ошибки в их составлении, попытаться создать герб своей семьи, основываясь на знании закономерностей. По воспитательному воздействию невозможно переоценить значение изучаемой темы, так как это не только обращение к истории, но и созидание ее.

Начало урока, в соответствии с формой его проведения, предполагает вовлечение учащихся в эпоху, когда составление гербов шло в нашей стране наиболее активно (это может быть 1722 год – год создания Герольдмейстерской конторы или 1848 г. – время активизации деятельности Департамента герольдии). Эту работу можно организовать в форме фронтального опроса по изученному материалу (Как называлась наша страна в то время? Кто правил в

России? Чем известен этот царь? Какие важные исторические события происходили в России в этот и ближайшие годы? и др.). Другим вариантом является двухэтапная игра "Умники и умницы", где на первом этапе с помощью тех же фронтальных вопросов и жетонов за верные ответы отбираются шесть участников финала, а последние уже на разноцветных дорожках соревнуются в решении усложненных задач, имеющих целью выявить, что знают школьники 3 класса о гербах. Для ответов можно предложить следующие задания: Что такое герб? Зачем нужны гербы? Что изображают на гербе? Как выглядит герб нашей страны? Как выглядит герб нашего города? и др. Победители этого конкурса становятся не только рыцарями ордена "Шелкового умника", но и главными герольдами класса, то есть им будет предоставлено право оценить правильность составления одноклассниками личных гербов.

Далее учитель вводит учащихся в игру: сообщает, что такое геральдика.

а) научная дисциплина, изучающая гербы, историю их создания и использования;

б) искусство составления герба с помощью системы специальных знаний о форме, композиции изображения, цветах), — обрисовывает задачи Департамента герольдии (или Герольдмейстерской конторы): упорядочивать права и обязанности дворян различных типов (потомственных и служилых), "ведение гербов", составление гербов для городов, полков, дворянских фамилий, их не имеющих, контроль за подделками; — приносит герб (или несколько и тогда работа должна быть организована по группам), правильность оформления которого и должны оценить в конце урока ученики (герб имеет как можно больше ошибок и в композиции, и в атрибутике, и в расцветке).

Затем ученики сами или с помощью учителя определяют, что они должны узнать о геральдике прежде, чем приступят к выполнению задания по исправлению ошибок. Таким образом они научаются самостоятельно разрабатывать стратегию изучения любой темы, решения любой задачи.

На основании предложенной школьниками схемы изучается новый материал по плану (примерному):

1. Формы гербов.
2. Деление (сечение) гербов.
3. Цвет в гербе.
4. Геральдические фигуры. Каждый пункт плана можно раскрывать на примере разных типов гербов: государственном,

губернском, городском, цеховом или личном. Материалы для объяснения учитель может найти во многих книгах.

Для отработки навыков по составлению герба учащимся предлагается по устному описанию раскрасить герб России (можно современный, а возможно использование герба того периода, в изучение которого включены дети всем ходом урока) или герб губернии и объяснить его атрибутику.

После выполнения этой работы можно считать изучение нового материала законченным и приступить к выполнению проблемного задания (поиску ошибок в предложенных гербах). В помощь учащимся можно предоставить справочные материалы по изученному плану.

Дома ученики должны будут самостоятельно составить герб своей семьи, исходя из ее традиций, участия ее членов в исторических событиях страны (Великая Отечественная война, строительство крупных заводов и др.), профессии родителей, своих планов на будущее. Проверка этого задания поможет и одноклассникам и учителю, если он, конечно, примет участие в его выполнении, во многом по – новому посмотреть друг на друга, стать ближе и внимательнее к проблемам не только своих друзей, но и их семей.

Другой вариант игрового урока предполагает не только развитие учащихся введением в историческую эпоху, но и приобщение их к аналитической деятельности через знакомство с профессиями, требующими предомыслия фактов и концепций, предложенных историками.

Тема урока: Реформы Петра I

Цели урока: Составить представление о периоде петровских преобразований: исторических событиях, жизни, быте. Развивать умение реконструировать эпоху, выбирать в ней для более внимательного изучения наиболее важные факты и использовать для этого различные источники.

Форма проведения: составление сценария фильма “Россия молодая”.

Подготовка к уроку: в классе формируются творческие группы – объединения режиссеров, составителей диалогов (сценаристов), костюмеров и гримеров, реквизиторов; каждой группе дается конкретное задание.

режиссерам – описать снимаемые действия, назвать главных героев;

гримерам и костюмерам – представить словами и

изображениями внешний вид участников событий в разных сериях:
реквизиторам – показать, какие предметы быта должны присутствовать в отобранных для съемки картинах;

составителям диалогов – дать наиболее важные темы разговоров артистов, ключевые слова.

Оборудование для работы групп должно быть разнообразным:

– иллюстрации и текст учебника Н. А. Ворожейкиной и др. «Рассказы по родной истории», (любое издание);

– отрывки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», книг А. Дорофеева «Путь наш далек» М., 1991, Н. Кончаловской «Наша древняя столица» (любое издание), А. Рубинштейн «Дедушка русского флота» М., 1971 и др.;

– репродукции картин И. Никитина, А. Матвеева и др.

– открытки с русскими костюмами и утварью XVIII века из собраний Государственного Исторического музея в Москве, местного музея и др.

Ход урока:

Наиболее рационально проводить его после изучения Полтавской битвы и поэтому уже повторение можно представить в виде разработки первой серии картины.

Вступительное слово учителя определяет общую задачу урока – создание сценария и название его, исходя из особенностей эпохи. Используя знания учащихся о кино, с их помощью составляет план работы, то есть функции каждой группы, которые на карточках после обсуждения раздаются ребятам.

Следующий этап – создание первой серии картины путем повторения домашнего задания. Система вопросов для этого может быть следующей: О каком событии пойдет речь в первой серии нашего фильма? Почему это событие достойно особого внимания? Кого вы считаете главными действующими лицами события? На какие части можно разделить рассказ о Полтавской битве? Как будут вести себя главные герои фильма в разные моменты подготовки битвы и ее хода? Будут ли они разговаривать? О чем?

Затем учитель переходит непосредственно к работе по группам. Сначала ученикам в каждой группе предлагается наполнить уже сформированные части фильма предметным, смысловым и словесным содержанием, исходя из предложенного материала. (Хорошо, чтобы на этом этапе количество предлагаемых материалов соответствовало числу членов группы, а их содержание дополняло друг друга). Акцент при этом лучше сделать на новых явлениях. После небольшого

(5 минут) изучения и обсуждения рабочих материалов, результаты действий группы сообщает любой из ее членов

В дальнейшей работе на уроке на уроке учитель выполняет роль научного консультанта и сообщает дополнительные сведения по теме. Примерный план может быть таким:

1. Изменения в армии (Устав, оружие, форма, флот)
2. Изменения в хозяйстве (мануфактуры, торговля, новые культуры)
3. Изменения в быту (внешний вид, праздники, образование). Для

рассказа об ассамблеях и изменениях в одежде можно использовать аппликации по истории Отечества XVIII века или открытки с репродукциями. Роль научных консультантов могут выполнять и наиболее подготовленные ученики, но тогда важной задачей учителя в подготовке урока будет — проверка их рассказов до урока и организация работы с аппликациями и репродукциями на доске.

В завершении урока дается время для подготовки итоговых выступлений группы, работавших над своими вопросами и в качестве домашнего задания ученикам предлагается подготовить и разыграть одну из наиболее тщательно разработанных сцен фильма на повторительно — обобщающем уроке

С целью проверки усвоения младшими школьниками темы и дальнейшего развития интеллектуальных способностей можно на следующем уроке или дома предложить для расшифровки криптограмму:

ЧЫИ ЭТО СЛОВА?

"10, 5, 27, 22, 14 20 1, 11, 21, 17 4, 20, 5, 27, 1 22, 12, 21, 11, 24, 12, 146, 11, 21, 11, 5." ("Здесь у моря будем строить город" — Петр I).

Слова для расшифровки:

1. Царь, которого называли Великим. 23, 8, 12, 21 23, 27, 21, 25, 33, 31. (Петр Первый)

2. Город, построенный на Неве: 22, 9, 32, 26, 12—23, 27, 12, 27, 21, 4, 20, 21, 6. (Санкт — Петербург)

3. Один из приближенных Петра I: 1, 9, 28, 27, 26, 22, 9, 32, 5, 21 5, 9, 32, 24, 28, 11, 25, 24, 13 1, 27, 32, 14, 3, 24, 26, 11, 25. (Александр Данилович Меншиков).

4. Река, рядом с которой стоит село Преображенское: 17, 20, 10, 9. (Яуза).

5. Одно из нововведений Петра I: 26, 9, 28, 27, 32, 5, 9, 21, 14. (календарь).

М. Маргинтер, В. Н. Гарбузов

«СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ»

Международный семинар в Пскове 15-17 апреля 1996 г.

15

– 17 апреля 1996 г. в Пскове состоялся международный семинар “Современные подходы в преподавании истории”, организаторами которого выступили Международный центр образовательных инноваций (МЦОИ) Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Образовательные программы сотрудничества KulturKontakt, Европейская постоянно действующая конференция ассоциаций преподавателей истории EUROCLIO, исторический факультет Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова и Псковский областной институт повышения квалификации работников образования. В работе семинара приняли участие ученые и педагоги из Вены (Австрия), Гааги (Нидерланды), Зальцбурга (Австрия), Санкт – Петербурга и Пскова (Россия).

В первый день работы семинара была представлена целая серия интересных и содержательных докладов. Так, президент EUROCLIO д-р Й. Ван дер Аесув–Роорд (Гаага) выступила с сообщением о системе и структуре исторического образования в школах Голландии. Система исторического образования в школах Австрии была раскрыта в докладе К. Доннермайр (Вена). Проблемы формирования национального самосознания в процессе преподавания истории Отечества стали объектом внимания докт. истор. наук, проф. Е. П. Иванова (Псков). О назначении, содержании и особенностях методики обучения истории в начальной школе сделала доклад Т. Б. Пасман (Псков). Особый интерес вызвали доклады проф. Х. Штроцки (Зальцбург) “Два подхода в обучении истории: история глазами ученика и глазами учителя” и канд. пед. наук М.С. Ерохиной (Псков) “Активные формы обучения истории в школе”.

Довольно интересными были занятия в тематических группах, в которых обсуждались такие проблемы как использование документов, ролевые игры на уроках истории, а также решение учебных и исследовательских задач при подготовке уроков истории. Во время этих занятий учителя Пскова и их зарубежные коллеги смогли обменяться профессиональным опытом, мнениями, сравнить подходы

друг друга к проблемам преподавания истории.

В ходе работы группы, руководимой доктором *И. Ван дер Лееув-Роорд*, обсуждались такие проблемы как: формирование у учащихся навыков работы с документами по дискуссионным историческим проблемам, ведение школьной дискуссии с использованием альтернативных источников, формирование критического мышления и отстаивание личных позиций, относительность исторической правды. Дискуссию по этим проблемам открыли сразу несколько участников. При этом они привели целый ряд неоднозначных примеров из мировой истории: присоединение (оккупация) балтийских государств к СССР в 1944 г. спасение (захват) золота Трои в Берлине в 1945 г. советскими войсками и др. Участники группы, а среди них были учителя школ, преподаватели и студенты исторического факультета Псковского педагогического института, знакомились как с текстами учебных книг, так и с источниками. Это помогало понять противоречия, заключенные в учебниках и документах, и давало возможность комментировать материал, приводя при этом доводы как "за", так и "против".

В группе, которой руководил проф. *Х. Штроцки*, в качестве примера ролевой игры на уроке истории была взята игра на тему "Эмиграция пуритан в 1620 г.". После нескольких вводных замечаний по теме руководитель группы отметил, что для английских пуритан в первой половине XVII в. существовало, по крайней мере, три возможности: 1) Пуритане могли никуда не уезжать и, уйдя в подполье, оставаться в Англии, но тогда они были бы обречены на преследования со стороны короля Якова I Стюарта. 2) Пуритане могли бы уехать в Нидерланды и поселиться там, где их никто не преследовал. Но в этом случае они оказались бы зависимы от помощи своих голландских собратьев. 3) Пуритане могли эмигрировать в Новый Свет, где создали бы собственную общину. Правда, в таком случае их жизнь могла бы сопровождаться большим риском, но одновременно сулила и большие возможности.

Ролевая игра прошла согласованно. Один из учителей взял на себя роль лидера. В группе произошел небольшой спор, когда встал вопрос, каким должен быть этот лидер: авторитарным или демократическим. Т. к. пуритане предпочитали демократическую структуру и принимали только Бога (отрицая посредников между ним и паствой), было решено избрать демократический вариант лидера. После бурной дискуссии участники группы выбрали для пуритан третью альтернативу: эмиграцию в Новый Свет.

Как отметил проф. *Х. Штроцки*, этот конкретный пример был взят как точка отсчета для дискуссии о различных аспектах ролевых игр на уроках истории. Уникальность и основное преимущество этого метода состоит в том, что он позволяет оживить историю. Ведь даже очень хороший учитель не всегда может создать атмосферу приближения к ней. При этом степень активности детей значительно повышается,

они быстрее и глубже запомнят исторический материал, так многие из них сами включаются в игру. Конечно, по утверждению руководителя группы, этот метод не стоит применять часто, а тем более на каждом уроке, поскольку в таком случае он теряет свою привлекательность.

В заключительный день работы прошла презентация "История России в учебниках европейской истории", подготовленная зарубежными участниками семинара и вызвавшая большой интерес присутствовавших. В ходе презентации был дан обзор ряда школьных учебников истории, изданных в Европе. Организаторы презентации показали, как и в каком объеме в них представлена история России.

Так, д-р *Й. Ван дер Аесув-Роорд* отметила, что учебные планы и школьные учебники истории многих европейских стран на 50 процентов содержат материал по национальной истории. История России в западноевропейских учебниках представлена главным образом XX веком. Основной акцент в них делается на показе исторической роли СССР как мировой державы. Предшествующие периоды истории России в школе практически не рассматриваются. Главное внимание содержание учебников уделяет политической, социальной и экономической истории нашей страны. Докладчик с сожалением отметила, что европейские школьные учебники формируют достаточно отрицательный образ России. Ключевыми элементами в преподавании российской (советской) истории на Западе, по ее словам, являются "страдания и войны, авторитаризм и тоталитаризм, Ленин и Сталин".

Анализ того, как история России представлена в австрийских учебниках истории, дал проф. *Х. Штроцка*. Он также подчеркнул, что "если бы в XX веке Россия не взяла на себя роль мировой державы, о ней в учебниках не упоминалось бы вовсе, как это происходит с ее историей до XX века". Докладчик отметил, что австрийская учебная программа по истории средних школ, "находясь явно под большим впечатлением концепции тоталитаризма, делает акцент на сходстве коммунистической и фашистской идеологии". В результате этого из виду упускается специфика большевизма. Поскольку ни один австрийский учебник не останавливается подробно на изучении особенностей русского общества, сама Октябрьская революция представляется в них как волевой акт большевиков, которые просто воспользовались бедственным положением в стране, вызванным войной 1914 – 1918 гг.

Оба докладчика указали на отрывочность, неполноту и упрощенность исторического материала по России, представленного в школьных учебниках европейских стран.

При подведении итогов работы семинара его участники отметили плодотворный характер совместного обсуждения проблем преподавания истории в российской и зарубежной школе, а также необходимость дальнейшего продолжения подобных контактов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алентьева Татьяна Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Курского государственного педагогического университета (Курск)

Брандт Максим Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета (Москва)

Ван дер Лееув-Роорд Йоке — доктор, президент Европейской постоянно действующей конференции ассоциаций преподавателей истории EUROCLIO (Гаага, Нидерланды)

Гарбузов Валерий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Ерохина Марина Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Жестоканов Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древней Греции и Древнего Рима Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Королева Нина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Куликов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Логинов Валентин Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук, декан исторического факультета ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Маргинтер Мария — координатор образовательных программ сотрудничества Министерства образования и культуры Австрии KULTURKONTAKT в Санкт-Петербурге (Вена, Австрия)

Маркова Маргарита Тимофеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Никандрова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Орлов Максим Владимирович – студент V курса исторического факультета ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Пасман Татьяна Борисовна – методист Псковского областного института повышения квалификации работников образования (Псков)

Пленков Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт–Петербург)

Попова Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ПГПИ им. С. М. Кирова (Псков)

Штроцка Хейнц – доктор, профессор Педагогической академии (Зальцбург, Австрия)

Юдовская Анна Яковлевна – заведующая кабинетом истории и социально – политических дисциплин Санкт – Петербургского городского университета педагогического мастерства (Санкт – Петербург)

Юнцблюд Валерий Теодорович – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Кировского государственного педагогического университета им. С. М. Кирова (Киров)

Юрасов Андрей Викторович – аспирант Института Российской истории Российской Академии наук (Москва)

Издательство Центра “Возрождение”
готовит к выпуску книгу

Бориса Петровича Селецкого (1922-1991)
**“РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ:
в предчувствии грядущей катастрофы”**

“...Книга представляет собой результат многолетних исследований Б. П. Селецкого, специалиста в области античной истории, обладавшего широким историческим кругозором, позволившим ему предпринять попытку осмысления основных закономерностей развития...”

“...Нестандартный угол зрения, под которым рассматривается богатый фактический материал, не может не привлечь внимания читателей, интересующихся как историей развития человеческого общества, так и его дальнейшей судьбой.”

А. А. Нейхардт,
доктор исторических наук

ИДЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Альманах

Выпуск 1

Учебно-методическое и научное издание

Издательство Центра "ВОЗРОЖДЕНИЕ"

ЛР № 030604

Россия, 180004, Псков, ул. Я. Фабрициуса, 6.

Телефон (81122) 2-33-29. Факс 23-000. E-mail vestnik@spb.org.ru.

Ответственный редактор *В. Н. Гарбузов*

Технический редактор *А. М. Шлосберг*

Художественный дизайн и оригинал-макет - *А. М. Шлосберг*

На титульном листе обложки - рисунок *Башни ветров* (Афины, Греция.)

Скульптор *Андроник* из Кирра (Сирия), I век до н. э.

Илл. из: Словарь античности. Пер. с нем. М., 1989. С. 33.

Сдано в набор 11.01.97. Подписано в печать 11.08.97.

Формат 60 x 90 ^{1/16}. Бумага типографская № 1.

Гарнитуры: Baltika, **FuturisExtraCondensed**, **Secession**, **GRANIT**, Gothic Kue.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,88. Тираж 1000 экз.

Заказ 5...5... Цена договорная.

Отпечатано с готовых пленок

на государственном предприятии "**Невельская типография**"

Россия, 182510, Псковская обл., г. Невель, ул. Луначарского, 11.

Телефоны (81151) 2-24-75, 2-16-36.

Новое издание, предназначенное учителям истории школ, гимназий, лицеев и классов с углубленным изучением гуманитарных дисциплин, а также студентам исторических факультетов педагогических вузов, включает статьи, которые освещают различные проблемы исторического развития. Авторы с современных позиций, под углом зрения, свободного от догм и стереотипов, рассматривают актуальные вопросы истории от античности до современности, учитывая при этом новые подходы и оценки, содержание дискуссий и споров, ведущихся в исторической науке.

Эта книга послужит повышению уровня исторического образования в старших классах средних учебных заведений и в высшей педагогической школе.

В. К. Фураев,
член-корреспондент Российской
Академии образования,
академик Российской Академии
гуманитарных наук,
доктор исторических наук, профессор

Каждая новая книга, содержащая анализ уже известного материала, но под новым углом зрения, обогащает наше представление о сложных путях развития исторического процесса. Это в полной мере относится и к настоящему изданию. Авторскому коллективу удалось охватить весьма значительный круг проблем, по которым сейчас ведутся дискуссии и споры не только в специальных публикациях, но и на страницах газет и журналов, предназначенных для широкого читателя. Заслугой авторов является их стремление избежать набивших оскомину догматических схем, их попытка показать читателю всю многогранность и противоречивость исторического процесса.

Ю. В. Егоров,
академик Международной Академии
информатизации при ООН,
доктор исторических наук, профессор

Kultur
KKontakt

AUSTRIA